

"Анна Малышева - Отель «Тоledo»"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Короткая стрелка настенных часов над барной стойкой отчетливо, с удовлетворением щелкнула, коснувшись цифры «пять». Александра повернула голову к огромному окну. Сквозь безлунную, долгую декабрьскую ночь уже просачивался рассвет. Черное небо над аэродромом засинело, огни наземных служб сделались тусклее, теряя интенсивность. Александра, щурясь, читала надписи на бортах самолетов, застывших на летном поле. В зале ожидания, ночью почти пустом, заметно прибавилось народу. Терминал Е аэропорта Шереметьево просыпался. Прошли, цокая каблуками, стюардессы в красной форме, катя чемоданчики. В кафе, где устроилась в ожидании вылета Александра, все чаще шумела кофемашина. Слышался хруст перемалываемых зерен, все сильнее становился запах кофе. За соседним столиком дремали две юные японки, транзитные пассажирки, в тапочках, надувных воротниках и наглазных масках. Девушки склонили головы друг другу на плечо. Одна из них, разбуженная кофемашиной, встрепенулась, растолкала подругу («Может быть, сестру, – подумала Александра, – они похожи, как сестры!»), достала из сумки зубную щетку и отправилась в дамскую комнату. Другая, сдвинув на затылок маску, оторопело огляделась, встретила взгляд женщины за соседним столиком и улыбнулась ей. Александра улыбнулась в ответ, невольно чувствуя зависть к этой беспечной юности, храбро спешащей куда-то через весь мир, с несколькими пересадками, в тапочках и с забавным, увешанным брелоками-игрушками рюкзаком.

Оставив сумку на сиденье, женщина поднялась с диванчика и подошла к огромному окну, выходящему на летное поле. Неподалеку виднелся лайнер с буквами KLM на борту. «Мой, – подумала художница, взглянув на часы. – Так странно всегда видеть снаружи свой самолет! Не верится, что он взлетит... Что такая штука может летать!» Она летала часто и, уже сидя в салоне, никогда не испытывала страха, даже во время турбулентности. Но, глядя на самолет, в котором нужно было лететь в очередную командировку, Александра чувствовала тревогу.

Вернувшись за свой столик, она заказала еще одну чашку кофе, хотя за ночь его было выпито столько, что женщина ощущала сильное сердцебиение. Или это был страх перед тем, что ей предстояло осуществить – об этом думать не хотелось. Александра предпочитала не пугать сама себя и списывать свое взбудораженное состояние на слишком крепкий кофе, на бессонную ночь, на смутный страх перед полетом. О том, ради чего затевалась поездка, она старалась не думать.

Художница летела в Амстердам первым утренним рейсом, и летела не впервые. Она хорошо знала и всем сердцем любила этот город, пронизанный сетью каналов, его темные старые кварталы с накренившимися в разные стороны «танцующими домами», набережные, уставленные тысячами велосипедов... Сонные кварталы «красных фонарей» рано утром, когда на улице можно встретить разве что мойщиков тротуаров, угрюмых, коренастых, с обветренными опухшими лицами, а окна и витрины, закрытые красными шторами и жалюзи, хранят самое невинное выражение. Великолепные музеи и богатейшие антикварные магазины, блошинный рынок на Ватерлооплейн и букинистические развалы на площади Спей, неподалеку от знаменитого цветочного рынка на сваях, чье отражение круглый год колеблется в черной воде канала. «И свет! – Александра закрыла глаза, слезящиеся от бессонницы. – Ни с чем не сравнимый влажный свет, в котором все видится одновременно мягко и отчетливо, так что жалеешь, что нет с собой мольберта и красок. Когда я впервые увидела этот свет, поняла,

почему Нидерланды дали миру столько великих живописцев!»

Но сейчас ей совсем не хотелось ехать в Амстердам. Увы, повод для поездки был даже не столько печальный, сколько пугающий. Обычно Александра ехала за границу, чтобы отыскать вещи или картины для перепродажи в России, поучаствовать по чьему-то поручению в аукционе или выступить в качестве эксперта на сделке. На этот раз она ехала искать не картину, а человека, и это была ее собственная инициатива. Впервые за многие годы никто не оплачивал ее поездку. Художница ехала за свой счет, а денег у нее было катастрофически мало. Александра купила билет в одну сторону, так как не знала, когда вернется. Действующая шенгенская виза у нее была. Художница созвонилась с друзьями, живущими в Амстердаме, и с облегчением узнала, что может остановиться у них. Эта семейная пара, также художники-реставраторы, выпускники питерской Репинки, как раз собирались уезжать на длительную работу в Италию и готовы были оставить ей ключи от квартиры. «Отель я бы уже не потянула, ведь нужно что-то есть да еще вернуться домой... – Александра открыла глаза, услышав, как стукнуло блюдо о столешницу. Ей принесли кофе. – Мне повезло, что есть где остановиться. Везло бы и дальше... Везение мне просто необходимо!»

Месяц назад художница случайно узнала, что бесследно исчезла ее старая добрая знакомая, с которой ее иногда связывали общие дела. Надежда была широко известна в кругах московских коллекционеров, и хотя своего салона у нее не было, количество и качество совершаемых ею сделок зачастую превосходило достижения более состоятельных коллег. У нее было исключительное чутье на вещи почти мистического свойства. Александра сама была свидетельницей того, как Надежда коршуном накинулась на картину, ни с первого, ни со второго взгляда ничего не стоившую. После незначительной расчистки обнаружилось, что картина принадлежит кисти одного из самых знаменитых русских живописцев девятнадцатого века. Продана она была за баснословную сумму. Надежда могла бы выручить за шедевр и больше, но другой ее отличительной чертой являлось то, что она не гналась за деньгами как таковыми. Успех был очень важен для нее, но торговаться из-за надбавки Надежда не стала бы, чем отличалась от большинства своих коллег.

– Пойми, – говорила она как-то Александре, с которой всегда была очень откровенна. – Деньги – это хорошо, но это не главное. Я всегда прикидываю, конечно, сколько выручу, мне ведь нужно жить. Но куда важнее в сделке то, что я оказалась права... Это много значит для меня, понимаешь? Я готова потерять в деньгах, только бы не ошибиться.

– Ты просто страшно честолюбива! – смеялась Александра. Впрочем, она совсем так не думала. Честолюбие было тут ни при чем. Надежда дорожила сознанием, что наделена уникальным даром распознавать шедевры под личиной никчемной заурядности. Это и выделяло ее из общей толпы охотников за антиквариатом. – Скажи, тебе случалось когда-нибудь ошибаться? Знаешь, это совсем не так страшно...

– Никогда! – непримиримо отвечала Надежда, мотая головой, причем хвостики, которые она завязывала за ушами, как школьница, били ее по щекам. – Я ни разу еще не ошиблась, а если это случится, я все брошу к такой-то бабушке и уйду из профессии! У бывшего мужа багетная мастерская, он меня возьмет на работу!

В этих словах, несмотря на всю их категоричность, не было преувеличения. Надежда действительно славилась безошибочностью чутья и крайне болезненно воспринимала даже намек на то, что она может упустить никем не распознанный шедевр. Как все гении (а в своем роде она была гением), Надежда казалась несколько странной. Она три раза выходила замуж, но ни один ее брак не продержался и года. Со всеми бывшими мужьями у нее были прекрасные отношения. Вероятно, эти люди вполне земных профессий – инженер-строитель, детский врач-

офтальмолог и последний муж, мастер по изготовлению багетов для картин, – чувствовали, что перед ними не вполне обычное существо женского пола, и расставались с Надеждой без вражды. Детей у нее ни в одном браке не было, но с ней постоянно жила племянница, дочь старшей сестры, столь же неудачливой в браке. Старшей сестре девочка мешала, а Надежда приютила ее так же легко, как делала все на свете: выходила замуж, расставалась с мужьями, переезжала с квартиры на квартиру, совершала удачные сделки, изумлявшие всю антикварную Москву. Эта сорокалетняя женщина с девчачьими русыми хвостиками и круглыми серыми глазами, хранившими наивное выражение, была словно не от мира сего. Как шутила сама Надежда, она напоминала внешне и по поведению персонажа японского мультфильма, одного из тех, которыми увлекалась ее племянница. И все же с Надеждой Пряхиной советовались солидные люди, ей доверяли сложнейшие сделки, ее приглашали выступить экспертом, когда возникал спор о подлинности и ценности того или иного лота на ближайшем аукционе. И она никогда не ошибалась.

– Кроме одного раза, вероятно...

Александра вздрогнула, осознав, что произнесла это вслух. Впрочем, ничьего внимания она не привлекла – кафе уже наполнилось посетителями. Это были пассажиры первых утренних рейсов, которые торопливо завтракали, готовясь разлететься во все концы света. Японки исчезли, вместо них появилась другая пара, муж с женой, которые довольно громко выясняли отношения. Мужчина был нетрезв, женщина, эффектная блондинка с дорогой сумкой и подкачанными губами, вытирала слезы, впрочем, осторожно, чтобы не размазать макияж. Длинноволосый парень с гитарой, дремавший всю ночь на диванчике напротив того стола, где сидела Александра, растирал мятое покрасневшее лицо ладонями, стараясь прийти в себя. Со стороны зала ожидания появилась большая группа китайцев, которые всю ночь безмятежно проспали на диванчиках. Становилось шумно. Александра расплатилась за кофе, залпом осушила чашку и поднялась из-за стола. Уже объявили номер выхода, откуда должна была начаться посадка на рейс до Амстердама.

«Да, кроме одного раза... Последнего!» Выйдя в зал, Александра остановилась поодаль от нужного выхода. Она не торопилась занять место в очереди. Ручной клади у нее с собой не было, за исключением небольшой брезентовой сумки, которая сопровождала художницу везде и всегда. Беспокоиться, что не хватит места на полке для багажа, не стоило. Александра подошла к панорамному окну и окинула взглядом летное поле. Самолет компании KLM уже стоял у обозначенного выхода, соединенный с ним гофрированной трубой. Женщина зябко повела плечами, хотя в зале ожидания было тепло. Несмотря на свой страх перед посадкой в самолет, она все же предпочитала думать об этом, а не о том, как исчезла Надежда.

История этого исчезновения была очень простой и тем не менее очень странной. Месяц назад на мобильный телефон художницы поступил звонок с незнакомого номера. Александра всегда отвечала на такие звонки, зная, что ее номер могут передавать потенциальным клиентам.

В клиентах же она очень нуждалась как никогда. Особняк на Китай-городе, многие годы служивший ей приютом, ставили на капитальный ремонт и реставрацию через два месяца. Мастерскую предписывалось освободить в самые кратчайшие сроки. Об этом Александру уведомили звонком из Союза художников, где особняк числился на балансе.

– Куда же я денусь? – спросила тогда художница, прекрасно, впрочем, сознавая, что вопрос не имеет смысла.

– Куда хотите! – последовал вполне ожидаемый ответ. – Вы и так занимали эту мастерскую двенадцать лет и платили копейки. А сейчас у нас и самые именитые авторы на

самообеспечении...

Александра никогда не числила себя в именитых авторах, тем более что давно уже занималась не столько живописью, сколько реставрацией. Мастерская, расположенная в мансарде ветхого старинного особняка на Китай-городе, когда-то досталась ей по наследству от умершего супруга, художника довольно заметного, но безвозвратно погибшего и забытого еще при жизни. Первый этаж особняка, где провалились полы, хозяйничали крысы и клубился подвальный гнилостный пар, был давно заброшен. Второй и четвертый этажи опустели не так давно. На третьем до последнего времени обитал скульптор Стас, единственный сосед Александры. И хотя их разделял необитаемый четвертый этаж, художнице все же было спокойнее от осознания того, что внизу кто-то живет. И вот он уехал...

Расставание было тяжелым. Александра сама не ожидала, что за долгие годы так привязалась к этому неунывающему пропойце, высоченному кудрявому богатырю, бабнику и горлопану. Даже уродливый шрам, пересекавший лоб скульптора – свидетельство драки с чьим-то обманутым супругом, казался ей теперь родным. Стас с чувством обнял бледную, растерянную женщину:

- Сашка, не унывай! Ты тоже тут недолго задержишься! Знаешь ведь, моя муза ищет тебе мастерскую неподалеку от нас. Пушкино – это ведь не край света! Привыкнешь и там!

- Я привыкла бы везде, – печально отвечала женщина. Возможно, впервые ее не мутило от резкого запаха перегара, неизменно исходившего от соседа. – Дело не в привычке...

- Что касается денег, родная моя, помогу, чем сумею! – пообещал скульптор. – Сейчас, правда, заказов мало... Помирать меньше стали, что ли, или на памятниках экономят?

Стас, будучи очень неплохим скульптором, в периоды безработицы пробавлялся изготовлением бюстов покойников, по которым скорбели зажиточные родственники. Сам он это занятие искренне презирал прежде всего потому, что в силу известных обстоятельств не мог лепить с натуры.

- Делаю с фотографии, шалей-валяй, а им хоть в лоб, хоть по лбу! – жаловался он, в очередной раз напившись. – Покойник, скажем, смахивал на Хрущева... Я им ваяю что-то вроде Брежнева. Нравится! Вдовы аж плачут! Ничего не понимают... Ничего!

И вот Стас уехал вместе со своей музой, престарелой нянькой и натурщицей, Марьей Семеновной, в Пушкино, где вездесущая старуха, имевшая родственников неподалеку, в Тарасовке, отыскала ему помещение под мастерскую и квартиру. Александра осталась в разрушающемся особняке совершенно одна.

Ее давно не пугало одинокое существование в огромной ветхой мансарде, хотя единственной защитой от возможного нападения извне была входная дверь, обитая ржавыми железными листами и снабженная весьма условными старыми замками. Скрипы, шорохи и стуки, которыми полнился по ночам особняк, давно не волновали ее воображения. В призраков художница не верила, она боялась только людей. Стас со своей «музой» был ненадежной защитой, но все же он был. Теперь она в одиночестве противостояла темноте и страху. Но больше всего женщину пугало другое – как она переедет в несуществующую ее новую мастерскую со всем скарбом, накопившимся за годы? Груды книг, материалов для живописи и реставрации, весь вещественный хлам, которым так быстро и обильно обрастает творческий человек, – куда и, главное, на какие деньги все это перевозить и устраивать по-новому?

Она стучалась во все двери, соглашалась даже на самую мелкую и невыгодную работу,

несколько раз была вынуждена проглотить унижительные отказы и еще более унижительные рабочие предложения, на которые никогда прежде не пошла бы... И вот – незнакомый звонок, раздавшийся в ее мастерской однажды утром, в начале ноября, через несколько дней после отъезда Стаса.

- Могу я услышать Александру Корзухину? – осведомился мужской голос.

- Это я. – Александра поднялась из-за мольберта, на котором стоял готовый к реставрации натюрморт – незначительная работа незначительного художника середины двадцатого века.

- Мы незнакомы, – продолжал мужчина, забыв представиться. – Мне ваш телефон дала племянница Надежды Пряхиной. Вы ведь были знакомы с Надеждой?

- Были? – В желудке у Александры словно возник кусок льда. – Что случилось?!

- Вы, значит, ничего не знаете... – после короткой паузы ответил мужчина. – Она ведь пропала полгода назад. Никто понятия не имеет, где она сейчас.

Александра опустила на стул, прижимая телефон к уху. У нее подкосились ноги. Она лихорадочно вспоминала, когда в последний раз видела старую знакомую. «Давно... Весной? Да, кажется, в марте. На аукционе. Мы почти не говорили, не было времени, только поздоровались и задали друг другу пару вопросов... Потом она один раз звонила, приглашала на экспертизу, но я не могла приехать...» В ее мысли врезался голос собеседника:

- Вы слушаете меня? Так вот, я говорю, Надежда пропала, и мы беспокоимся. Думаем, не заявить ли в полицию.

- Простите, а вы кто? – опомнилась Александра. – И почему вы обращаетесь ко мне?

- Я муж ее старшей сестры, Анны, – ответил мужчина. – Меня зовут Сергей, извините, не представился сразу. Просто сейчас как-то не до церемоний.

- Сергей, простите за такой вопрос, – Александра окончательно пришла в себя, – но почему вы только сейчас решили обратиться в полицию, если человек пропал полгода назад?

В трубке послышался глухой смешок. Художнице очень хотелось бы думать, что собеседник просто откашлялся, но она не обманывалась – он явственно усмехнулся.

- Да ведь Надя – взрослый, самостоятельный человек, – ответил он. – И никогда нам не отчитывалась, чем занимается. О том, что она куда-то там едет, мы узнавали по тому, что она привозила нам на время Лиду. И вот, Лида уже полгода живет у нас, а от Нади ни слуху ни духу.

Александра промолчала. Ей была хорошо известна уродливая ситуация, в которой оказалась четырнадцатилетняя племянница Надежды. Та и в самом деле видела родную мать только во время командировок тети. «Да и то, – с горечью говорила Александре приятельница, – если бы мне было куда еще пристроить Лидку, кроме как к матери, я бы это сделала. Но некуда! Я одна такая дура среди наших родственников. Хотела один раз отвезти ее к Василию... Так он мне дал понять, что такие услуги обычно оказывают за деньги. Он хотел взять с меня деньги за то, чтобы продержат у себя несколько дней девчонку!» Василий был старшим братом Надежды и Анны. Александра никогда его не видела, но судя по рассказам приятельницы, это был совсем не тот человек, которому можно доверить ребенка. Со слов Надежды, старшая сестра никак материально не участвовала в воспитании девочки. Все расходы оплачивала тетя. Мать

ограничивалась подарками на день рождения и на праздники, и подарки эти только озлобляли Лиду. «Лучше бы Аня придержала при себе деньги на эти телефоны и прочие гаджеты и съездила вместе с Лидкой к морю... Хоть раз в жизни!» – сетовала Надежда. Она доверяла Александре, зная, что та не сплетница, и потому всегда была с ней очень откровенна. Впрочем, ни для кого не было тайной, что живущая у нее племянница – вовсе не круглая сирота. У девочки был жив и отец, но кто он, чем занимается и почему ни разу не появился на горизонте, никто не знал. Об этом Надежда не обмолвилась ни разу, а сама Александра была слишком сдержанна, чтобы расспрашивать.

– Так что же... – медленно произнесла художница, с трудом собираясь с мыслями. – Полгода назад Надежда куда-то уехала, и никто не знает, куда? И ни разу не дала о себе знать?

– Так что же... – медленно произнесла художница, с трудом собираясь с мыслями. – Полгода назад Надежда куда-то уехала, и никто не знает, куда? И ни разу не дала о себе знать?

– В том-то и дело, – со вздохом ответил Сергей. – У Лиды недавно был день рождения, так она даже ей не позвонила!

Это и в самом деле внушало серьезные опасения. Александра знала, что Надежда очень любила свою племянницу, и хотя иногда бывала с ней строга («А иначе девчонка совсем разболтается!»), пыталась как-то компенсировать девочке отсутствие нормальной семьи. В день рождения Лиды Надежда даже отменяла срочные дела, теряя деньги. И ни разу не было случая, чтобы она уехала в командировку.

– Лида весь день просидела с телефоном в руке, – добавил Сергей, не дождавшись комментария от собеседницы. – В общем, это был кошмар. Закатила под вечер такую истерику!

– Простите, а почему мне не позвонила мама Лиды? Почему звоните вы? – До Александры внезапно дошла вся странность ситуации. Ей звонил очередной сожитель Анны, а та отмалчивалась, хотя ситуация касалась ее куда острее.

Сергей вновь не то откашлялся, не то усмехнулся – Александра уже начинала думать, что такова его обычная манера скрывать замешательство.

– Аня против того, чтобы поднимать шум, – признался мужчина, немного помедлив. Было заметно, что он тщательно подбирает слова. – Аня считает, что сестра просто уехала куда-то, нашла свое счастье и теперь не хочет вспоминать о родственниках. Так она выразилась.

– И это счастье помешало Наде поздравить с днем рождения девочку, которую она воспитывала несколько лет подряд почти в одиночку? – не удержалась от язвительного тона Александра.

Мужчина вновь откашлялся.

– Я все понимаю, – ответил он. – Я тоже считаю, что Аня должна была сама воспитывать дочь. Вы меня не знаете, конечно, и можете думать все что хотите... Но я был совсем не против того, чтобы Лида оставалась с нами. Я хочу найти Надежду не потому, что мне не терпится сплавить с рук девочку. В общем, это моя собственная инициатива... Надя была хорошим человеком... Я беспокоюсь.

– Хорошо. – Художница решила впредь воздерживаться от саркастических замечаний. – По какой бы причине вы ни искали Надю, вы это все же делаете. Без согласия ее сестры, как я

поняла?

- К сожалению... После дня рождения Лиды мне стало ясно, что дело серьезное. Я расспросил ее обо всех знакомых Нади, она вспомнила несколько имен. Но мне это ничего не дало, потому что Надя увезла с собой все записные книжки. Если они имелись... А ваш телефон Лида знала, он почему-то у нее был. Вот я вам и звоню.

- Телефон у нее был, потому что Надя как-то ей с него звонила, - пояснила Александра, немедленно вспомнившая тот старый эпизод. - Мы с ней допоздна задержались на одних торгах, у Нади разрядился телефон, и она позвонила Лиде с моего, чтобы та не волновалась. Видимо, девочка внесла номер в память телефона.

- Так что вы думаете, как мне поступить? - неожиданно спросил мужчина.

Вопрос поставил Александру в тупик. Она была ошеломлена всем услышанным, а теперь ей к тому же предлагали принять некое решение. Она нахмурилась, встала и щелкнула кнопкой в основании настольной лампы. Ноябрьское утро было темным, и вместо утреннего света узкую улицу за окном наполняли сумерки цвета толченого графита. На столешницу упал золотой круг. В нем оказались чашка с недопитым черным кофе, банка, где замачивались в растворителе кисти, растрепанная пачка бумаг, которую художница безуспешно перерыла этим утром в надежде найти нужную статью. Вся остальная мастерская еще глубже утонула в сумраке, так же как и мысли Александры. Она даже не пыталась отвечать на заданный вопрос. Ее душило глухое возмущение, с трудом оформлявшееся в слова.

«Почему я должна что-то советовать? Почему этим людям всегда нужно, чтобы за них думали и решали? За них воспитывали девочку! Ладно, с этого Сергея спрос невелик, он даже не настоящий отчим Лиды, но ее мать! Она стольким обязана сестре, которая полностью освободила ее от забот о дочери, развязала ей руки... И она не хочет искать Надю! Приписывает ей свой собственный эгоизм, считает, что та сбежала от проблем и спряталась от девочки! Нет, правду утверждают: о чем бы человек ни говорил, он всегда говорит только о себе!»

- Так что вы мне посоветуете? - повторил Сергей.

- Простите, - очнулась Александра, - лично вам мне посоветовать нечего. Разве что попробуйте переубедить Анну. Если кто-то и должен искать сестру, то именно она. Я не думаю, что от вас примут заявление в полиции. Там сразу возникнут вопросы... Анна сама должна это понимать!

- Я ведь все это ей говорил и даже почти теми же самыми словами! - оправдывался мужчина. - Но... вы ее знаете?

- Только со слов Нади, - сдержанно ответила Александра.

- Могу себе представить, что она говорила...

- Ничего особенно страшного Надя не говорила, - одернула его художница. - Я сама сделала кое-какие выводы, исходя из того, что мне было известно. Нехорошо осуждать своих ближних, но тут... Трудно удержаться.

- Мне тоже это непонятно, - со вздохом признался Сергей. - Надя полгода как уехала, ни разу не позвонила, о ней ничего не известно, а Аня... Она только отмахивается. Я отлично понимаю, что искать Надю должен не я... Но что же делать, если больше некому?

- Василию, их старшему брату, вы звонили, конечно? - осведомилась Александра.

Она начинала понемногу проникаться участием к этому незнакомому человеку. По всей видимости, Сергей действительно искал свояченицу вовсе не с целью вновь навязать ей на шею мешавшую ему девочку. Выяснилось, что Василию звонили несколько раз, на протяжении всего полугода, в течение которого отсутствовала Надежда.

- Больше ведь и позвонить было некому! - сообщил Сергей. - Другой родни у них с Аней нет. Есть какие-то очень дальние родственники, где-то в Сибири, но Надя уехала вовсе не туда. С ними и связываться смысла нет. Ходил я на квартиру, где она жила, вы знаете, в Измайлово... Оставлял соседям и консьержке свой телефон. Просил позвонить, если появится Надя или кто-то вдруг поселится в ее квартире. Ведь всякое случается... Ничего, никакого эффекта - она не возвращалась, и никто чужой не появлялся. Квартира с конца апреля стоит запертая. Я взял у Ани ключи, заходил вовнутрь... Но ничего не трогал, на всякий случай. Вроде все в порядке...

- Погодите, - с трудом остановила его словоизлияния Александра. - Вы сказали, что она уехала «не туда», то есть вам известно, куда?

- Известно-то известно, да толку нет! - ответил Сергей. - В апреле, в последних числах, она уехала в Нидерланды, взяла билет в Амстердам. Известно даже, в каком отеле она там сперва остановилась, Надя всегда останавливалась в одном и том же. Я нашел их адрес в Интернете, написал им письмо... Выяснилось, что Надя прожила в отеле ровно столько, на сколько бронировала номер, три дня и три ночи. Все оплачено, нареканий нет.

- Куда же она поехала потом? - Александра растерянно обводила взглядом рабочий стол, словно предметы, в беспорядке разбросанные по столешнице, могли подтолкнуть ее мысли на верный путь.

- Неизвестно... - Голос Сергея прозвучал глухо, тон был усталый. - Ничего больше не известно. У меня очень плохие предчувствия.

К этому моменту художница полностью разделяла все предчувствия и опасения собеседника. Вместе с осознанием всей серьезности ситуации в ней зарождалась ярость, гнетущая и холодная. «В конце апреля! Она пропала в апреле! И они ждали до ноября, сделали только несколько жалких движений, чтобы ее найти! Сходили на квартиру! Поговорили с соседями! Оставили телефон консьержке! Точнее, и это самое ужасное, занимался всем этим вот этот человек, сожитель ее сестры. А не сестра...» Ей вдруг вспомнилось лицо Надежды в момент их последней встречи на аукционе. Приятельница выглядела очень молодо, и даже не благодаря своей детской прическе с хвостиками. Ее молодило безмятежное выражение лица, ясный взгляд, неизменно спокойная реакция на все происходящее. Казалось, никакие внешние бури не могут поколебать ее душевного равновесия. Надежда многим казалась равнодушной, но Александра знала, какие бури и страсти скрываются за этим гладким лбом, крутым, выпуклым и небольшим, как у многих упрямец.

«Не делай добра - не получишь зла!» - внезапно заявила тогда Надежда, без всякой связи с предыдущей своей репликой. Ее лицо омрачилось, лоб прорезала длинная тонкая морщина. Женщина как будто напряженно что-то обдумывала, не находя ответа, и фраза вырвалась у нее словно из-под спуда других потаенных мыслей. Александра тогда переспросила ее, надеясь услышать какое-то объяснение, но Надежда отмахнулась: «Это я так, о своем... Не важно!» Но «это» было важно, очень важно - Александра судила по ее отсутствующему взгляду и горькой интонации, с которой была произнесена фраза. Тогда Александра решила, что Надежда, задумавшись, произнесла вслух то, что думала о поведении старшей сестры. В последнее время

характер у Лиды стал резко портиться, и Надежда списывала это на то, что девочка все яснее понимает, насколько она не нужна своей матери. Мать Лиды, со слов Надежды, обвиняла в этой перемене сестру: та-де распустила девчонку.

«Не делай добра – не получишь зла!» – внезапно заявила тогда Надежда, без всякой связи с предыдущей своей репликой. Ее лицо омрачилось, лоб прорезала длинная тонкая морщина. Женщина как будто напряженно что-то обдумывала, не находя ответа, и фраза вырвалась у нее словно из-под спуда других потаенных мыслей. Александра тогда переспросила ее, надеясь услышать какое-то объяснение, но Надежда отмахнулась: «Это я так, о своем... Не важно!» Но «это» было важно, очень важно – Александра судила по ее отсутствующему взгляду и горькой интонации, с которой была произнесена фраза. Тогда Александра решила, что Надежда, задумавшись, произнесла вслух то, что думала о поведении старшей сестры. В последнее время характер у Лиды стал резко портиться, и Надежда списывала это на то, что девочка все яснее понимает, насколько она не нужна своей матери. Мать Лиды, со слов Надежды, обвиняла в этой перемене сестру: та-де распустила девчонку.

Но теперь, когда Надежда бесследно исчезла, этим словам, сказанным за месяц до ее отъезда в Амстердам, можно было придать и другой смысл. «Но кому она могла помешать?! – ломала голову Александра. – Враги есть у всех, в нашем деле без них не обойдешься... Кому-то перейдешь дорогу, кому-то сорвешь сделку или выскажешься на экспертизе не в пользу продавца... Или владельца «шедевра» огорчишь, сообщишь ему, что он приобрел новодел за бешеные деньги...» Но она не могла припомнить, чтобы Надежда жаловалась на кого-то или кого-то боялась. Ее исчезновение было необъяснимо и оттого пугало еще больше.

– Я хотел вас попросить об одолжении... – Голос в трубке звучал теперь виновато. – Я ведь первый раз в жизни был в ее квартире в Измайлово да и поехал туда тайком от Ани. Это Лида настаивала и со мной напросилась. Мы с ней вместе осмотрели квартиру, и Лида сказала, что все осталось точно так же, как в тот день, когда Надя увезла ее к матери. На другой день Надя и сама уехала в Амстердам... Но ребенок мог чего-то не заметить, а вот вы... Лида сказала, вы у них бывали несколько раз...

– Вы хотите, чтобы я осмотрела квартиру? – догадалась Александра.

– Именно! – обрадовался Сергей. – Вам что-то может броситься в глаза... Вдруг Надя что-то увезла с собой. Что-то пропало или появилось...

– Послушайте, но это ведь самодеятельность! – сердито одернула его художница. – Полгода назад пропал человек, о нем ничего не известно, явно что-то случилось! А вы приглашаете меня осматривать квартиру и выносить какие-то суждения! Этим должен заниматься следователь!

Но, споря с Сергеем, Александра уже понимала, что сдастся и примет его предложение. Вместе с беспокойством за судьбу старой знакомой она ощущала волнение другого рода. Ее всегда неодолимо притягивала тайна, в чем бы она ни заключалась.

В квартире, где жила с племянницей Надежда, художница последний раз побывала примерно год назад. Тогда, в преддверии новогодних каникул, готовилось сразу несколько крупных аукционов. Надежда мечтала везде успеть, Александра оценивала свои возможности скромнее и планировала посетить только два. Приятельница пригласила ее к себе в гости, в очень загадочных выражениях пообещав некий сюрприз. Сюрприз и в самом деле удался: Надежда посвятила ее в подробности закулисных интриг того аукциона, на который Александра

возлагала самые большие надежды. Очень узкой группе людей, среди которых была и Надежда, стало известно, что самый крупный лот на аукционе – современная китайская подделка под старинный французский фаянс.

- Я не могла тебе этого сказать по телефону, ты понимаешь. – Надежда, любуясь изумлением гостя, заваривала чай. – Этой вазой многие интересуются. Надеюсь, ты понимаешь, это закрытая информация.

- Понимаю... – Перед Александрой словно наяву вставал тот лот, о котором шла речь. Это была большая напольная ваза глубокого лазурного цвета, украшенная зелеными виноградными лозами и порхающими крошечными розовыми птичками. Работа была тонкая, модель исполнена с большим вкусом, предмет, судя по основным признакам, старый, а не состаренный. И вот Надежда вынесла свое суждение, а она не ошибалась никогда.

- Я понимаю, что это не предмет для широкого обсуждения, но все же... – Александра колебалась, не решаясь прямо высказать свои чувства. – Эта ваза в своем роде небольшое событие, и я знаю людей, которые готовы за нее заплатить довольно приличные деньги. Быть может, хотя бы намекнуть кое-кому, что...

- А зачем? – Надежда еще шире распахнула серые выпуклые глаза, неизменно хранившие детское наивное выражение. – Пусть бросают деньги, не мешай людям наслаждаться жизнью. Господи! Да если бы в коллекциях моих знакомых хоть четверть вещей оказалась подлинниками, я бы считала, что им крупно повезло! Ты же знаешь, как сейчас усовершенствовались наши китайские друзья... Просто на глазах выросли! Когда я начинала в девяностых, китайскую подделку было видно с первого взгляда, а теперь все приходится на зуб пробовать и с лупой ползать... Молодцы, ничего не скажешь!

- Но...

- Прекрати! – Надежда остановила слабый порыв гостя решительным жестом. – Если хочешь заняться благотворительностью, найди более достойный жалости объект!

И ваза ушла на аукционе в первые десять минут, за крупную сумму, в коллекцию очень богатого и не очень разборчивого человека, которого Александра знала и которого ей в самом деле совсем не было жалко...

Попав в квартиру пропавшей приятельницы, Александра долго осматривала две комнаты, хотя их метраж был совсем невелик. Сергей, встретивший ее у подъезда, молча следовал за ней по пятам, к счастью, не задавая вопросов и не мешая сосредоточиться. И все же этот высокий грузный мужчина с заметной одышкой, неуверенным взглядом и лысеющим лбом стеснял Александру. Она предпочла бы, чтобы он держался от нее подальше – от него исходил очень интенсивный аромат цитрусовой парфюмерной воды, от которого художницу едва не мутило. Сама Александра духами не пользовалась и была очень чувствительна к резким запахам. Возможно, именно из-за этого парфюмерного облака она с первой минуты почувствовала неприязнь к Сергею. Он же держался с ней уважительно и даже как будто слегка робел.

Прежде всего художница подошла к старой советской стенке из полированного дерева – такие водились в семьях «со связями» в семидесятых годах. Именно здесь, за потускневшими, никогда не полировавшимися дверцами, Надежда хранила все, что было ей необходимо для работы: альбомы, набитые фотографиями, тетради с заметками, кипы потрепанных блокнотов, вороха бумаг, в которых их обладательница не смогла бы разобраться при всем желании, а выбросить не решалась. Александра распахивала одну дверцу за другой, обводила взглядом

полки... Это было дело совершенно бессмысленное – вероятно, даже сама хозяйка всего этого бумажного хлама не смогла бы с первого взгляда определить, все ли на месте.

– Я не вижу, чем могу быть тут полезна! – Завершив осмотр полок, Александра обернулась к сопровождавшему ее мужчине. – Если она что-то и увезла, то мне этого не понять! Трогать я ничего не буду. Прежде всего это ничего не даст. И потом, если вы все же решитесь обратиться в полицию, они будут очень недовольны, что кто-то рылся в бумагах до них!

– Я уже не знаю, что делать! – В голосе Сергея звучало настоящее отчаяние.

Он присел в кресло, накрытое старым клетчатым пледом, и закурил. Поискал взглядом пепельницу, нашел на журнальном столике большую морскую раковину, исполнявшую эту роль, взял ее в руки и тоскливо повертел. – Аня категорически против того, чтобы обращаться в полицию. Хорошо, хоть ключи у меня забыла обратно потребовать, а то бы я и вас сюда не смог привести! Лида молчит. Не разговаривает ни с матерью, ни со мной.

– Надеюсь, со мной она все-таки поговорит... Я хочу знать, как вела себя Надежда накануне отъезда, когда обещала вернуться... Вы девочку об этом расспрашивали?

Сергей с готовностью кивнул, явно радуясь тому, что может ответить на поставленный вопрос:

– Конечно, много раз спрашивал! И Аня тоже... Ничего особенного не происходило. Надя собрала свой обычный чемодан, с каким всегда ездит. Сказала Ане, когда привезла Лиду, что вернется через три дня. Даже и подозрений быть не могло, что она замыслила какой-то побег, как теперь говорит Аня! Я не был при том, как она прощалась, но и Лида, и Аня говорят, что Надя была спокойна, улыбалась, явно радовалась, что едет...

– Она очень любила Амстердам! – рассеянно кивнула художница. И содрогнулась, осознав, что начала говорить о Надежде в прошедшем времени, как о покойнице – точно так же говорил о ней Сергей.

То, что она услышала, тяжелым камнем легло ей на сердце. Александра изначально не верила в то, что Надя способна забыть долг, который ощущала перед брошенным ребенком, и исчезнуть, попросту перестав выходить на связь. Ее исчезновение не было запланированным. Полгода молчания производили самое зловещее впечатление. Художница твердо решила добиваться, чтобы семья пропавшей приятельницы обратилась в полицию. Нерешительность Сергея раздражала ее, равнодушие Анны – бесило.

Продолжая осмотр комнаты, Александра перешла к зеркальному серванту, примерному ровеснику стенки. Квартира вместе со всей обстановкой досталась Надежде от умершей в начале девяностых годов бабушки, и она ничего здесь не меняла просто потому, что была равнодушна к комфорту. Это роднило обеих женщин – Александра годами жила в таких ужасных бытовых условиях, что неподготовленные посетители ее мансарды приходили в шок. Ржавые ледяные батареи, близкая железная крыша, раскаленная в жару, веющая лютой стужей в морозы, старая проводка, едва выдерживавшая нагрузку, единственный кран с холодной водой, которая в лучшем случае сочилась тонкой струйкой... Бывая у Надежды, Александра всегда пользовалась случаем и просила разрешения принять душ. Так она и мылась, скитаясь по квартирам и мастерским друзей. Все к этому привыкли, привыкла и она сама – ей уже не казалось чем-то постыдным и странным попросить о подобном одолжении. Пока она принимала душ в гостях у Надежды, та варила кофе. Потом приятельницы располагались с чашками в старых, продавленных, но уютных креслах, и Надежда, указывая на стеклянные дверцы зеркального серванта, рассказывала о своих последних приобретениях,

которые там временно хранились. Надежда отлично разбиралась в фаянсе и фарфоре, умела дешево покупать редкости, которые потом выгодно сбывала коллекционерам. Сама она никаких коллекций не собирала.

- Честно говоря, - не раз признавалась приятельница Александре, - мне претит сама мысль о том, чтобы собирать какую-то коллекцию. Разбираться в вещах - да. Зарабатывать на этом надеюсь и впредь. Но посвятить свою жизнь старой рухляди, пусть даже редкой и ценной, - этого я не сделаю никогда!

Александра отлично ее понимала. Она и сама не предавалась страсти коллекционирования. Ее увлекал процесс поиска вещей по чьему-то заказу, манили тайны и трудности, которые встречались на этом пути... И хотя художница давно могла составить себе солидную коллекцию за очень небольшие деньги, ей и в голову не приходило это сделать.

Такие образом, безделушки, старинные и современные, стоявшие на полках в серванте, никогда не задерживались там надолго. Каждый раз, когда Александра приходила в гости, она видела новую разномастную коллекцию, назначенную к перепродаже. «Это масло к моему хлебу!» - говаривала Надежда. Она покупала эти вещички как будто на бегу, невзначай и так же легко их сбывала с рук, неизменно оставаясь в барыше. Деньги были нужны для содержания взрослеющей племянницы. Сама Надежда тратила на себя немного, одевалась, как и Александра, в старые, поношенные вещи и не привыкла роскошествовать. При всей внешней несхожести женщины были неуловимо похожи. Это их и сближало, монолитной стеной отгораживая от конкуренток - «великосветских» антикварш с последствиями пластических операций на лице, снабжающих Рублево-Успенское и Новорижское шоссе. Их разделяла пропасть. При том, что и те, и другие занимались одним делом и последние часто не уступали в осведомленности первым, это были представители двух очень разных миров.

...Стоя перед сервантом, Александра обводила взглядом предметы на стеклянных полках, потускневших от пыли, которая умудрилась просочиться между створками дверец. Впрочем, это было не удивительно - пыль царствовала в этом доме безраздельно.

- Странно... - произнесла наконец женщина. Сергей торопливо приблизился:

- Вы что-то заметили? Что-то пропало?

- Нет-нет... - Александра вновь и вновь осматривала полки, все больше убеждаясь в том, что не обманывается. - Как раз вещи, похоже, остались на прежних местах. Да, тот же самый набор, который я видела год назад. Будто их ничья рука не касалась!

Сергей недоуменно и вопросительно на нее взглянул, и художница пояснила:

- Понимаете, такие безделушки Надя брала для того, чтобы как можно быстрее перепродать и заработать. Иногда ей везло, и она могла выручить даже очень приличную сумму! Хотя никогда не жадничала. Для нее был важен быстрый оборот. В этом плане она была настоящим бизнесменом! Считала, что вещи не должны залеживаться на месте, нужно немедленно превращать их в деньги. Все, что вы видите на полках, она купила для того, чтобы устроить предновогодний базар - Надя так это называла. Перед большими праздниками можно продать все что угодно!

- И все осталось на месте? - уточнил Сергей. - Она ничего не продала?

- Похоже, ничего... - медленно проговорила Александра.

Она прикрыла веки, пытаясь восстановить в памяти точную картину своего декабрьского визита.

Художница всегда гордилась своей зрительной памятью и умела воссоздавать целые сюжеты из далекого прошлого во всех красках. Затем резко открыла глаза. Картина, которая только что возникла в ее мозгу, ничем не отличалась от той, которая была перед ней. С десятков фарфоровых фигурок на верхней полке. Разрозненные чашки с блюдцами на средней. На нижней полке – целый кофейный сервиз, расписанный вручную. Пропавшая хозяйка квартиры возлагала на этот сервиз большие надежды. У нее было сразу несколько покупателей на примете, и ей предстояло проявить недюжинные дипломатические способности, чтобы, предложив сервиз одному, не обидеть тем самым другого.

- Похоже, Надю в прошлом декабре что-то внезапно отвлекло, раз она не продала коллекцию, – продолжала художница. – Судя по всему, более важная сделка. Но то же произошло и в январе, и в феврале, и в марте – ведь там сплошные праздники, фарфор идет на ура. А вот апрель пустой месяц... В апреле она уехала...

Александра умолкла, не нарушал воцарившегося молчания и Сергей. Женщина в молчании осмотрела комнату Лиды, мельком заглянула на кухню... Ее не покидало ощущение, что она занимается чем-то противозаконным, и все тяжелее становилось на сердце. Из этого дома ушла жизнь, ее сменила гнетущая, безнадежная пустота. Александра вновь вернулась в комнату Нади и, остановившись напротив серванта, открыла дверцы. До этого она старалась ни к чему не прикасаться.

- Даже обезьяна с бубном осталась... – пробормотала она, оглядывая скопище фигурок на верхней полке. – А ведь Надя собиралась везти ее покупателю, с которым уже точно договорилась...

- Обезьяна? – Сергей подошел и остановился вплотную к ней так, что женщина задышалась от резкого запаха его одеколона. – А, вот эта, смешная? Я тоже ее заметил... Мне она больше всех понравилась, хотя я в этом ничего не понимаю. Она ценная? Старинная?

- Совсем не старинная, – покачала головой Александра. – Ей и десяти лет еще нет. Но очень редкая!

Она осторожно сняла с полки маленькую статуэтку, изображающую обезьянку, одетую по европейской моде середины восемнадцатого века. На обезьянке был нежно-зеленый камзол с кружевным жабо и лиловые панталоны в полоску, до колен. В одной лапе обезьянка держала бубен, другую занесла для удара.

- Эта фигурка была сделана совсем недавно, в две тысячи шестом году, в честь трехсотлетия Мейсенской фарфоровой фабрики. – Художница показала обезьянку Сергею со всех сторон, а затем предъявила знаменитое синее клеймо в виде двух скрещенных мечей на донышке статуэтки. – Перед нами так называемый двадцать первый музыкант знаменитого «Обезьяньего оркестра», созданного великим мастером в середине восемнадцатого века. «Обезьяна с бубном» создана по эскизу восемнадцатого века современным мастером. Это лимитированная серия, всего триста экземпляров. После того как серия была отлита, форму торжественно разбили в присутствии свидетелей.

И, возвращая статуэтку на полку, Александра со вздохом заключила:

- Конечно, немедленно появились подделки, и немецкие, и чешские, и китайские. Но эта, как говорила Надя, подлинная. Сперва она сомневалась... Но по ряду признаков установила, что

это все же настоящий Мейсен. У нее ведь чутье невероятное...

- И сколько стоит такая обезьянка? - Сергей с благоговением следил за тем, как Александра поправляет статуэтку на полке и запирает дверцы серванта на ключ.

- Подлинная - около миллиона рублей. Это если повезет купить подлинную, они все уже давно на руках у коллекционеров. Подделку можно без проблем купить тысяч за двести. Я вам за неделю найду штук десять, с оптовой скидкой. Конечно, уже за несколько шагов будет видно, что это «дебильный Мейсен», как говорила Надя. У поддельных фигурок и форма грубее, и проработка ниже, ну и, глядя на мордочку животного или на человеческое лицо, сразу можно усомниться в подлинности. Выражение, как правило, отсутствует... Сразу ясно, что перед вами - безмозглая штамповка. В настоящем Мейсене заключена некая магия... Волшебство! Именно оно сводит с ума людей и заставляет их швыряться деньгами.

- Вот как... - протянул мужчина. - Мне этого не понять, конечно. Я в искусстве не разбираюсь... У меня небольшой бизнес...

Александра почти не вслушивалась в его слова. Вынув ключ из замка на дверце, она мгновение подержала его на ладони, затем протянула мужчине:

- Вот как... - протянул мужчина. - Мне этого не понять, конечно. Я в искусстве не разбираюсь... У меня небольшой бизнес...

Александра почти не вслушивалась в его слова. Вынув ключ из замка на дверце, она мгновение подержала его на ладони, затем протянула мужчине:

- Обратитесь в полицию, это все, что я могу вам сказать. И помните - в этом серванте находится целое небольшое состояние. Конечно, если сумеет все это правильно реализовать. Я не хочу вас пугать, но кажется, с Надей и правда что-то случилось.

«И возможно, еще в декабре! - добавила она про себя. - Ни одна вещь не продана! Надя бросила заниматься своим обычным делом в самую горячую пору, и этому нет объяснения. Она исчезла, бросив на руки сестре любимую племянницу, и ни разу не дала о себе знать... Непостижимо! Что изменилось в ее жизни? В том случае, если она еще жива, конечно...»

Последняя мысль, которую художница настойчиво от себя гнала и которая возвращалась с назойливостью кошмара. Сергей, взяв ключ, явно упал духом. Казалось, он ожидал другого результата. Внезапно решившись и густо покраснев, мужчина быстро проговорил, глядя в пол:

- Я вам не все рассказал. Один раз Надя все же позвонила... Недавно.

У Александры на губах замерли все вопросы, которые она собралась было задать. Она молча ждала продолжения, чувствуя, что собеседника лучше не торопить.

- Она звонила на домашний телефон, две недели назад, шестнадцатого октября, - глубоко вздохнув, словно набираясь смелости, продолжал Сергей. - Дома была только Аня. Я приехал спустя пару часов, еще забирал Лиду из школы... Аня была сама не своя. Тут же услала Лиду учить уроки, они при этом разругались... Хотя они и так все время ругаются! - Мужчина безнадежно махнул рукой. - Аня не хотела, чтобы дочь слышала наш разговор, даже заставила меня снова одеться и выйти с ней на улицу, якобы в магазин. Сказала, что звонила сестра. Что Надя говорила очень быстро, не давала задавать вопросы, перебивала. Как будто очень торопилась, и вокруг было шумно, какой-то транспорт, стуки, скрипы, голоса...

- Это точно была Надя? - Александра внезапно почувствовала сильное сердцебиение. Глухие частые удары отдавались в горле и в ушах.

- Она, она! - кивнул Сергей. - Аня, конечно, раскричалась, за ней это водится. Упрекала, что та не звонила полгода... Но Надя ее не слушала, а говорила сама. Все, что успела понять Аня, это что Надя пока возвращаться не собирается, что у нее намечается очень крупная сделка. И чтобы мы не беспокоились, успокоили Лиду и не вздумали обращаться в полицию. У нее все в порядке, и шумиха ей не нужна. Вот почему я...

- А где она сейчас? - перебила Александра. - Все еще в Амстердаме?

- Аня спросила, но ответа не получила. Она сказала, что Надя говорила с ней как с пустым местом. Выпала трубку все, что хотела сообщить, и трубку бросила.

Художница, озадаченная услышанным, нахмурилась:

- Это как-то все странно. Надя всегда слушала собеседника... То, что вы описываете, это не ее манера общаться.

- Прошло полгода с момента ее отъезда, - напомнил Сергей. - Кто знает, как она их провела, с кем? Надя могла сильно измениться. Мне почему-то кажется, она в Москву уже не вернется. Лиде мы ничего, конечно, не сказали о ее звонке... Надя позвонила спустя три дня после ее дня рождения и даже не вспомнила о том, что нужно поздравить девчонку! Даже не попросила позвать ее к телефону! Как мы должны были это объяснять Лиде?

- Да, это тяжело... Но у меня возникает вопрос! - Александра в упор смотрела на собеседника, а тот прятал глаза. - Я понимаю, что от девочки вы все скрыли из лучших побуждений. Но почему вы мне-то сразу не сказали, что она звонила? Зачем эти недомолвки?

Мужчина вздохнул так тяжело, словно пытался сбросить лежащий на груди камень, и поднял на Александру виноватый взгляд:

- Я все ждал, когда вы сами что-то скажете... Думал, вы что-то знаете, не зря ведь Надя о вас упомянула, когда звонила. Это была единственная конкретная вещь...

- Она говорила обо мне?! - Сердце билось в таком бешеном темпе, что Александра в который раз дала себе слово показаться врачу. Впрочем, об этих обещаниях она немедленно забывала, как только сердцебиение налаживалось. - Что именно?!

- Перед тем как бросить трубку, Надя сообщила, что оставила для вас в Амстердаме какое-то письмо. В том отеле, где она останавливалась в конце апреля, у портье. Его отдадут лично вам, больше никому.

- Что за письмо? - Женщина приложила ладони к пылающим от волнения щекам. Собственные пальцы показались ей чужими. - Почему письмо? Она не могла мне позвонить?

- Я знаю только то, что передала мне Аня, - покачал головой Сергей. - Надя больше ничего не прибавила, только назвала ваше имя, фамилию и сказала, что в письме ничего особенно срочного нет. Заберете, когда будете в Амстердаме. Даже телефон ваш Ане не продиктовала, так спешила. Едва попрощалась и трубку бросила. Номер я сам узнал у Лиды... Как только произнес ваше имя, она сразу вас вспомнила! Вот и решил встретиться, поговорить...

Пауза была продолжительной. В квартире было так тихо, что отчетливо слышались голоса

соседей за стеной, скрежет ползущего на верхние этажи лифта, глухой рокот мусоропровода. «Надя всегда жаловалась, что дом очень шумный... Мечтала переехать... И вот – уехала в самом деле!»

– Как видите, я была совсем не в курсе ее дел, – произнесла Александра, несколько собравшись с мыслями. – Могу обещать только одно: если буду в Амстердаме, обязательно заберу письмо. А насчет полиции решать только вам с женой. Быть может, и не стоит обращаться, если Надя сама этого не хотела?

Но панически бьющееся сердце говорило ей нечто совсем иное. Оно нашептывало то, что не решался домыслить разум. «Надя оставила письмо потому, что ей срочно нужна моя помощь! И когда сказала, будто там ничего срочного нет, это было сказано не зря! Это нужно понимать наоборот. Она что-то натворила... Возможно, ошиблась, впервые в жизни... А в нашем деле ошибка может стоить слишком дорого...»

И художница с удивлением услышала собственный голос, спокойно произносящий совершенно неожиданные слова.

– Как раз в декабре я собиралась съездить по делу в Амстердам и заодно навестить друзей, – сказала Александра, застегивая куртку и направляясь к входной двери. – Обещаю сразу вам позвонить, как только прочитаю письмо. Даже если там не будет ничего интересного для вашей семьи.

Обрадованный Сергей предложил дать ей адрес и название отеля, но художница отмахнулась:

– Я отлично знаю, о каком отеле идет речь! Она всегда останавливалась в одном и том же, на Виллем-спарквег. Это он? Тот самый?

И Сергей подтвердил, что отель тот самый.

...Посадка на рейс заканчивалась, у стойки, где проверяли паспорт и посадочные талоны, осталось всего несколько человек. Александра подошла и встала в хвост очереди. Протянув паспорт девушке в форме, она напоследок окинула взглядом летное поле и светлеющее небо над ним. Низко над горизонтом влажно сияла и переливалась большая зеленоватая звезда. Александра простилась с ней взглядом, как с хорошим старым другом, перед тем, как ступить в переход, ведущий в салон самолета. Она, как правило, старалась летать первыми утренними рейсами, и если удавалось найти на небе знакомую звезду, художница считала это счастливым предзнаменованием.

Глава 2

Выйдя из здания аэропорта Схипхол, Александра прямо направилась к автобусной остановке. Ей предстоял режим самой строгой экономии, и о том, чтобы выбросить тридцать евро на такси до центра, и речи быть не могло. Тем более она уже не раз добиралась до центра на автобусе за те же полчаса, но поездка стоила в десять раз дешевле. Рейс 197 как раз готовился к отправлению. Александра вскочила в салон, купила билет и уселась, устроив на коленях сумку и отбрасывая со лба растрепавшиеся волосы.

Она так спешила, что даже не успела привести себя в порядок в туалете аэропорта. Диана и Юрий, те самые старые друзья, которые согласились предоставить ей жилье, просили приехать как можно раньше. Уже в десять часов утра они собирались отправиться в дорогу, и в таком

случае ключи от квартиры пришлось бы забирать у хозяйки дома, а той могло не оказаться дома в такой час, в будний день. Впрочем, никому из пассажиров утреннего автобуса не было дела до ее внешнего вида. Александра разглядывала свое нечеткое отражение в оконном стекле, одновременно отмечая взглядом проносившиеся мимо поля, тут и там пересеченные каналами. Она видела собственное заспанное лицо, непослушный вихор на затылке, старую кожаную куртку с побелевшими швами, которую очень кстати откопала среди хлама в своей мастерской накануне отъезда. И в то же время наблюдала за тем, как из жемчужного тумана на горизонте поднимается солнце.

День обещал быть ясным. Поля зеленели, кусты шиповника на обочинах были покрыты белыми и розовыми цветами. Нигде ни клочка снега. Вскоре появились жилые кварталы, застроенные однотипными зданиями блочного типа, без балконов, очень напоминаями Александре панельные «хрущевки», среди которых прошло ее детство. Эти районы были населены в основном мигрантами, о чем говорили многочисленные вывески на арабском, халяльные универмаги, женщины в хиджабах и стены, расписанные граффити. Впрочем, мирный и скучноватый вид этих однотипных районов был очень далек от печально известных парижских гетто с замурованными окнами и сожженными машинами. Александра невольно содрогнулась, вспомнив свой визит в один из самых «неприкасаемых» пригородов Парижа в прошлом году. Ее ожидала там покупательница, старушка лет девяноста с лишним, которая уже не покидала пределов своей жалкой квартирки, с трудом передвигаясь на ходунках. Старушка готовилась переехать на землю предков, в Израиль, чтобы там умереть на руках у праправнуков, и хотела продать кое-какие семейные реликвии. Художница до сих пор ежилась, вспоминая, какого страху натерпелась, выйдя из станции метро и пробираясь по загаженным улицам среди бетонных однотипных домов. Окна в них были заложены кирпичами или забиты фанерой, мостовая завалена грудями мусора, который сбрасывали прямо с верхних этажей, и не всегда в пакетах. На тротуарах коротали время неизвестно в ожидании чего группки молодых парней. Облака сладковатого дыма висели в жарком неподвижном воздухе, смешиваясь с запахом гниющих отбросов и выхлопных газов от пролетающих мимо мотоциклов. Дорогу то и дело пересекали разжиревшие крысы, ничуть не боявшиеся людей. Александру провожали наглые взгляды и циничные возгласы. Мешки с мусором и крысы ждали ее и в подъезде. Лифт не работал. На входной двери под нужным номером были написаны нацистские лозунги. Прежде чем открыть, ей устроили подробный допрос. Александра этому не удивилась и была благодарна уже за то, что ей вообще отперли дверь. Обратного пришлось добираться сквозь те же впечатления – таксисты в этот район ехать отказывались.

«И самое печальное, что ничего стоящего бедная старушка не продавала. – Александра следила за тем, как в окне появляются все более респектабельные районы старой застройки. – Я зря рисковала кошельком и жизнью... Хотя как сказать! Все хорошо, что хорошо кончается. Мы попили чаю, поболтали, и я благополучно вернулась в отель... Из жалости купила у нее побитый молью плюшевый коврик рыночного изготовления, который в этом же отеле и оставила. Зато обзавелась новым опытом!»

На этот раз ей предстояло жить в самом старинном и престижном районе Амстердама. Ауд Зяуд, или Старый Юг, традиционно населяли коренные жители города. Здесь, в двух шагах от Музейной площади, в нескольких минутах езды на трамвае от Лейдсеплейн и кварталов красных фонарей, царил порядок и умиротворенная тишина. Не было ни толп ошалелых туристов с красными от бессонницы глазами, ни стай сумасшедших велосипедистов, ни витрин с девушками, ожидающими клиентов. Если и встречался кофешоп, то он благонаравно прятался в переулке, между кондитерским магазином и общественной прачечной, и его единственная узенькая витрина была скромно задернута занавеской. По ночам здесь было тихо. Ауд Зяуд рано ложился спать и рано просыпался. Александра была рада, что вновь увидит этот

безмятежный, спокойный район на границе с великолепным парком Вондела.

Наконец автобус остановился рядом с Концертхоллом, фасадом выходящим на Музейную площадь. Александра поспешила сойти. Углубившись в переулки за Концерт-холлом, она двинулась в самое сердце района, стараясь забирать правее, чтобы выйти к парку, на границе с которым жили ее друзья.

Было всего девять часов утра. Булочные и кондитерские уже открылись, и художница, не удержавшись, заглянула в маленький магазинчик на Корнелис Шутстраат. Там она попросила чашку кофе с молоком и шоколадное пирожное. Улыбающаяся румяная девушка в черном переднике до пола вышла из-за миниатюрного прилавка и, пожелав доброго утра, поставила на столик перед Александрой ее завтрак.

За соседним столиком (всего в этом заведении помещалось два стола) пил кофе старичок с лохматой беспородной собачкой на руках. На его плечах мешком висело пальто, которое старичок, вероятно, носил в далекой юности, годах в сороковых прошлого века. Александра улыбнулась собачке и ее хозяину, те приветствовали ее в ответ: мужчина – улыбкой, собачка – оживленным мельтешением хвоста. Кофе оказался крепким, а пирожное очень свежим, еще теплым. Шоколадный крем на миг погрузил Александру в блаженную немоту и помешал сразу ответить на вопрос, который задал старичок, слышавший, как она делала заказ по-английски. Голландцы, по мнению художницы, вообще держали пальму первенства по любопытству среди европейцев. Нигде ей так часто не приходилось болтать на личные темы с незнакомыми людьми, как в Нидерландах, где это считается в порядке вещей.

- Я из России, из Москвы, – ответила она, проглотив кусок пирожного.

- Отдыхаете? – осведомился старичок, почесывая узловатыми пальцами шерсть на загривке у собачки. Пес морщился от удовольствия и тихонько, деликатно чихал. – Гуляете?

- К сожалению, нет... работаю! – улыбнулась женщина.

- Да, сейчас не погуляешь! – Старичок, которому явно хотелось поговорить, зябко повел плечами. – Очень холодно!

Александра с изумлением взглянула через витринное стекло на улицу, где сияло солнце и колыхались на ветру желтые ирисы, высаженные в клумбы. Рядом с клумбами лежали сложенные в штабель елочки, укутанные в сетчатые мешки. Готовился рождественский базар. Этим утром в Амстердаме было двенадцать градусов выше нуля по Цельсию.

- Холодно – в Москве! – засмеялась женщина. – Сегодня ночью было минус пятнадцать! А бывает и минус двадцать пять!

Девушка за прилавком, полировавшая полотенцем серебряное блюдо для конфет, издала изумленный возглас. Это также было очень по-голландски: не считалось зазорным показать, что слушаешь чужой разговор.

- Как же вы на улицу выходите? – с юмористическим ужасом осведомился старичок.

- Мы, конечно, боимся... – в тон ему, с деланным раздумьем проговорила Александра. – А потом все-таки выходим!

Она взглянула на бронзовый циферблат старых настенных часов, заключенных в неуклюжий футляр красного дерева, и торопливо поднялась из-за стола. Попрощавшись со старичком и

девушкой, художница перекинула через плечо ремень сумки и вышла на улицу. Свернув за угол, Александра оказалась на Виллемспарквег. Улица, посреди которой пролегали трамвайные пути, шла вдоль парка и за перекрестком превращалась в извилистую, узкую Конингслаан.

Хотя эта улица и носила громкое имя Королевского проспекта, она представляла собой очень тихое, неизвестное туристам место. По краям мостовой стояли старинные двух-трехэтажные кирпичные виллы, окруженные крошечными садиками. Даже в декабре за коваными оградками можно было увидеть цветы, самые выносливые и неприхотливые. Одной стороной улица вплотную примыкала к парку, задние окна домов смотрели на обводной канал и на просторные лужайки, окруженные облетевшими деревьями. Именно здесь и жили друзья Александры.

Она увидела их издали – Диана с мужем стояли рядом со своей машиной и грузили коробки в открытый багажник. Александра издала приветственный возглас и помахала. Диана и Юрий выпрямились одновременно, слегка стукнувшись лбами и расхохотавшись. Они были неуловимо похожи, как становятся похожи супруги, долгие годы прожившие вместе в мире и согласии, имеющие общие вкусы и привычки. Высокие, крупные, со светлыми, коротко остриженными волосами – муж и жена больше напоминали брата и сестру.

– Хорошо, что ты нас застала! – Диана пошла навстречу приятельнице, все еще прижимая ладонь к ушибленному лбу. Женщины расцеловались. – Мы решили выехать на полчаса раньше. Я только что собиралась отнести ключи Лиз, а она намылилась на пробежку...

Лиз де Бак, с которой Александра однажды мельком видалась и беседовала, была хозяйкой виллы, где снимали квартиру Диана и Юрий. Этой представительнице старой голландской купеческой аристократии, очень гордившейся своим происхождением, считалось пятьдесят с небольшим – во всяком случае, на такой возраст она выглядела. Лиз недавно похоронила супруга, который был старше ее лет на тридцать. Детей у пары не имелось, и после смерти мужа вдова занимала лишь первый этаж, оставив за собой исключительное право пользоваться садиком на задах дома. Второй этаж виллы был разделен на четыре скромных квартир-студии. Все квартиры сдавались на длительный срок, от двух месяцев. Третий этаж полностью занимали Диана и Юрий. Они снимали также и чердак, на котором Диана оборудовала гончарную мастерскую. В целом это был очень respectable дом, хотя в нем и сдавалось внаем жилье.

– Мы уже предупредили Лиз, что ты поживешь у нас какое-то время. – Юрий, захлопнув крышку багажника, также подошел поприветствовать гостью. – Она вспомнила тебя и не против. Ты ее условия знаешь – никаких вечеринок, не шуметь по ночам, не курить на лестнице, не швырять бутылки из окон...

– Мне, конечно, будет трудно отказаться от всех этих привычных удовольствий... – Александра сердечно обняла старого приятеля. – Но я постараюсь вести себя хорошо: пустые бутылки сдавать в супермаркетах, а чеки жертвовать на благотворительность. Как я вам завидую – впереди Италия! Надолго? Что конкретно будете делать?

– Реставрируем фрески и лепнину в одном особняке, который пойдет на продажу... Хотя я бы не стала рисковать – судя по фотографиям, там все еле держится, включая сами стены! Одно тронешь, другое посыплется... – Диана подтянула рукав куртки и с тихим возгласом взглянула на часы. – Ох, пора ехать! Месяца на два как минимум мы исчезнем. Можешь тут остаться хоть до весны.

- Визы не хватит, да и...

Александра запнулась. Ей вовсе не хотелось посвящать друзей в детали своей поездки, тем более что они не были знакомы с Надеждой. Кроме того, после перелета, когда Александра оказалась лицом к лицу с действительностью, все планы, которые художница строила последние недели, представлялись ей провальными. Надежда была жива и просила о ней не беспокоиться. Она планировала некую важную сделку. В ее равнодушии к прежней жизни не было, в сущности, ничего из ряда вон выходящего. Александре были известны случаи, когда люди, уезжавшие из дома надолго и резко меняющие обстановку, теряли всякий интерес к тому, без чего раньше себя не мыслили. «С глаз долой – из сердца вон! – сказала себе Александра, следя за тем, как Юрий выносит из особняка последнюю картонную коробку и устанавливает ее на заднем сиденье машины. – В конце концов, человек может просто устать. Да и Сергей мог далеко не все мне рассказать. Кто знает, что там у них произошло... Вот скрывал же он до последнего момента, что Надя звонила в октябре! Мог скрыть и что-то еще!»

- Даже кофе не успели выпить! – с сожалением проговорила Диана, передавая ключи гостю. – Когда будешь уезжать, отдай ключи Лиз. Да, я тебя не спросила, ты-то в Амстердам по работе?

- Мне, конечно, будет трудно отказаться от всех этих привычных удовольствий... – Александра сердечно обняла старого приятеля. – Но я постараюсь вести себя хорошо: пустые бутылки сдавать в супермаркетах, а чеки жертвовать на благотворительность. Как я вам завидую – впереди Италия! Надолго? Что конкретно будете делать?

- Реставрируем фрески и лепнину в одном особняке, который пойдет на продажу... Хотя я бы не стала рисковать – судя по фотографиям, там все еле держится, включая сами стены! Одно тронешь, другое посыплется... – Диана подтянула рукав куртки и с тихим возгласом взглянула на часы. – Ох, пора ехать! Месяца на два как минимум мы исчезнем. Можешь тут остаться хоть до весны.

- Визы не хватит, да и...

Александра запнулась. Ей вовсе не хотелось посвящать друзей в детали своей поездки, тем более что они не были знакомы с Надеждой. Кроме того, после перелета, когда Александра оказалась лицом к лицу с действительностью, все планы, которые художница строила последние недели, представлялись ей провальными. Надежда была жива и просила о ней не беспокоиться. Она планировала некую важную сделку. В ее равнодушии к прежней жизни не было, в сущности, ничего из ряда вон выходящего. Александре были известны случаи, когда люди, уезжавшие из дома надолго и резко меняющие обстановку, теряли всякий интерес к тому, без чего раньше себя не мыслили. «С глаз долой – из сердца вон! – сказала себе Александра, следя за тем, как Юрий выносит из особняка последнюю картонную коробку и устанавливает ее на заднем сиденье машины. – В конце концов, человек может просто устать. Да и Сергей мог далеко не все мне рассказать. Кто знает, что там у них произошло... Вот скрывал же он до последнего момента, что Надя звонила в октябре! Мог скрыть и что-то еще!»

- Даже кофе не успели выпить! – с сожалением проговорила Диана, передавая ключи гостю. – Когда будешь уезжать, отдай ключи Лиз. Да, я тебя не спросила, ты-то в Амстердам по работе?

- По личному делу, – уклончиво ответила Александра.

- Рада за тебя! – несколько невпопад ответила приятельница. Было заметно, что мыслями она уже очень далеко. – Но на День Святого Николая ты все-таки останешься? Смотри, не пропусти, когда на Дамрак привезут елку!

Спустя минуту художница уже махала вслед удалявшейся машине. У входа в парк автомобиль свернул налево и скрылся из виду. Александра подбросила на ладони ключи. Она приняла решение немедленно зайти в отель, где Надежда оставила ей письмо. Отель находился в нескольких минутах ходьбы, неподалеку от той крошечной кондитерской, где она завтракала. Направляясь к вилле на Конингслаан, Александра прошла мимо его подъезда, но решила не задерживаться, чтобы не разминуться с друзьями. Теперь спешить было некуда. Она развернулась и медленно, с наслаждением вдыхая влажный утренний воздух, направилась в обратный путь, в сторону Виллемспарквег.

Это был скромный трехзвездочный отель, без флага над входом, без навеса у подъезда, с крошечной латунной табличкой над кнопкой звонка. Он занимал здание довоенной постройки, и серый фасад с огромными окнами ничем не отличался от таких же фасадов слева и справа. У входа в деревянной бочке дрожал на ветру молоденький кустик букса. На одной из веточек поблескивал красный шарик с бантиком – предвестник близких рождественских праздников. Александра потянула на себя тяжелую дверь и вошла в тесный холл, застеленный красным ковром. Почти немедленно за входной дверью начиналась крутая лестница с узкими ступеньками, также покрытая ковром, прижатым к ступеням латунными прутьями. Александра поднялась по ней и оказалась в гостиной, где располагалась стойка портье.

В этот утренний час в гостиной было многолюдно. Обстановка напоминала семейное кафе с артистическим уклоном. Несколько столиков, за которыми завтракали постояльцы, картины современных художников на стенах, многочисленные горшки с цветами, маленькие собачки, азартно играющие с мячиком на ковре... Окна, выходящие на улицу и во внутренний двор, как почти везде в Амстердаме, представляли собой скорее витрины. То, почему в домах старой постройки проектировались окна такого гигантского размера, становилось понятно при первом же взгляде на крутые узкие лестницы, по которым невозможно было поднять ни мебель, ни в случае необходимости больного на носилках или гроб. Доставка подобных грузов осуществлялась с помощью наружной лебедки, украшавшей фасад здания на коньке крыши. Такая же лебедка торчала и на кровле отеля. Лифта здесь не было. Комнаты, по отзывам Надежды, отличались спартанской обстановкой и крошечными размерами. Правда, по цене хостела постоялец получал отдельный номер и собственный санузел с душем. Это был во всех смыслах старый отель с чисто голландским пониманием комфорта, который заключается в удобной постели, льняном белье, дружелюбном отношении и умеренной цене. Роскоши здесь не было и в помине. Надежда от души рекомендовала его всем московским знакомым, в том числе и Александре. Правда, художница ни разу здесь не останавливалась, но всегда отмечала взглядом вывеску, если проходила мимо.

Александра подошла к стойке, за которой возился у кофемашины молодой человек. Когда он обернулся, женщина поздоровалась, сообщила, по какому поводу пришла, и чтобы удостовериться свою личность, предъявила загранпаспорт. Портье вытащил из-под стойки картонную коробку и перебрал лежавшие в ней бумаги.

- Да, вам есть письмо! - Он положил перед Александрой конверт. - Вот, пожалуйста!

Александра взяла запечатанный конверт, оказавшийся таким легким, словно внутри ничего не было. На нем были написаны ее имя и фамилия - латинскими печатными буквами, очень крупно. Она чувствовала смутный страх перед этим невесомым конвертом, хотя причин для этого не было после того, как Надежда позвонила домой в октябре. «Я сделала глупость!» - в который раз подумала Александра, глядя, как портье относит чашку кофе пожилой даме за столиком у окна.

- Скажите, когда оставили письмо? Давно? Недавно? - спросила Александра, когда молодой

человек вернулся за стойку. – Это можно узнать?

Оказалось, парень – новичок, работает в отеле второй месяц да и приходит всего на несколько часов в день.

– При мне письмо точно не оставляли... – Портье вытянул шею, разглядывая через стеклянную дверь спускавшегося по лестнице постояльца. Они обменялись приветственным кивками, после чего парень вновь повернулся к Александре: – Если вы зайдете вечером, после шести, здесь будет сама хозяйка. Она точно все знает. Не желаете чашку кофе? Может быть, чаю? Это бесплатно, мы угощаем всех наших друзей!

И хотя фраза была дежурной, полагавшейся по должности, улыбался молодой человек очень искренне.

Александра поблагодарила, попросила кофе и прошла к столику у окна, который как раз освободился. Супружеская пара средних лет, разговаривая по-немецки, навьючивала друг на друга рюкзаки, готовясь к выходу в город. Художница едва разминулась с ними, протискиваясь в тесный угол. Она вежливо рассмеялась, когда со второй попытки им удалось разойтись. Но никакого веселья Александра не ощущала. Легкий конверт жег ей пальцы. Именно для того, чтобы его вскрыть, она и приехала на последние деньги в Амстердам. Ее никто не звал на помощь, ей нечего было рассчитывать здесь на верный заработок. Более того – в Москве остались несданные заказы, отменилось ее участие в одном перспективном аукционе. Нужно было срочно, и уже окончательно, определиться с тем, куда перевозить вещи из мастерской. Александра очень боялась, что, возвратясь домой, найдет лишь груды строительного мусора, раздавленного гусеницами бульдозера. Этот кошмар снился ей уже не раз, и просыпаясь, она долго не могла прийти в себя от щемящего чувства грядущей бездомности.

И вот все эти реальные проблемы, требовавшие неотложных действий и решений, перевесил один тоненький конверт, в котором на ощупь ничего и не было. Александра уселась, положив конверт перед собой, и стала смотреть в окно, за которым зябло на ветру старое узловатое дерево, искривленное, словно страдающее ревматизмом. Погода, как всегда в Амстердаме, внезапно испортилась – ясное спозаранку небо мгновенно затянули темно-серые тучи. Собирался не то дождь, не то снег, не то все сразу.

Портье поставил на столик чашку черного кофе, и Александра сделала первый, обжигающий глоток. Тянуть дальше было невозможно. Она взяла конверт, осторожно надорвала его и убедилась, что внутри все-таки вложен лист бумаги.

Там оказался изрядно измятый лист бумаги. Александра поспешно развернула его. Письмо заключалось в одной надписи, сделанной по-русски, в самом верху листа, как заголовок, крупными, далеко расставленными друг от друга печатными буквами.

«ОТЕЛЬ «ТОЛЕДО», № 103 А».

И это было все. Ни обращения, ни подписи, никаких объяснений. У женщины сильно закружилась голова, и виной тому был вовсе не хронический недосып. Она испытала настоящее потрясение, прочитав короткое послание, лишённое каких бы то ни было эмоций. «Отель «Толедо»... Впервые слышу такое название! Этот ведь называется совсем иначе! И это все, что Надя хотела мне передать?!»

И это было все. Ни обращения, ни подписи, никаких объяснений. У женщины сильно закружилась голова, и виной тому был вовсе не хронический недосып. Она испытала

настоящее потрясение, прочитав короткое послание, лишенное каких бы то ни было эмоций. «Отель «Толедо»... Впервые слышу такое название! Этот ведь называется совсем иначе! И это все, что Надя хотела мне передать?!»

Рядом громко смеялись туристы, взобравшиеся по крутой лестнице с огромными чемоданами. Они сгрудились у стойки портье и болтали с ним, пока парень отыскивал их бронирование в базе данных. До Александры донеслось несколько упоминаний о Святом Николае и о елке на площади Дам, и она поняла, что туристы приехали в Амстердам в основном ради этого праздника. Сама художница знала о нем лишь понаслышке. Диана как-то рассказывала ей, что накануне пятого и шестого декабря просто разоряется на подарках. Подарить можно пустячок, марципанового поросенка или шоколадную лошадку, но подарок на День святого Николая обязательно должен быть, иначе знакомые, соседи и коллеги не поймут и обидятся. Александра в два глотка допила кофе. Посидела несколько секунд с закрытыми глазами, стараясь сосредоточиться. Вновь перечитала записку и, встав, направилась к стойке портье.

Дождавшись, когда туристы получают ключи-карточки от номеров, она обратилась к парню в полосатой рубашке:

- Простите, вы не подскажете, где в Амстердаме находится отель «Толедо»? Отель или хостел, не знаю точно...

Портье с готовностью вбил название в поисковик компьютера. Дождавшись результатов, сощурился, пробегая взглядом экран:

- В Амстердаме такого отеля нет... Здесь выпадают другие города. Может быть, это Римини? Амман? Неаполь?

- Нет... - Неприятно удивленная, Александра нащупала конверт в кармане куртки, словно опасаясь, что он оттуда улетучился. - Я так не думаю.

Скорее всего, отель находится в Амстердаме или где-то неподалеку.

- Тут есть еще другие города... - Портье несколько раз щелкнул «мышкой», листая страницы. - Даже не слышал про некоторые. Но в Амстердаме такого отеля нет. И в Нидерландах нет. А вы попробуйте вечером спросить у хозяйки, она может знать!

Оставалось только уйти. Александра поблагодарила портье, попрощалась и вышла на улицу.

Амстердам в декабре зачаровывал. Это было очарование такое же зыбкое, как отражение тесно стоящих домов в черных водах каналов, и такое же переменчивое, как погода в начале мягкой зимы. На ветру металась в клумбах цветы, последние, стойкие цветы ушедшей осени, сизые тучи обещали долгий тоскливый дождь... И внезапно, в считанные минуты, все менялось - солнце обливало рыжей глазурью блестящие после недавнего дождя мостовые, в просветлевших каналах отражалось синее глубокое небо, и особенно сладко пахло имбирем и ванилью из крошечной булочной, в витрине которой виднелись незамысловато расставленные противни с пряничными лошадками.

Александра засмотрелась на витрину и едва не пропустила показавшийся в конце улицы трамвай. Она едва успела подбежать к остановке. Это был ее любимый маршрут № 2. Он пересекал весь Амстердам, начиная свой путь у Центральной станции и заканчивая его час спустя далеко в полях, у ветряной мельницы. Возле нее Александра как-то, года два назад, просидела целый вечер, расстелив на траве плащ и следя за тем, как небо меняет цвет и глубину, медленно наполняясь закатными красками, янтарными и розовыми, как прозрачный

голубоватый бокал – молодым вином. Тогда стояла поздняя весна. От молодой травы, растертой между ладонями, исходил терпкий горьковатый запах, тревожащий сердце, как воспоминания о всех прошедших веснах, которые обещали так много, но обещаний не сдержали. Это место, несмотря на его обитаемость, обладало печальной магией пустынных плоских полей, залитых водой, блестящей тут и там в дренажных канавах. Красота Нидерландов была неяркой, словно прелесть бледного, заплаканного лица, влажно мерцающих глаз, загадочных и глубоких. Александра тогда едва нашла в себе силы встать, отряхнуть отсыревший плащ и уйти.

Но сейчас она вскочила в трамвай, идущий в другую сторону. Ее целью был Де Лоир, знаменитый антикварный крытый рынок-пассаж, в самом сердце города, занимающий почти целый квартал между двумя каналами: Лоирсграхт и Эландсграхт. Там, в тепле и тишине, можно было бродить часами, и там содержала магазин ее знакомая, бывшая москвичка, уехавшая в Голландию еще в начале девяностых. Александра решила навестить ее, а кроме того, рассчитывала отыскать в лабиринтах рынка что-то для перепродажи в Москве. Правда, она вовсе не соскучилась по Варваре – так звали обладательницу магазина. Бывая на этом рынке, Александра всегда стремилась найти обходные пути, чтобы боковыми коридорами пройти мимо ее участка. Но сейчас у художницы была конкретная цель: хоть что-то узнать о пропавшей приятельнице.

«Если Надя с конца апреля и по сей день остается в Амстердаме, да притом совершает некие сделки, она не могла ни разу не заглянуть на Де Лоир, – раздумывала она, усевшись у окна и глядя, как за стеклом тянутся уважаемые улицы Старого Юга. – Это уж точно! К счастью, как раз сегодня рынок работает. Зайду к Варваре, потом поброжу, вдруг что высмотрю. Бывают ведь всякие чудеса! А к шести вернусь в отель, поговорю с хозяйкой. Здесь что-то не то... Не то! Особенно с днем рождения Лиды. Не может быть, чтобы Надя об этом забыла. Что-то случилось. Она не зря меня позвала!»

Глядя в окно, художница вспоминала свой разговор с девочкой – перед самым отъездом она все-таки встретила с Лидой, хотя та изобретала разные предлоги, чтобы увильнуть от встречи. Лиду в мастерскую привез Сергей.

...Стоя посреди огромной захлавленной мастерской, гости оглядывались со смущенным и ошеломленным видом. Впрочем, ошеломлен был только мужчина. Девочка смотрела вокруг с нескрываемым восторгом и любопытством.

– Я еду в Амстердам, – сообщила ей Александра, изо всех сил стараясь не сбиться на покровительственный тон. По рассказам приятельницы, она знала, что у девочки наступил период, когда она начала усиленно огрызаться, отстаивая свои «взрослые» права. – Если повезет, увижу твою тетю. Но это еще не наверняка...

На востроносом, веснушчатом лице любопытство сменилось угрюмым упрямством. Девочка вздернула тощие плечи в знак того, что затронутая тема ее нимало не касается. Было ясно, что она очень обижена на тетку, о чем художницу предупредил и Сергей.

– Если я ее увижу, что-нибудь передать? – продолжала Александра.

– Не надо. – Девочка отошла к стене, делая вид, что ее заинтересовали развешанные там картины.

Интересного, по мнению Александры, там ничего не было – несколько заурядных пейзажей и натюрмортов, ожидавших реставрации, да одна маленькая батальная сцена, где очень нарядные всадники в красных и синих мундирах сражались на очень длинных пиках посреди

очень снежного поля. И лошади, и всадники были написаны в таких невозможных, вывернутых ракурсах, что, будь они живыми, их мышцы и связки разорвало бы на куски. Сама Александра смотрела на эту картину с омерзением, владелец же очень гордился полотном.

- Извини... - Художница сделала знак Сергею, чтобы тот не вмешивался, и, подойдя к девочке, остановилась рядом с ней. - Я знаю, что твоя тетя уже полгода тебе не звонила, но у нее наверняка непростые обстоятельства...

- С днем рождения она могла бы меня поздравить! - резко ответила Лида, упорно не сводя взгляда с батальной сцены.

- Это и доказывает, что у нее сейчас сложные обстоятельства, - с мягким нажимом проговорила Александра. - Если бы она могла, то обязательно бы позвонила!

Октябрьский звонок Надежды по-прежнему хранили в тайне от девочки.

- Я постараюсь ее найти, а ты... - Александра положила руку на плечо девочки, но Лида тут же сделала шаг влево, словно случайно, и ладонь женщины встретила пустоту. - Ты не могла бы мне сказать, что тетя собиралась делать в Амстердаме? С кем встречаться? Может быть, она при тебе говорила по телефону об этом?

Лида, по-прежнему разглядывавшая батальную сцену, отрицательно покачала головой:

- Нет, ничего не говорила. Сказала мне, что у нее дела и она через три дня вернется.

- А почему она не продала фарфор из серванта, как собиралась сделать перед Новым годом? - осторожно поинтересовалась художница, не теряя надежды отыскать хоть какую-то зацепку.

- У нее не было времени... - Лида наконец повернула голову, и женщина увидела в ее глазах слезы. - Она все куда-то ездила, я даже несколько раз ночевала одна. Она даже обезьяну не стала продавать. Упаковала вечером, чтобы на другой день отвезти покупателю, а когда я назавтра проснулась, вижу - обезьяна опять стоит на полке.

- А почему тетя за ночь передумала продавать обезьяну? - насторожилась Александра. Она знала, что Надежда очень рассчитывала на прибыль от этой сделки.

- А почему тетя за ночь передумала продавать обезьяну? - насторожилась Александра. Она знала, что Надежда очень рассчитывала на прибыль от этой сделки.

- Я тоже спросила, и тетя сказала, что статуэтка оказалась поддельная, - хмуро ответила девочка. - А вот эта картина, - она неожиданно ткнула пальцем в сторону так интересовавшего ее полотна, - настоящая?

- Настоящая картина девятнадцатого века, - улыбаясь, ответила художница. - Написана настоящим маслом на подлинном холсте. Как по-твоему, Лида, она плохая или хорошая?

- По-моему, очень плохая! - решительно ответила девочка. - У этой вот белой лошади сейчас зад отвалится! И вообще, таких длинных лошадей не бывает!

- У тебя отличный глазомер! - похвалила ее художница.

...И это были все плоды разговора, на который так рассчитывала Александра. «Ни одной нити,

за которую можно потянуть!» Трамвай подъезжал к Лейдесплейн, здесь нужно было выходить. Александра поднялась с диванчика и направилась к дверям, вытаскивая из кармана билет, чтобы приложить его к детектору на выходе. «Ничего! «Отель «Толедо», номер 103 А»! А такого отеля ни в Амстердаме, ни в Нидерландах нет!»

Она сошла и несколько минут стояла на площади, с невольной улыбкой следя за тем, как развлекаются местные жители и туристы, катаясь на крошечном катке, залитом в честь близящихся праздников. Катались кто во что горазд – кто на коньках, взятых напрокат, кто прямо на подошвах. Неопытные конькобежцы толкали перед собой пластиковых оранжевых тюленей, которые служили им опорой – впрочем, ненадежной, потому что то и дело кто-нибудь падал, сбивая с ног соседей. Слышались визг, смех, играла музыка из динамиков. В углу маленькой площади мигала огоньками наряженная елка. Нехитрое развлечение доставляло посетителям катка массу удовольствия – впрочем, Александра давно заметила, что голландцы умеют от души радоваться мелочам.

«Да, но что же я... Время идет! – опомнилась она, взглянув на часы. – До шести я на Де Лоир, потом – в отель... А утром, быть может, придется ехать в аэропорт, искать горящий билет подешевле, пересадками этак с двумя... Если ничего не узнаю, конечно!» У нее оставалось все меньше иллюзий насчет успешности своей поездки. Письмо, на которое Александра так рассчитывала, которое не смогла игнорировать, оказалось загадкой без отгадки. И теперь художнице казалось, что она с самого начала, узнав о письме, хотела приехать в Амстердам вовсе не затем, чтобы найти приятельницу и помочь ей, а затем, чтобы убежать, хоть на пару дней, от своих собственных, нерешаемых проблем. В последний раз взглянув на каток, Александра пересекла трамвайные пути и двинулась в сторону Марнихстраат. Эта улица должна была привести ее к знаменитому на всю Европу рынку антикваров.

Глава 3

Теплый воздух пассажи коснулся обветренных щек, как ласковая рука. Закрыв за собой дверь, Александра разом оказалась в диковинном, запутанном мирке, похожим на лавочку Овцы в Зазеркалье, где Алиса так и не смогла ничего купить. Вдаль уходил коридор, казавшийся бесконечным из-за стеклянных витрин, наполненных разнообразными вещицами, задрапированных тканями. Вправо и влево тянулись такие же коридоры, наполненные сокровищами, старинными и не очень, настоящими и поддельными, ценными и грошовыми, нужными и бесполезными.

У непривычного человека от такого разнообразия голова пошла бы кругом. Александра мгновенно ощутила себя в родной стихии, как пианист за роялем или охотник в чаще леса. Сердце сладко сжалось, ладони похолодели. Однажды, бродя по подобному рынку вместе с приятелем, старым и очень известным московским коллекционером, она услышала его замечание в свой адрес, полушутливое-полусерьезное. «У тебя совершенно меняется лицо, когда ты смотришь на весь этот хлам, Саша! – сказал Александре антиквар Эрдель, едва поспевающий за ней. – Глаза блестят, как будто ты влюблена до помешательства и идешь на свидание. Такие люди, как ты, обречены оставаться одиночками...» Тогда она отшутилась: «Что вы, Евгений Игоревич! Все еще печальнее... Я не влюбляюсь даже в вещи!» Теперь же, вспомнив слова старого друга, художница кивнула собственному отражению в старинном зеркале, стоявшем на перекрестке торговых рядов. «Так и есть, Эрдель прав! Это и есть моя любовь, моя жизнь – хлам, подделки подделок, отражения отражений. Это случилось само собой, постепенно... Когда-то я мечтала о простом счастье, о семье, но теперь не могу даже представить, кого еще смогу полюбить...»

В застекленных витринах поблизости от входа в пассаж, между которыми неторопливо двигалась женщина, в основном теснился ширпотреб, рассчитанный на случайно заскочившего туриста. Преобладал английский голубой бисквит – вазочки, сахарницы и чашки, украшенные белыми накладными фигурками и орнаментами в античном стиле, приятные для глаза, уместные в любом интерьере. Они стоили не слишком дорого, изготавливались массово и шли, как правило, на ура. Встречался костяной фарфор, такого же массового уровня, но неплохого качества. Александра скользнула взглядом по одному тонко исполненному букетику из маргариток и васильков. Лепестки были выделаны с такой живостью, что казались покрытыми росой. Правда, цена на букетик стояла предельно высокая, что исключало возможность перепродать его в Москве.

«И все здесь так! – размышляла Александра, проходя мимо бесконечных фарфоровых выставок, витрин с восточными вазами, китайскими резными шкафчиками, корейским расписным металлом. – Все давно взвешено, оценено и разделено. «Мене, текел, упарсин», как на той огненной надписи, которую увидел на стене дворца пирующий царь Валтасар. Дураков тут не водится, а на умных не заработаешь!»

Коридор, где выставлялись старинные игрушки, Александра миновала, даже не особенно вглядываясь в фарфоровые лица роскошно одетых кукол. В последнее время спрос на них сильно упал, а обременять себя таким громоздким багажом из-за ничтожной прибыли она не могла.

После игрушек началась винтажная одежда. Груды, вороха, целые кипы вещей разной степени сохранности простирались вправо и влево. Здесь она впервые увидела людей – несколько женщин перебирали старинное белье, отороченное пожелтевшими кружевами, такими легкими, что казалось, они вот-вот растворятся между теребящими их пальцами.

Кружева внезапно сменились большой лавкой с церковной утварью. Здесь Александра задержалась, разглядывая огромное, ростовое черное распятие из эбенового дерева, прикидывая про себя, может ли дерево быть настоящим. Фигура Христа из пожелтевшей слоновой кости, со сколами и трещинами, была подлинной, вне всяких сомнений – об этом можно было судить как раз по характеру сколов, исключавших подделку из пластика. Здесь было выставлено множество церковной утвари: резных поставцов с дверцами, инкрустированными эмалью, алтарных шкафчиков для одеяний с вызолоченными навершиями в виде крестов. Сами одеяния были выставлены отдельно, на безголовых манекенах. В этом отделе слабо пахло ладаном – то ли запах исходил от парчовых тканей, пропитавшихся ими за многие годы, то ли был плодом воображения художницы. Пол в отделе покрывал истертый до дыр пыльный ковер, полностью скрадывающий звук шагов. Продавец, сидевший в глубине лавки, за маленьким столиком, освещенным лампой, читал книгу, то и дело поправляя очки. Его сутулая спина, кроткое бледное лицо и робкий вопросительный взгляд, который он бросил на женщину, также напомнили Александре о церкви. Этот отдел был странной маленькой часовней, устроенной среди кукол и розовых корсетов, китайских ваз и японских мечей, чайной посуды, серебра, драпировок и патефонов с начищенными медными раструбами в виде гигантских цветков петунии, часовней, устроенной в память об умершем прошлом. Продавец вздохнул, вновь поправил очки и склонился над книгой. Художница прошла мимо, еще раз глубоко втянув ноздрями слабый запах ладана, кажущийся или настоящий. «Болезни, страсти, страхи – чаще всего мы придумываем их себе сами!» – размышляла женщина, неторопливо переходя из коридора в коридор. Ей доставляло особенное удовольствие сделать перед собой вид, что заблудилась, хотя Александра отлично представляла, в каком направлении двигается. «И придуманные чувства ничуть не хуже настоящих...» – заключила она про себя, рассматривая полки, где вперемешку теснились разномастные подсвечники, рамки для фотографий, кольца для салфеток – все латунное или накладного серебра. Покупать

здесь было решительно нечего – ценами рынок ее не радовал.

Как обычно на Де Лоир, небольшие отделы переместились, некоторые были закрыты или вовсе исчезли, и теперь Александра не была уверена, что именно увидит дальше. Отдел часов, куда она решила непременно вернуться, чтобы поздороваться со своим знакомым антикваром, коренным жителем Амстердама, оказался на прежнем месте, но был временно заперт. Владелец обещал вернуться через час, о чем сообщала табличка. Александра взглянула на многочисленные циферблаты, украшавшие его витрину, потом на собственные часы с оторванным ремешком, которые всегда носила в кармане. Подвела стрелки. «Скоро полдень, а я ничего не купила для Москвы, ничего не узнала... Делать нечего, нужно идти к Варваре...»

Но она схитрила, свернув в отдел живописи, который удлинил ее путь примерно на сотню метров. Здесь ее встретил неизбежный набор полотен приблизительно одного уровня. «А возможно, вышедших из одной и той же мастерской!» – заметила про себя Александра, бегло оглядывая картины. Она не ожидала встретить ничего исключительного и не обманулась: все было как всегда. Натюрморты, пейзажи, батальные сцены, среди которых преобладали «марины», с участием парусных кораблей. То была академическая живопись, которую с закрытыми глазами без труда может штамповать любой выпускник Академии художеств, набивший руку на копиистике и в натуральных классах. При условии подлинности и настоящего возраста, совпадающего с датировкой, эти полотна стоили относительно дорого и все же не могли считаться надежным вложением капитала, так как никогда сильно не дорожали. Впрочем, как и не дешевели – на них неизменно был высокий спрос. Глаз Александры воспринимал этот род картин просто как пятна на стенах, когда она видела их в интерьерах домов, где ей случалось бывать.

В том же случае (а этих случаев было большинство), когда картина изготавливалась «на днях», искусственно старилась и снабжалась подписью «солидного» автора третьего круга, цена ее равнялась стоимости материалов, а также рамки. Стоя перед очередным таким «шедевром», изображавшим девочку в голландском костюме, вяжущую у окна чулок, Александра невольно усмехнулась. Она вспомнила себя лет пятнадцать назад, когда ее карьера в качестве оценщика и закупщика антиквариата только набирала обороты. «Тогда, если меня просили оценить вот такой новодел, от которого за версту веяло свежим лаком, я произносила какие-то яростные речи, доказывала, обличала, возмущалась... А потом поняла, что ничего этого делать не нужно. Посредственная живопись девятнадцатого века или вчерашнего дня – да какая разница? То и другое – ерунда, не стоящая того, чтобы ради нее портить нервы. А если владельцу хочется, чтобы его сокровище оценили повыше – да пожалуйста, кому от этого вред... Разве что мне, моей репутации. Поэтому я все-таки говорю горькую правду, даже в ущерб заработку. Но говорю ее спокойно, никого не хватая за грудки...»

- Оп!

Кто-то, внезапно подскочив сзади, закрыл ей глаза ладонью, отчего Александра вскрикнула. Ее испуганный голос пронзил теплую тишину пассажа, где в этот час почти никого не было. Обернувшись, художница увидела Варвару, встречу с которой так старательно оттягивала, блуждая по переходам.

- Ты?! – воскликнула ее давняя знакомая, прижимая Александру к себе, затем вновь отстраняя и целуя в обе щеки. – Почему не предупредила? Я ведь могла сегодня не прийти, видишь, торговли нет, никого нет!

- Я случайно, проездом, – оправдывалась художница, избегая встречаться взглядом с Варварой,

боясь, что та прочтет в ее глазах, как мало Александра рада этой встрече. – Даже не думала сперва сюда заходить, но потом захотела увидеть тебя...

– Знаю, знаю я, как ты решила увидеть меня, – отрезала Варвара, не дав ей договорить. – Собиралась мимо проскочить!

– Но я действительно...

– Ладно, не оправдывайся! – вновь оборвала ее та. – Идем ко мне, выпьем кофе, да, пожалуй, я и закроюсь. Сегодня пустой день. Зачем пожаловала, если не секрет? Не понимаю, зачем ты пришла в среду, сегодня же совсем нет торговли. Ты видишь – пусто! Я уже хотела закрываться, потому что никого нет. Могла вообще сегодня не прийти!

Она говорила очень быстро и очень громко, слегка брызгая слюной и надвигаясь на собеседницу, так что Александра испытывала сильное желание отступить на пару шагов назад и прикрыть ладонями уши. Священная, тонко и остро пахнущая пылью тишина часовни была нарушена. Очарование улетучилось – теперь это был не зачарованный мир Зазеркалья, а просто торговый пассаж в центре Амстердама, самым прозаическим образом приспособленный для торговли старым хламом по высоким ценам.

– Что ты морщишься? – внезапно оборвала саму себя Варвара. – Что-то болит?

– Я не морщусь, – страдальчески ответила художница. – Или случайно, тебе показалось. Я хотела тебя спросить о...

– Да морщишься, морщишься, неужели я не вижу! – Схватив жертву под руку и тесно прижав к своему боку локоть Александры, Варвара повлекла ее к своему магазинчику, на ходу повествуя о возмутительной истории, случившейся тут же, на рынке.

Оказалось, что одна из продавщиц («Ты ее помнишь, она кривоногая, страшная, из Словакии, нет, не говори, что не помнишь, ты все помнишь!») вышла замуж за голландца, причем за крупного бизнесмена, причем, в довершение всех бед, очень привлекательной наружности.

– Я не знаю, как они будут общаться, у нее же два слова по-голландски, дура, позарился на ее кривые ноги и отвислую задницу, хотя в постели это не важно, людям без вкуса это все равно, не говори, что ты ее не помнишь, ты отлично ее помнишь! Такая страшная, белобрысая, килограмм краски на лице, выглядит как дешевая шляпка. У некоторых мужчин совсем нет вкуса, они не понимают, что натюрель куда лучше! Я вот, например, никогда не крашусь!

«Надя, я это терплю ради тебя!» – подумала Александра, уже начинавшая испытывать тошноту, всегда возникавшую у нее в первые же минуты общения с Варварой. Они не виделись два года, и за это время Варвара стала говорить еще быстрее, голос то поднимался до крика, словно она с кем-то спорила, то спускался до шепота, в котором ненависть и зависть слышались еще явственней. Самым тяжелым для Александры было то, что эти подъемы и спуски чередовались совершенно правильными ритмическими узорами, оставляя почти гипнотическое впечатление. Варвара была из редкого числа людей, которые не нравились Александре совершенно, но если бы ее спросили, что она находит в этой женщине самым отвратительным, художница назвала бы даже не темы разговоров (это были сплетни и только сплетни), а голос рассказчицы и ее манеру по множеству раз повторять одни и те же истории. Сплетни эти сцеплялись друг с другом в произвольном порядке, как вагончики в поезде игрушечной железной дороги. Так, за полчаса Варвара успевала рассказать до пяти историй, каждую из которых повторяла при этом по три-четыре раза, и этот визжащий в однообразном ритме состав мчался и мчался по кругу, никогда не останавливаясь и не сходя с рельсов.

Однажды, будучи у Варвары в гостях, Александра слушала речи хозяйки восемь часов подряд. После у нее начались такие острые рези в желудке, что она заподозрила язву. Но врач, уже в Москве, разуверил ее в этом, сообщив, что рези были нервного происхождения.

При этом по совершенно необъяснимой причине Варвара очень симпатизировала Александре, хотя та ничего не делала для того, чтобы завоевать ее любовь. Владелица магазинчика на Де Лоир просто вцеплялась в землячку, когда видела ее, и была готова оказать любую услугу, помочь всем, чем возможно. Александра видела это, понимала, пыталась насильно пробудить в себе чувство признательности и симпатии... Напрасно. Она убеждала себя в том, что Варвара одинока, скучает по родине, нуждается в дружбе и общении... Все зря. Стоило Александре увидеть эти близко посаженные, бегающие, пустые глаза, эти мимические морщины вокруг рта, красные пятна на жилистой шее, выступавшие в пароксизме болтовни... она сразу забывала обо всем, за что могла бы поблагодарить Варвару, и тем более о том, за что ее следовало пожалеть. В такие минуты Александра сама себе казалась неблагодарной и пристрастной. Сделать же она могла только одно – избегать всяких контактов с этим человеком, так сильно ее раздражавшим.

- Ну, говори! – приказала Варвара, втащив гостью в свой магазинчик и усадив на почетное место, в креслице рококо, обитое блеклым розовым атласом. – Рассказывай!

- Я...

Рассказывать, впрочем, ей не дали – Варвара тут же заговорила сама. Она металась по магазинчику, ахала, картинно закатывала глаза, наливала из термоса кофе для гостьи, кофе для себя, шурилась, гримасничала, трещала на две темы сразу и, судя по всему, была счастлива. Александра покорно ждала паузы. Она знала, что этот момент наступит, главное, его не упустить.

За те два года, что они не виделись, Варвара совсем не изменилась. Ей было за пятьдесят или за шестьдесят, могло быть и под семьдесят – Александра не удивилась бы, услышав любую цифру. Варвара принадлежала к тому сухому, почти бестелесному типу людей, которые сохраняются прежними в течение десятилетий, как усыпленные эфиром насекомые в застекленных коробках. Увы, то была не бабочка – то был богомол. Треугольное скуластое личико, мощные и хищные движения нижней челюсти, пугающе непроницаемое выражение маленьких черных глаз – все напоминало Александре именно это насекомое. Каштановые волосы с сильной проседью висели вдоль красноватых, увядших щек, ложась на плечи голубого пиджака, купленного здесь же, на развалах Де Лоир. Бархатный пиджак, рубашка с кружевным жабо, с воткнутой наискось рубиновой булавкой, джинсы и ковбойские сапоги – вот был обычный наряд Варвары, или Барбары ван дер Мекк, как она значилась в замужестве. Таков он был и сегодня, не изменившись ни на йоту.

Тем временем художница огляделась и отметила про себя необыкновенную пустоту в магазинчике. Сегодня здесь выставилось всего несколько вещей – пара креслиц, банкетка, несколько этажерок для цветов. Обычно вещи громоздились друг на друга и в магазинчике было трудно передвигаться. Теперь здесь можно было танцевать. «Возможно, дела идут хорошо и она все распродала на днях? – задалась вопросом Александра. – Или... дела идут совсем не важно и дело ликвидируется?»

Варвара, войдя в бизнес мужа, уже второе десятилетие торговала на Де Лоир предметами обстановки, предпочитая туалетные столики, банкетки, настольные и напольные зеркала. Все это могло разместиться даже в небольшой комнате, и потому вещи расходились быстро, в

отличие от громадных старинных шкафов и кроватей, которые именно из-за своей громадности просто выбрасывались и уничтожались. Такая ситуация повсеместно царила в Европе. Стоило владельцам громоздкой старинной мебели попасть в богадельню, а затем на кладбище, как мебель гибла вслед за ними. В лучшем случае предметы обстановки оказывались на складах, где их можно было приобрести за сущие гроши или даже забрать даром. Однажды в Париже Александра с ужасом и болью наблюдала за тем, как на заднем дворе подобного мебельного склада распиливали на части старинную кровать грушевого дерева изумительной резной работы, в стиле барокко. Бензопила насквозь пронзала спинку, украшенную гербовым щитом, который держали в поднятых лапах мифические крылатые чудовища. Старое дерево, пережившее века, стонало и визжало, как живая плоть, когда в него вонзалось лезвие пилы, и этот звук отдавался у Александры в костях и зубах. Вихрем летели опилки, ядовито пахло паленым деревом. Женщина, внутренне содрогаясь, наблюдала за гибелью двухспальной кровати, на которой явно родилось не одно поколение владельцев герба. Где они были теперь, потомки людей, которые служили королю Франции и гордо носили этот герб на своих щитах, на столовых приборах и мебели, на дверцах карет? Быть может, погибли еще во время Великой революции или сгинули в изгнании и на этой кровати рождались и умирали чужие им люди? Или этот род существует и поныне, но ему больше нет дела до старой рухляди, которая сейчас трагически погибает под наглым напором пилы, никем не оплаканная, никому не нужная, как выжившая из ума, забытая в богадельне прабабка?...

- Ау? Ты опять спишь с открытыми глазами? - Присев перед гостьей на низкий стульчик, Варвара протягивала кружку с кофе. - Вечно ты где-то витаешь. Рассказывай теперь ты, ну? На аукцион приехала? Я даже знаю, на какой! К Бертельсманну? У них в четыре начинается. Каталог в Сети видела? Много «малых голландцев». Значит, к нему? Там будет масса интересного, как всегда, перед Святым Николаем.

- Хорошо бы на аукцион к Бертельсманну, - наконец собралась с духом Александра. - Да денег нет. Там же все запредельно дорого.

- У меня тоже денег нет, - быстро ответила Варвара. - А то бы я тебе заняла. Ты же отдашь, я знаю.

- Нет-нет, я совсем не нуждаюсь в деньгах, и вообще... Я не потому приехала...

Приняв кружку, художница с минуту дула на дымящийся кофе, пытаясь собраться с мыслями. Она не могла придумать, каким образом половчее спросить о Надежде. Варвара, как назло, молчала. Это случалось с ней редко и значило одно: ее внимание, вечно занятое ворохом сплетен и пустяков, наконец привлекла личность собеседника.

- Скажи, ты давно видела Надю? - Так ничего и не придумав, Александра решила действовать напрямик. - Надю Пряхину? Она должна быть здесь сейчас.

Варвара, озадаченно хмурясь, смотрела прямо в глаза гостье. Затем медленно, против своего обыкновения, выговорила почти по складам:

- Ты имеешь в виду московскую Надю, которая... Да, я ее помню. Сто лет не видела.

«Еще бы тебе ее не помнить! - в сердцах подумала Александра, с трудом скрывая разочарование. Визит на Де Лоир оказывался напрасной тратой времени. - Она же у тебя работала когда-то в Москве! Она же меня на тебя и навела!»

С Варварой (тогда уже Барбарой) Александра познакомилась не в Москве, а в Амстердаме. Адрес ее магазина дала Надежда. В начале девяностых, когда Пряхина только-только окончила

школу, ей удалось устроиться работать в антикварный салон, который содержала Варвара. Там Надежда и постигала азы ремесла, набивала первые шишки и делала первые успехи. Впрочем, салон вскоре перешел в другие руки в связи с тем, что его владелица вышла замуж за голландца и уехала за границу. Надежда вспоминала те времена без теплоты и энтузиазма. Она также, по всей видимости, не испытывала никакой симпатии и благодарности к Варваре, хотя та, можно сказать, и вывела ее на жизненный путь. «Ты ее за что-то не любишь?» – спросила Александра, получив от Пряхиной координаты Варвары в Амстердаме и ряд очень сухих инструкций. «Таких не любят!» – кратко ответила Надежда, и на том обсуждение закончилось. В Амстердаме Александра нашла магазин на Де Лоир, познакомилась с Варварой. Хотя общение было неприятным и пришлось выслушать уйму чепухи, Варвара оказалась очень полезна в профессиональном плане. Она познакомила художницу с несколькими посредниками, у которых можно было поживиться остатками распроданных коллекций, лотами, снятыми с аукционов для переоценки, и прочими непредсказуемыми в плане прибыли вещами. Варвара просто вцепилась в бывшую соотечественницу. О Надежде она говорила мало и словно с неохотой. Александра не знала подробностей их расставания тогда, двадцать лет назад, но у нее осталось впечатление, что обе женщины затаили друг на друга обиду.

«Хотя Варвара ничего таить не умеет, из нее все тут же выплескивается! – думала Александра, отпивая остывающий кофе и придумывая предлог, как побыстрее уйти. – Что и говорить, это ее неоспоримое достоинство!»

- Сто лет не видела, – тем временем повторила Варвара, поднимаясь с пуфа и начиная кружить по полупустому магазину. Она выглядела обеспокоенной. – А зачем она тебе понадобилась? Ни с того ни с сего?

- То есть почему – ни с того ни с сего? – удивленно взглянула на нее художница. – Мы с нею в дружеских отношениях, есть общие дела. Надя уже полгода живет в Амстердаме, и я хочу узнать, почему она здесь задержалась.

- Вряд ли она здесь, – возразила хозяйка магазина.

Ее лицо заметно исказилось. Варвара была страшно ревнива, Александра знала по опыту, что при ней нельзя хорошо отзываться ни о ком, включая даже тех людей, о которых хорошо отзывалась сама Варвара. – А то бы она ко мне хоть раз зашла, за полгода-то. Нет, сто лет ее не видела!

Александра вытащила из кармана куртки часы. Время близилось к половине второго. Варвара моментально оказалась рядом:

- Спешешь? Очень? Давай пообедаем вместе?

- Я спешу, в самом деле... Очень спешу!

- Она что-то тебе про меня рассказывала, да? – перебила Варвара. – Гадости всякие? Ты поэтому от меня сторишь?

- Надя никогда ничего мне о тебе не говорила! – возразила Александра.

Но ее и слушать не хотели. Выставив вперед руку, словно отбивая все аргументы, Варвара отрицательно мотала головой:

- Говорила-говорила, я ее знаю. Да мне все равно, что она там обо мне врал! Но удивительно, что ты ей поверила!

«Ты-то зато никому никогда не веришь, за всех сама думаешь и решаешь, кто что про кого говорил!» Александра все явственнее чувствовала, как растет раздражение, которое всегда вызывала в ней эта женщина. И то, что Варвара неизменно была с ней приветлива, ничего не меняло. Александра помнила старое правило, никогда ее не подводившее: «Если кто-то сплетничает с тобой о других, значит, он сплетничает с кем-то и о тебе. Для сплетника нет запретных тем и неприкосновенных людей. А тот, кто никому не верит, – сам лжец!»

– Так мы сейчас обедаем вместе! – не терпящим возражений тоном произнесла Варвара. – Живот подвело уже, а от кофе тошнит. А потом – к Бертельсманну. Познакомлю тебя с одним нужным человеком, он там будет обязательно. Даст заработать, сто процентов! Ты отсюда потом куда? В Европу или в Москву?

– Домой. – Александра вернула пустую кружку и поднялась. У нее голова шла кругом не столько от нескончаемой болтовни собеседницы, сколько от разочарования. – Завтра же утром. И мне еще нужно...

Но хозяйка магазина не желала знать, что нужно Александре. Как всегда, ей было совершенно все равно, какие планы строит собеседник. Она предлагала свою программу действий, а если ей сопротивлялись, устраивала самую настоящую истерику, такую громкую и постыдную, что жертва или сбегала, или в ужасе сдавалась.

– Идем-идем. – Варвара заперла термос и кружку в шкаф, мельком заглянула в зеркало на туалетном столике, скорчила гримасу своему отражению. – Сейчас на секунду заглянем в бюро, я отчитаюсь, что ушла. Вдруг какой-нибудь идиот сюда заглянет, они мне сразу перезвонят. Нет, никого сегодня не будет, я чувствую!

Александра покорно пошла за нею, не чувствуя в себе сил для борьбы. Да и какой смысл бороться? Больше во всем Амстердаме не было ни одного человека, у которого она могла что-нибудь узнать о Надежде. Диана и Юрий даже не подозревали о ее существовании, а Надежда знала о них лишь со слов Александры. Другие, очень немногочисленные и большей частью случайные знакомые, которые были здесь у художницы, также никогда не контактировали с исчезнувшей антикваршей. Приятельницы как-то обсуждали свои деловые контакты в Нидерландах, и выяснилось, что точка пересечения у них всего одна – Барбара ван дер Мекк.

– Идем-идем. – Варвара заперла термос и кружку в шкаф, мельком заглянула в зеркало на туалетном столике, скорчила гримасу своему отражению. – Сейчас на секунду заглянем в бюро, я отчитаюсь, что ушла. Вдруг какой-нибудь идиот сюда заглянет, они мне сразу перезвонят. Нет, никого сегодня не будет, я чувствую!

Александра покорно пошла за нею, не чувствуя в себе сил для борьбы. Да и какой смысл бороться? Больше во всем Амстердаме не было ни одного человека, у которого она могла что-нибудь узнать о Надежде. Диана и Юрий даже не подозревали о ее существовании, а Надежда знала о них лишь со слов Александры. Другие, очень немногочисленные и большей частью случайные знакомые, которые были здесь у художницы, также никогда не контактировали с исчезнувшей антикваршей. Приятельницы как-то обсуждали свои деловые контакты в Нидерландах, и выяснилось, что точка пересечения у них всего одна – Барбара ван дер Мекк.

«Но могли быть и другие общие знакомые, которых мы не называли, забыли... Разве всех упомнишь?» Александра вновь миновала отдел кружев, винтажной одежды, украшений, посуды, церковной утвари. Продавец в очках все так же сидел в дальнем углу, сгорбившись над книгой. На этот раз он даже не поднял головы. «Похоже, я сегодня попаду на аукцион к

Бертельсманну, хотя при моих скудных финансах это пустая трата времени... Зато встречу кого-нибудь, почти наверняка. Придется спрашивать о Наде всех знакомых подряд. К шести постараюсь оттуда удрать. «Отель «Тоledo», номер 103 А»! Значит, Надя считала, что мне зачем-то пригодится эта информация? И я смогу ею воспользоваться в том куцем виде, в каком она ее оставила? Не написала больше ничего! Почему такая краткость? Спешила? Но хоть пару лишних слов успела бы черкнуть... Или... за ней наблюдали и она не хотела писать лишнее?!»

- Погоди минуту, никуда не удирай! - Варвара погрозила пальцем и скрылась в комнате, где располагалось бюро управляющего.

Александра отвернулась к витрине, тянувшейся вдоль узкого коридора, примыкающего к бюро. Здесь также теснились неизбежная бисквитная посуда, голубая, серая и лиловая, начищенная индийская латунь, тускло мерцающий мельхиор, пестрая перегородчатая эмаль - весь ширпотреб, примерно одной ценовой категории...

Александра рассеянно скользила взглядом с предмета на предмет, отмечая цифры на ценниках, внутренне сокрушаясь о том, что не сможет даже окупить расходы на поездку. Женщина уговаривала себя не расстраиваться. «Я сделала все что могла и даже больше, при моем-то нынешнем безденежье! В конце концов, Надя ведь сказала сестре по телефону, что ничего срочного в письме нет, я приехала только потому, что на сердце стало беспокойно... И в самом деле, в письме не только ничего срочного, там вообще ничего нет! И вот это меня пугает. Но что я могу сделать?! Я даже не знаю, нужна ли ей помощь!»

Появилась Варвара, раскрасневшаяся еще больше, недовольная.

- Честное слово, брошу эту лавочку! - заявила она Александре в ответ на вопрос, что случилось. - Мнят о себе слишком много, аренду дерут непомерную, стоит задержать оплату на день, как сразу начинаются разговоры за жизнь... А торговли нет совсем, никакой. Кризис. Муж говорит, что нужно это дело бросать. Мало мы работали, что ли? Пора на покой. Дочери уже сами зарабатывают, а нам с ним на жизнь хватит. Да, я тебя не спросила, как торговля в Москве?

- Примерно так же весело, - ответила Александра, следуя за Варварой к выходу. - Шевелимся кое-как...

- Везде одна и та же песня! - раздраженно бросила Варвара, обернувшись. - Ну, что глазеешь по сторонам? Здесь ничего нет. Все давно перекуплено по десять раз, цены видела? Но я тебя сведу после обеда с золотым человеком, там, на аукционе. Хоть дорожку окупишь! А про Наденьку забудь, это пустой номер и очень плохой партнер! Я слышала о ней такие отзывы...

- От кого, когда? - насторожилась Александра.

- Да я уже не помню. От нескольких людей сразу! - уклончиво ответила Варвара.

То была ее обычная манера - очернить человека, который чем-то ей не угодил, но наотрез отказаться сообщить конкретный источник негативной информации. Александра сталкивалась с этим явлением не раз и была уверена, что все эти выпады основаны только на фантазиях самой Варвары. Как большинство людей, страдающих истерией, ее бывшая соотечественница испытывала страдания, когда хвалили не ее, говорили не о ней, интересовались кем-то другим. Компенсировала она эту инфантильно понятую «несправедливость» также по-детски, выдумывая самые ужасные истории про своих ближних и не очень заботясь об их достоверности.

Заведение, куда привела ее Варвара, находилось через несколько домов от входа на Де Лоир, на набережной грахта. Это была типичная для центра Амстердама пивная: маленький зал с тремя длинными деревянными столами, крутая лестница на второй этаж, еще более крутая, почти отвесная, лестница вниз, в подвал. Бело-голубой кафель на стенах, блестящие пивные краны, скопище старого забавного хлама на полке под самым потолком – там были выставлены детские игрушки, коробки из-под чая, подсвечники с оплывшими свечами, глиняные кружки. Вероятно, в сезон здесь всегда толклись туристы, свернувшие на канал с Мархнихстраат. Сейчас, в начале декабря, в пивной было пусто.

Варвара поздоровалась с барменом за руку, как со старым знакомым. Крепкий краснолицый мужчина с ежиком седых волос над низким лбом приветливо улыбался, показывая прокуренные зубы, выслушивая то, что быстро говорила ему Варвара, делавшая заказ. Александра, едва зная по-голландски приветственное *hallo*[1] и благодарственное *bedankt*,[2] гладила толстую черно-белую кошку, тут же подкравшуюся к ней под столом. Кошка сыто жмурилась, закатывая узкие зеленые глаза, на ее ошейнике позвякивал латунный бубенчик.

- Ей семь лет! – гордо сообщил хозяин на ломаном английском, увидев, что Александра осторожно почесывает его любимице хребет. Кошка от наслаждения урчала громче и громче, неуклонно прибавляя звук.

- Никогда бы не подумала! – честно ответила женщина. – Ей и двух не дашь!

Хозяин польщенно засмеялся и отправился на кухню, отдать повару заказ. Варвара, стягивая шерстяной палантин, в который закуталась, выходя из пассажа, сладко потянулась:

- Как они все здесь помешаны на своих животных... Заметила, у него на двери наклейка, что с собаками вход воспрещен? Теряет уйму клиентов из-за этой королевы!

«Королева», сделав несколько резких движений хвостом, словно опровергая предположение, что из-за нее теряются клиенты, демонстративно ушла. Варвара, провожая кошку взглядом, тихонько рассмеялась и тут же снова повернулась к Александре:

- А теперь начистоту, зачем ищешь Наденьку? Она тебе денег должна? Скрывается?

- Мне ни копейки никто не должен... К сожалению!

Александра порылась в сумке, машинально достала и тут же спрятала сигареты. Курить во всех кафе и ресторанах Амстердама была запрещено. Исключение представляли знаменитые кофешопы, но там курили вовсе не табак или не совсем табак.

- Нет, честно?

Варвара, усевшись напротив, облокотилась о столешницу и подперла кулаком щеку, пристально глядя в глаза художнице. Александру всегда смущал и неприятно настораживал неподвижный взгляд этих черных маленьких глаз, глубоко вдавленных под брови, словно изюмины в тесто. Ей чудилось в этом взгляде нечто маниакальное, и она даже предпочитала, чтобы Варвара болтала в своем обычном изнурительном темпе, чем вот так выжидательно молчала и смотрела на нее.

- Я все уже сказала, – пожала плечами Александра, делая вид, что ее заинтересовал хлам, расставленный на полке под потолком. – Смотри, какая интересная тарелочка... Я ищу Надю потому, что о ней уже полгода ничего в Москве не знают. Она звонила домой всего раз.

- Значит, не хочешь говорить! - после паузы заявила Варвара. Она не изменила позы и продолжала сверлить собеседницу взглядом. - Дрянь твоя тарелочка, я давно замечала, что ты ни черта не понимаешь в фарфоре. Это современный китайский хлам. Повторяю, твоей любимой Наденьки в Амстердаме нет, иначе я бы с ней давно пересеклась. За полгода здесь можно встретить кого угодно, и Наденьку, и Ведьму Ивановну, и Лешего Петровича. Если они существуют в натуре, конечно.

Александра, уязвленная презрительным отзывом о ее способностях, только качнула головой. Она чувствовала, что собеседница злится все больше, накручивая сама себя. А Варвара продолжала, неуклонно повышая голос:

- Если ты только ради нее приехала, то выбросила деньги в помойку. Я поражаюсь, как она умеет заморочить голову умному вроде бы человеку! Еще когда она была девчонкой и в Москве на коленях передо мной ползала, чтобы я ее в салон взяла, потому что ей жрать нечего было, я за ней заметила это... Аферистка! Ничего ведь не знала, не умела, сопли еще не обсохли, а в итоге я взяла ее вместо опытного оценщика. Всему ее учила, время теряла, нервы и деньги! Сколько вреда она мне принесла! Так еще и уволить я ее никак не могла. Каждый раз после проколов Наденька что-то такое плела, что я ей верила! И опять все повторялось! Когда мы расстались, я свечку в церкви готова была поставить за избавление от мук! Поражаюсь... Просто поражаюсь, до чего ты не разбираешься в людях! В твоём-то возрасте пора уже расстаться с наивностью!

Она говорила и говорила, на жилистой шее опять выступили красные пятна, похожие на аллергическую сыпь, узловатые, артритические пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, словно силились что-то ухватить в воздухе - может быть, шею воображаемого обидчика. Александра старалась не вслушиваться, думать о своем, но это было невозможно - Варвара уже почти кричала. «Она в бешенстве! - Александра с преувеличенным вниманием разглядывала фарфоровую тарелочку, о которой так резко отозвалась ее спутница. - Ревность? Зависть? Надя говорила о ней, что «таких не любят». С «такими», кажется, и не дружат - когда я однажды болтала с Эльком в его часовом магазине на Де Лоир и упомянула Варвару, у него сделалось какое-то странное лицо... А уж Эльк - милейший человек, хотела бы я видеть, с кем он не способен поладить! Но почему она в меня, именно в меня так вцепилась? Почему ей нужна именно моя дружба? Я, кажется, не скрываю, что общаюсь с ней постольку-поскольку, ради дела. Господи, как она тарахтит!»

Александрю спас хозяйин: пританцовывая с неожиданной для своего крупного сложения легкостью, он появился из-за стойки с двумя огромными тарелками в руках. Поставив их перед дамами, он исполнил еще одно па и немедленно вернулся с двумя бокалами любовно нацеженного пива. Затем склонился над Александрой и с теплой фамильярностью потрепал ее по плечу:

- Получайте удовольствие, *мевроу!*[3]

- *Dank!*[4] - радостно отозвалась Александра.

Художницу давно мучил голод. Блюдо, которое поставили перед ней, было незамысловатым, как вообще вся традиционная голландская кухня: мясные тефтели, политые ягодным соусом, и вареный картофель с маринованной капустой. Александра восприняла его с восторгом - она любила простую кухню и не стыдилась признаваться в том, что гурманство ей чуждо от природы.

- По крайней мере, в этой забегаловке не отравят, мясо свежее, - критически заметила Варвара, вытирая салфеткой зубья вилки. - Ты меня слушала или нет? Я говорю, что нечего и мечтать получить с нее денежки. Можешь с ними попрощаться!

- Бог мой... - Александра сделала глоток ледяного пива и облизала губы. - Почему ты не веришь мне на слово? Ничего мне Надя не должна. Я просто беспокоюсь - как можно так надолго уехать и никому ничего не объяснить?

- А я тебе скажу! - Варвара не сводила с собеседницы пристального взгляда. - Если Наденька отколола такой номер и ее никто не может найти, значит, она задолжала. Кому-то другому, раз уж не тебе. И крупно задолжала!

Александра не ответила. Она впервые обдумывала этот вариант. Приходилось признать - такая вероятность существует. Подобный поступок никак не вязался у нее с личностью исчезнувшей приятельницы, но подобная невероятная скрытность должна была иметь какое-то объяснение.

- Сорвала большой куш, надула кого-то и сбежала, так все делают! - рассуждала Варвара, быстро разделяваясь с тефтелями. Она умудрялась жевать и говорить одновременно одинаково неопрятно. Александра старалась на нее не смотреть. - Сколько я повидала таких беглецов... Как послушаешь их - на родине притесняют, копеечку заработать не дают. А потом выясняется, что они просто кого-то обобрали. Кого-то не того. Что, не веришь? Думаешь, твоя драгоценная Наденька на такое не способна? Я ее лучше знаю. Все эти якобы интеллигентные идейные тихони слеплены из одной глины!

- За полгода до меня дошли бы какие-то слухи! - возразила Александра, поддевая вилкой капусту. - В том-то и дело, что никто ничего о ней не говорит. Уехала и пропала. Все это... пугает, мягко говоря.

- Нервы, нервы... - иронически протянула Варвара. Казалось, однако, что она начинает постепенно проникаться услышанным. - Не драматизируй! Рано или поздно все прояснится.

- Надеюсь... - грустно ответила Александра.

А Варвара с пронизательностью, свойственной многим подозрительным людям, продолжала:

- Я даже слышать не желаю о том, что ты сюда приехала только ради подружки. Молчи, молчи, по глазам вижу, что ты свалила дурака и решила, что она попала в беду! Думаешь, Наденька это оценит? Не дождешься! Сколько тебе лет? Сорок пять? С ума сойти! А ведешь себя как пятилетняя девчонка! И никаких дел у тебя здесь нет, не ври мне! У меня чутье, как у медиума...

«Провались ты со своим чутьем! - думала Александра, не сводя взгляда со своей тарелки. - Я вот доверилась своему чутью, и что?! «Отель «Тоledo», номер 103 А»! Блестящий результат!» Отрицать очевидное она не могла - проезд в Амстердам оказался напрасным. И хотя проживание ничего ей не стоило, деньги за билет были выброшены на ветер. Загадочное письмо не подлежало расшифровке и к тому же не содержало призыва на помощь. Александра промокнула салфеткой губы и положила вилку:

- Я сама знаю, что поступила глупо. Скажи лучше, ты слышала когда-нибудь про отель «Тоledo»? Знакомое название?

Варвара, которую внезапно перебили, с неудовольствием отрезала:

- Никогда не слыхала! Наверное, дешевый грязный хостел, с кофешопом на лестнице! Или попросту бордель!

- А если спросить хозяина?

- Сейчас спрошу. Кстати же, нам пора двигаться! Аукцион на Ломбардстиг, туда идти полчаса. Ты же не на велосипеде? Кофе выпьем в другом месте!

Варвара призывно махнула хозяину, который, грузно облокотившись на стойку, смотрел футбольный матч по крошечному телевизору. Когда он приблизился, Варвара задала ему несколько вопросов по-голландски. Мужчина задумался, потом покачал головой, глядя на Александру.

- Он не слышал о таком отеле, - перевела Варвара, кладя деньги возле тарелки и поднимаясь. - Нет, не смей, я угощаю!

Александра сунула обратно в сумку вынутый было бумажник. Голова у нее шла кругом, и вовсе не от бокала пива, который она даже не допила. «Что за ребус?! Варвара живет здесь двадцать лет, а хозяин с рождения, вероятно. Портье прочесал все результаты запроса в базе... Такого отеля в Амстердаме нет!»

Вероятно, жестокое разочарование слишком ясно было написано у нее на лице, потому что Варвара ободряюще похлопала художницу по плечу:

- Не расстраивайся! На аукционе будет человек, который знает в Амстердаме каждый камешек в мостовой! И то, что под камешком, тоже! Я его расспрошу, да и тебе не вредно будет с ним подружиться. Мы найдем этот паршивый отель, если только в Амстердаме вообще есть отель «Тоledo»!

В этот момент колокольчик, по старинке привязанный над входной дверью, простуженно звякнул. Дверь отворилась, впуская в пивную сырой холод. С набережной, заметно прихрамывая, вошел новый посетитель, высокий худощавый мужчина в черном пальто. Когда он, неловко прикрыв за собой дверь, обернулся, Александра обрадованно вскрикнула.

Это был ее старый знакомый, владелец лавки часов на Де Лоир, Эльк Райнике. Сняв очки, протирая носовым платком запотевшие стекла, он близоруко и доверчиво шурился, оглядывая помещение, которое сейчас представлялось ему скопищем туманных цветочных пятен. Хозяин коротко, гортанно выкрикнул приветствие, Эльк махнул в ответ. Александра с улыбкой ждала, когда он наденет очки и узнает ее.

- Этого еще черт принес! - процедила Варвара, резкими движениями обматывая вокруг плеч палантин. - Не понимаю, что ты в нем находишь! Меня он бесит!

Глава 4

Эльк Райнике, вызвавший такое раздражение у своей соседки по антикварному рынку, был в глазах Александры ярким представителем старинного голландского типа. Впрочем, его дедушка со стороны отца был немцем. Высокий, стройный, отлично сложенный, Эльк в свои сорок пять лет сохранял спортивную форму, благодаря тому, вероятно, что повсюду передвигался на велосипеде. Хромал он с детства, после травмы колена, полученной во время игры в футбол, и с детства же носил очки, но это ничуть не мешало ему с энтузиазмом крутить

педали, проносясь по набережным грахтов и по узким переулкам с такой скоростью, что полы его расстегнутого черного пальто вздувались, будто паруса пиратского клипера. Черты лица у него были крупные, чеканно четкие, профиль – словно с античной германской медали. Круглый волевой подбородок, тонкая верхняя губа и чуть выпяченная нижняя, плотно прижатые к черепу уши, серые глаза с янтарными точками вокруг зрачков – весь его породистый облик находился в полной гармонии со старинным центром Амстердама, таким же неярким, спокойным и логически ясно устроенным.

Познакомились они на Де Лоир два года назад, когда Александра задержалась возле витрины его магазинчика, совсем небольшого. Заказов на часы у художницы на этот раз не было, и она просто любовалась выставленной на полках коллекцией. Когда к ней с улыбкой подошел хозяин, Александра слегка смутилась – ведь она не собиралась ничего приобретать. Но Эльк, тут же представившись и пожав ей руку, и не навязывал ей свой товар. Любопытный и общительный, как большинство амстердамцев, он просто хотел познакомиться и поболтать. Истый уроженец портового города, через переулки которого, как песок через устье песочных часов, день за днем течет пестрая толпа чужеземцев, он интересовался всем и всеми. Узнав, что Александра приехала из Москвы, Эльк восхитился и немедленно пригласил ее выпить чашку кофе. Через час художница знала всю его биографию и пересмотрела все семейные фотографии, которые антиквар носил с собой в портмоне. Эльк был женат на испанке, у них недавно родилась дочь. Также членами семьи, обитающей неподалеку от рынка, в районе Йордана, на Розенграхт, в родовом доме семьи Райнике, были две беспородные собаки, чьи фотографии любовно хранились рядом со снимками жены и ребенка.

Познакомились они на Де Лоир два года назад, когда Александра задержалась возле витрины его магазинчика, совсем небольшого. Заказов на часы у художницы на этот раз не было, и она просто любовалась выставленной на полках коллекцией. Когда к ней с улыбкой подошел хозяин, Александра слегка смутилась – ведь она не собиралась ничего приобретать. Но Эльк, тут же представившись и пожав ей руку, и не навязывал ей свой товар. Любопытный и общительный, как большинство амстердамцев, он просто хотел познакомиться и поболтать. Истый уроженец портового города, через переулки которого, как песок через устье песочных часов, день за днем течет пестрая толпа чужеземцев, он интересовался всем и всеми. Узнав, что Александра приехала из Москвы, Эльк восхитился и немедленно пригласил ее выпить чашку кофе. Через час художница знала всю его биографию и пересмотрела все семейные фотографии, которые антиквар носил с собой в портмоне. Эльк был женат на испанке, у них недавно родилась дочь. Также членами семьи, обитающей неподалеку от рынка, в районе Йордана, на Розенграхт, в родовом доме семьи Райнике, были две беспородные собаки, чьи фотографии любовно хранились рядом со снимками жены и ребенка.

Тогда, в кофейне, Александра оставила Эльку свой номер телефона и адрес электронной почты, попросив выслать ей снимки часов, которые можно будет показывать московским коллекционерам, чтобы предложить товар. Два дня спустя, когда она еще была в городе, Эльк позвонил ей и предложил проехаться по вечерним каналам на моторной лодке. Они встретились на Сингеле ближе к закату и больше часа кружили по всем центральным каналам, пока не стемнело и вода между высоких каменных набережных не стала золотой от вечерних огней. Эльк сидел у мотора, на корме, Александра на носу лодки. Когда она оборачивалась, хозяин вопросительно улыбался, словно безмолвно спрашивая, нравится ли ей прогулка. Причалили на Раамграхт, неподалеку от Южной церкви. Там Эльк привязал лодку и повел Александру ужинать. Они уселись на набережной, под оранжевым тентом уличного кафе. На столике горела свеча в стеклянном абажуре, вокруг слышалась разноязычная речь. Здесь ужинали и туристы, которых в апреле было еще немного, и голландцы, которые пришли целыми семьями, со стариками, маленькими детьми и собаками. Эльк, весь вечер бывший

очень немногословным, теперь окончательно замолчал. Он смотрел на Александру, словно чего-то ожидая, в стеклах очков отражалось удвоенное пламя свечи, и невозможно было понять выражение его глаз. Была минута, когда Александре вдруг показалось, что цель этой вечерней прогулки не совсем та, какую она предполагала. Собираясь прокатиться по каналам, художница думала, что антиквар с Де Лоир стремится завязать и укрепить деловую связь с новым потенциальным партнером, который может открыть его скромному предприятию выход на московский рынок. Но тогда, на набережной, пока они ждали заказанный ужин, Александра вдруг ощутила повисшее в воздухе напряжение. Сидевший напротив мужчина не сделал ни одного движения, не сказал ни слова, которые можно было истолковать как попытку флирта. То, что внезапно возникло между ними, было куда сильнее и серьезнее. Вокруг по-прежнему звучали голоса, звенели приборы, раздавался детский смех. По каналу с мягким рокотом проходил освещенный изнутри туристический катер, на мосту звенели несущиеся велосипеды. Чайка, упавшая словно из-под самой луны, низко висевшей над городом, спикировала над каналом и с пронзительным воплем унеслась вдаль, туда, где мерцало небо над городским центром. Этот крик заставил Александру вздрогнуть. Эльк встрепенулся и, очнувшись от оцепенения, спросил, не холодно ли ей. Принесли ужин. Угрожающее очарование момента рассеялось, и через минуту они смеялись, с аппетитом ели и говорили о делах.

С тех пор прошло два года. Эльк регулярно писал, как они и договорились в тот вечер, присылал снимки наиболее интересных экземпляров, которыми пополнялась его коллекция. Порой Александра продавала их и получала комиссионные. Эльк торговал честно, и ни разу не возникла потребность в возврате присланной вещи. Александра обязательно получала от него поздравления на Рождество и на Пасху (по католическому календарю), а также на свой день рождения. Все общение шло в самом обыденном ключе и было полно здравого смысла. Они приносили друг другу пользу, каждый относился к партнеру с уважением и симпатией. И все же Александра не забывала той минуты на набережной, когда взгляд сидевшего напротив мужчины вдруг сделался странным, одновременно непроницаемым и очень красноречивым. Каждый раз, видя в почте письмо от Элька, художница ощущала словно укол булавкой в области сердца. И хотя Александра знала, что в письме содержится очередное деловое предложение или поздравление и ничего иного там быть не может, она каждый раз медлила его открывать.

...И вот Эльк стоял в нескольких шагах от нее, продолжая протирать очки, щурясь и пытаясь рассмотреть лица посетительниц. Александра не выдержала и рассмеялась в голос. Мужчина замер, затем торопливо нацепил очки и вскрикнул:

- Вот так-так!

Они пошли навстречу друг другу, протягивая руки для пожатия, но в последний момент антиквар обнял Александру и крепко расцеловал в обе щеки. Затем отстранился, поправляя на переносице очки:

- Это действительно ты!

- Сама не верю, что я здесь!

Художница смеялась, поражаясь тому, насколько рада видеть этого человека. Все черное, тяжелое и гнетущее, что было у нее на сердце в последнее время, внезапно исчезло. И дело было вовсе не в том, что она строила какие-то далеко идущие планы, связанные с часовщиком с Де Лоир. Александра еще два с половиной года назад, после того памятного вечера, твердо решила, что их отношения будут деловыми, дружескими и больше никакими. Слишком страшный шрам оставил на ее жизни первый роман, еще питерской поры - роман с женатым

мужчиной, преподавателем Академии художеств, где она училась. И хотя взгляд Элька, в котором она, с его ведома или без, прочитала так много, не стерся в ее памяти, она хранила его без всякой корыстной цели. Так хранят засушенный цветок, камешки с моря или театральный билет.

Тем временем улыбающийся Эльк взглянул на Варвару, которая с кислым лицом драпировалась в палантин, делая вид, что разглядывает что-то на набережной через стекло витрины. Его улыбка погасла, на губах осталась только ее тень. Эльк поздоровался, любезно и безлично. Варвара едва кивнула, всем видом выражая нетерпение и недовольство.

- Ну, мы должны спешить! - бросила она Александре. - Я бы поехала на велосипеде, но ты... Можно, правда, и на трамвае.

Она демонстративно говорила по-русски, подчеркивая тем самым, что информация приватная и касается только их двоих. Александра так же демонстративно ответила по-английски - на этом языке они общались с Эльком:

- В самом деле, почему бы и не на трамвае? Мы едем на аукцион к Бертельсманну, Эльк! Ты как, не собирался туда?

- Собственно, нет... - Он задумчиво провел кончиками пальцев по отсыревшей пряди русых волос, упавшей на лоб. Откинул волосы назад и вопросительно взглянул на Александру: - Ты надолго приехала?

- Боюсь, совсем ненадолго... Может быть, до завтра. И по правде сказать, я тут случайно.

Эльк расстроился так искренне, что сыграть это было невозможно. Александра вновь ощутила горячий укол в сердце. Она с ужасом поняла, что ей очень приятно видеть, как расстраивается из-за ее быстрого отъезда этот мужчина.

- А вы не будете против, если я пойду с вами? - теперь Эльк обращался одновременно к обеим женщинам. - Я не помешаю?

- Аукцион - общественное место, *менеер!*[5] - отрезала на этот раз по-английски Варвара. Пятнами покрылась не только ее шея, но и все лицо, до границы с волосами.

Она была в бешенстве, которое пока приходилось сдерживать. - Вход, правда, платный.

- Думаю, я справлюсь с этим расходом, *мевроу!* - с преувеличенной любезностью ответил Эльк, и, услышав металл, звякнувший в его голосе, Александра с удивлением поняла, что он умеет злиться.

Художница впервые видела этих людей вместе. В прошлый приезд, встречаясь с Эльком, она успешно избегала контактов с Варварой, а общаясь с бывшей соотечественницей, не пересекалась с владельцем часового магазина. Лишь легкая мимическая судорога, пробежавшая тогда по лицу Элька при упоминании имени Варвары, позволила сделать вывод, что он ее недолюбливает. Варвара же, узнав о том, что Александра установила на Де Лоир новый деловой контакт, презрительно бросила:

- А, этот хромой... Ничтожество. Не понимаю, как он своими часами торгует, он же слепой практически! Однажды навернется на велике в канал, помяни мое слово!

Впрочем, удивляться такому настрою не приходилось. Антиквары, как давно заметила

Александра, дружили крайне редко. Их отношения часто носили характер хорошо замаскированной ревности, как у грибников, собирающих грибы в одной роще.

Впрочем, удивляться такому настрою не приходилось. Антиквары, как давно заметила Александра, дружили крайне редко. Их отношения часто носили характер хорошо замаскированной ревности, как у грибников, собирающих грибы в одной роще.

- Ну хорошо, давайте поторапливаться! - Варвара первая направилась к выходу. - Нас никто ждать не будет. Я предлагаю пойти пешком. Тут всего-то ничего...

- Подожди! - воскликнула Александра, с помощью Элька надевавшая на ходу свою куртку. - Тут же одна минута до автобусной остановки, там сядем на прямой автобус до Центральной станции...

- Я хочу пройтись! - отрезала Варвара и вышла, хлопнув дверью. Колокольчик оскорбленно взвизгнул.

Эльк открыл дверь перед Александрой и, придержав ее, вышел последним. Оказавшись на набережной, они увидели уже только спину Варвары, которая независимо удалялась в сторону центра по Лоирсграхт. Им ничего не оставалось, как двинуться следом.

Погода вновь переменилась. Небо затянула тонкая серая пелена, ветхая, как истлевшая в сундуке кисея. Тут и там в разрывах облаков синело небо. Дул сильный ветер, яростно обрывавший последнюю желтую листву с деревьев на набережной.

Эльк взял было Александру под руку, но тут же отпустил. Спустя минуту художница поняла причину этого неловкого маневра - сегодня Эльк особенно сильно прихрамывал и явно не хотел виснуть у нее на локте. Поняла она также и всю подлость тактического хода, совершенного Варварой. Зная, что ненавидимый ею сосед по рынку хромает и без велосипеда передвигается с трудом, она затеяла прогулку протяженностью километра на полтора. Это была хотя и небольшая, но ощутимая, причем физически, месть.

- Я бы все-таки поехала на автобусе, - заявила Александра.

- Если ты думаешь, что мне трудно идти... - Эльк усмехнулся, обматывая вокруг шеи серый шарф грубой домашней вязки. - Совсем нет. Зимой я всегда сильнее хромаю, не обращай внимания. Знаешь, я постоянно о тебе вспоминал...

- Я тоже! - вырвалось у художницы.

- Я имею в виду, вспоминал не из-за сделок, которые ты мне устраивала, - уточнил Эльк. Он говорил спокойно, шел не торопясь, не сводя внимательного взгляда со своей спутницы. - Часто думал, как ты живешь, что делаешь... По почте не очень-то побеседуешь... А ты в каждом письме писала, что никаких дел в Амстердаме пока не предвидится.

- Вот видишь, все-таки приехала. - Александра тоже замедлила шаг, принаравливаясь к походке своего спутника. Фигура Варвары давно исчезла из вида. Та, судя по всему, обиделась смертельно. - Правда, с делами пока ничего не выходит, но... Хотя бы с тобой увиделась.

- А какие были планы? - поинтересовался Эльк.

Александра не видела причины что-либо скрывать от своего друга и честно рассказала ему всю

историю исчезновения московской приятельницы, не скрыв и содержания оставленного в отеле загадочного письма.

Часовщик с Де Лоир не был знаком с Надеждой, хотя сама Пряхина сразу вспомнила его, когда Александра два с половиной года назад рассказывала ей о своем новом знакомстве.

- ...Такой высокий, в золотых очках, нордического типа? Хромает, как Байрон? - уточнила тогда Надежда, выслушав историю знакомства. - Приметный! Видала его на рынке... Правда, не общалась. Мне показалось, он немножко со странностями.

- Мы все со странностями! - заметила Александра, и приятельница полностью с ней согласилась. На том их разговор об Эльке Райнике и кончился, чтобы никогда не возобновляться...

И вот сейчас, остановившись на набережной, слушая ее рассказ, Эльк озадаченно хмурился, слушая описание внешности Надежды.

- У нее такие хвостики за ушами, как у девчонки! - Александра показала, где у приятельницы были хвостики. Эльк покачал головой:

- Не помню, не обратил внимания. За день перед глазами проходит столько людей... Да, все, что ты говоришь, очень странно. И она даже не поздравила девочку?

- Ни словом. А ведь столько сил и времени на нее положила...

- Дай мне записку! - попросил Эльк. Открыв конверт, полученный Александрой в отеле, он с минуту рассматривал вложенный в него лист, словно надеялся увидеть что-то, кроме краткой надписи на незнакомом ему языке. Затем вернул письмо Александре. - К сожалению, такого отеля я не знаю. А если бы он был не в Амстердаме, она указала бы город, так?

- Это очевидно! - Александра сунула конверт в сумку. - Да, кажется, Надя переоценила мои способности... Такие загадки решаются с ходу или совсем не решаются.

- А если записку писала не она? - ошеломил ее антиквар. - Почему все надписи сделаны печатными буквами? Она всегда так писала?

Художница не нашлась с ответом. Она впервые подумала о том, что никогда не видела почерка пропавшей приятельницы. А Эльк тем временем продолжал, вновь неторопливо пускаясь в путь, так что она была вынуждена следовать за ним:

- Знаешь, что я предлагаю? Давай вечером вместе пойдем в тот отель, где она оставила письмо. Я тоже считаю, что дело темное. Если ты захочешь обратиться в полицию, я тебе помогу. Без меня ничего не делай!

- Я так тебе благодарна! - У Александры навернулись слезы не то от ветра, бьющего прямо в лицо, не то от схлынувшего напряжения, в котором она жила последние дни. - Если бы ты знал, какие жуткие мысли меня посещали последний месяц, с тех пор, как я все узнала. Мне почему-то казалось... Не стоит этого говорить, наверное...

Она остановилась, покусывая обветренную нижнюю губу, глядя, как ветер крутит в воздухе горсть ржавых листьев. Небо вновь почернело, близился дождь. Эльк стоял рядом, серьезный, молчаливый, сунув руки в карманы пальто, как всегда, расстегнутого.

- Мне казалось, что я никогда больше ее не увижу, - сделав усилие, закончила фразу Александра. - Я думала, что она погибла!

На этот раз мужчина взял ее под руку и уже не выпустил. Так они и шли навстречу ветру, пересекая грахт за грахтом, приближаясь к центру. На Хюденстраат Эльк внезапно выпустил локоть Александры, сделал ей знак подождать и скрылся в одном из магазинов. Спустя пару минут он появился сияющий, с кулечком в руках:

- Это лучший шоколад в Амстердаме! Ну, попробуй! Когда я был маленький, все время просил, чтобы мне здесь купили конфеты, но родители никогда их не покупали...

- Почему? - поинтересовалась Александра, заглядывая в кулечек. Конфеты были восхитительные, даже на вид, и все разные. Она выбрала розовую пирамидку, с золотой съедобной фольгой на макушке.

- Я плохо себя вел! - с похоронным видом заявил Эльк, и оба рассмеялись.

На площади Спей Эльк купил в киоске кофе на вынос, и они продолжали путь, продолжая на ходу поедать конфеты, грея руки о картонные дымящиеся стаканчики. В этом импровизированном пикнике было что-то легкомысленное и, как все легкомысленное - волнующее. Они углублялись в сплетения узких безлюдных переулков, шли по мокрой скользкой мостовой среди накренившихся домов, останавливались, чтобы выбрать в кулке конфеты... Их пальцы соприкасались.

- Давай вот эту съедим пополам! - предложил Эльк, протягивая Александре квадратную конфету из белого шоколада, украшенную цукатом. - Не знаю, почему я взял одну, эта самая вкусная.

Александра откусила половину конфеты, и Эльк безмятежно отправил огрызок за щеку. «Мы ведем себя как дети, укравшие деньги у родителей и тайком накупившие сластей!» - думала Александра, глядя в спокойные серые глаза стоявшего напротив мужчины. В его темно-русых волосах, растрепанных ветром, запутался сухой лист. Ей хотелось вынуть этот лист, но она не решилась - ей было далеко до той выдержки, которую невозмутимо демонстрировал часовщик. «Ведь мы с ним давно не дети! У него серьезный бизнес, магазин в престижном месте, семья... А у меня... У меня ничего нет, и это еще более серьезный повод задуматься о будущем! Жевать на ходу шоколад - прекрасно, конечно. Но завтрашний день накажет меня за сегодняшний...»

- Ты все время такая грустная, - внезапно сказал Эльк, проглотив растаявший шоколад. - Из-за подруги? Мы ее найдем, если она здесь.

- Из-за нее тоже, - с запинкой ответила Александра. - Я просто подумала, что время идет... И навсегда проходит.

- Это не время проходит, - перестав улыбаться, возразил часовщик. - Это мы проходим.

Миновав Рокин, они оказались на Ломбардстиг. Эльк, высмотрев урну, смял опустевший кулек и швырнул бумагу в мусор вместе со стаканчиком.

- Пришли, - объявил он.

Знаменитый аукцион Бертельсманна уже не в первый раз проходил в здании старинного и очень дорогого отеля на Ломбардстиг. Александра бывала здесь однажды, в один из первых своих визитов в Амстердам, и тогда же, сразу и окончательно, убедилась в том, что

перекупщикам вроде нее на этом аукционе делать нечего. «Разве найти в Москве сумасшедшего покупателя с бешеными деньгами, который потянет и аукционную цену, и мой гонорар... – думала она, сбрасывая куртку на прилавок гардероба. – Но таких безумцев все меньше. Люди начали считать деньги... Кризис!»

Эльк отдал пальто гардеробщику и повел свою спутницу к стойке портье, где регистрировались клиенты аукциона. За вход полагалось уплатить двести евро. В том случае, если на аукционе совершалась покупка, стоимость входного билета полностью возвращалась посетителю. В противном случае она переходила на баланс аукциона. Эльк настоял на том, чтобы оплатить билет Александре.

– Это не очень по-европейски, знаешь ли! – заметила женщина, поняв, что он тверд в своих намерениях.

– Ну, как сказать... – Антиквар пожал плечами. – Ты мне устроила столько сделок, что на билет мне уж как-нибудь хватит...

Рука об руку они направились в зал для приемов, где уже гудело множество голосов. Швейцар в черной с золотом ливрее, неуловимо напоминавший распорядителя на роскошных похоронах, широко открыл перед новыми гостями высокие стеклянные двери. Они вошли, и Александра тут же не столько увидела, сколько ощутила устремленные на них взгляды. Элька здесь знали, смотрели в основном на нее.

Стены в большом круглом зале были обшиты темными резными панелями из мореного дуба. Горели все до единой золотистые хрустальные люстры, гроздьями спускавшиеся с расписного барочного потолка. Публика собралась разношерстная. Мелькали как дорогие костюмы и дизайнерские коктейльные платья, так и растянутые свитера, а также причудливые винтажные наряды, вроде того, в каком щеголяла Варвара. И хотя все эти люди выглядели очень по-разному, их объединял род занятий: скупка антиквариата, посредничество, коллекционирование.

Аукционист в сером сюртуке, ослепительно белой крахмальной сорочке и бледно-желтом атласном шейном платке, элегантный, подтянутый, похожий на актера мюзикла, готового к выходу на сцену, весело болтал возле своей трибуны с толпившимися вокруг него маклерами. Александра сразу заметила Варвару. Та стояла возле длинного, заставленного закусками и напитками стола с угощением и потягивала белое вино из узкого запотевшего фужера. У Бертельсманна, как обычно, все было организовано на высшем уровне. Александра вспомнила злую шутку, пущенную кем-то в адрес этого аукциона. Смысл ее был в том, что Бертельсманн угощает гостей только самыми изысканными закусками и дорогими винами и торгует подделками только самой высшей пробы.

Варвара, заметив ее, демонстративно отвернулась и направилась в противоположный конец зала. Эльк негромко рассмеялся:

– Как она злится, твоя подруга! Интересно на нее смотреть!

– Она мне не подруга, к счастью! – ответила Александра, продолжая оглядываться. В глубине души она надеялась на чудо. Надежда не раз говорила ей, что старается не пропускать торги у Бертельсманна. Но в зале не было видно ни одного знакомого лица.

За стойкой в глубине зала суетились двое барменов, крепко пахло свежесваренным кофе. Торги должны были стартовать пятнадцать минут назад, но аукционист не торопился подняться на

свою трибуну. Явно кого-то ждали. Эльк и Александра подошли к столу с угощением. Художница была не голодна и взяла себе стакан апельсинового сока. Эльк завладел бутербродом с ветчиной и бокалом красного вина. Держался антиквар совершенно непринужденно, и вид у него, как всегда, был такой, словно ничто на свете не может его смутить. Впрочем, Александра тоже быстро освоилась. Она любила этот ровный шум голосов в зале, предшествующий жгучей, азартной тишине, которая настанет во время торгов, когда безмолвие будут нарушать только отдельные выкрики и стук молотка. Ее лицо обвевал теплый воздух из решеток калориферов. Отсыревшие волосы тут же высохли. Эльк, протерев очки, высматривал кого-то в толпе, наполнившей зал. Внезапно он сделал резкий жест и повернулся к Александре:

- Я на минуту, здесь один человек... Сейчас вернусь!

Женщина, оставшись одна, проводила его взглядом. Антиквар подошел к группе людей, окруживших аукциониста, и довольно бесцеремонно, дернув за рукав пиджака, извлек из нее некоего пожилого господина с круглым сонным лицом. Они отошли в сторону и заговорили. Господин, судя по его недовольному и заносчивому виду, был не рад встрече, но Элька ничуть не смущал этот факт. Он стоял в профиль к Александре, чуть склонившись к собеседнику, который был на голову его ниже. Сощурившись, сохраняя на губах застывшую улыбку, обнажившую верхние зубы, он выслушивал то, что важно вещал господин, и время от времени кивал с самым издевательским видом. И Александра, глядя на эту пару, вновь подумала о том, что часовщик с Де Лоир умеет злиться, хотя и надевает при этом любезную маску.

- Я не из тех людей, которые дают слово, а потом его не держат! - внезапно раздалось рядом с ней. Говорили с пафосом и по-русски. Александра обернулась. В шаге от нее стояла Варвара. Поставив на стол опустевший фужер, та взяла с подноса другой, полный. - Я обещала тебя познакомить с нужным человеком и познакомлю! Идем!

- Очень тебе признательна, - сдержанно ответила художница. - Только, может быть, ты нас представишь после аукциона? Сейчас неудобно... Вот-вот начнут.

Громкая публичная сцена не входила в ее планы, ей вовсе не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. Варвара же, по своему обыкновению, говорила очень громко. К тому же она немного выпила и оттого, как обычно, совершенно потеряла контроль над собой.

- Ну, это мне лучше знать, что удобно, а что неудобно! - вспыхнула Варвара. - И было бы перед кем тут стесняться! Идем!

И, крепко взяв Александру под локоть, она почти силой повлекла художницу через весь зал и поставила лицом к лицу с престарелой дамой, восседавшей в инвалидном кресле, в углу. С виду даме было лет девяносто, не меньше. Почти бесплотная, она жалась в углу кресла, кутаясь в плед, перебирая бахрому узловатыми дрожащими пальцами, на которых влажно, ослепительно сияли крупные синеватые бриллианты. Бриллианты были и на жилистой шее дамы, и в оттянутых мочках ушей, покрытых сизоватым пухом. Юное, вечное великолепие камней трагикомично оттеняло дряхлость их обладательницы. Алмазный блеск был преисполнен ядовитого сарказма.

- Елена Ниловна, это Саша, из Москвы! - почти выкрикнула Варвара, склоняясь над ухом престарелой дамы. - Я вам только что про нее говорила!

Дама отрывисто кивнула три раза подряд, давая понять, что сообщение до нее дошло благополучно и полностью, и вновь застыла в кресле, жадно глядя на аукциониста, который

внезапно устремился ко входу. На пороге появились двое: смуглый темноволосый мужчина лет пятидесяти в черном костюме и в черном галстуке и с ним молодая блондинка в закрытом черном платье до колен. Эта пара выглядела так, словно пришла на похороны или только что вернулась с похорон. Впрочем, и мужчина, и его спутница улыбались, перекидываясь приветственными фразами с аукционистом. Несколько секунд, и тот, отвернувшись, поспешил занять свое место на трибуне. Очевидно, ждали только этих двоих участников. Поправив сперва микрофон, затем желтую хризантему в петлице сюртука, затем короткий карандашик, заложенный за ухо, аукционист весело прокричал что-то по-голландски, чем вызвал большое оживление среди гостей. Затем он приветствовал общество по-английски и по-немецки. В зале, как пена в бокале с шампанским, вскипел и мгновенно осел шум, предшествовавший полной тишине.

- Начинают, - Варвара произнесла это с заметным волнением. У Александры тоже усиленно забилось сердце, хотя она не строила никаких планов относительно этого аукциона. То был просто выброс адреналина, как у заядлого игрока на скачках во время заезда, даже если он ни на одну лошадь не ставил.

- А вы, дорогая, сами откуда? - внезапно оглушительно изрекла Елена Ниловна, переводя на Александру непроницаемый взгляд помутневших, младенчески голубоватых глаз.

- Из Москвы! - Александра также была вынуждена говорить довольно громко, обращаясь к этим живым руинам, усыпанным бриллиантами. Она решила, что старуха глуховата, и не дослышала, как ее представила Варвара.

Но художница тут же убедилась в обратном. Вздев клочковатые брови, сощурившись, Елена Ниловна процедила:

- Я поняла... Ну, а в Москву откуда приехали?

- Я - москвичка, родилась в Москве!

- А так по виду и не скажешь! - по-прежнему громогласно и очень язвительно вынесла суждение старуха.

- Извините, что?!

Художница бросила взгляд на Варвару, надеясь на ее поддержку. Александре очень хотелось, чтобы кто-то избавил ее от необходимости беседовать с этой живой мумией, тем более что торги шли вовсю. Аукционист то и дело поглядывал в их сторону. «Мы слишком громко говорим! Нам сделают замечание!» Но Варвара спокойно стояла, глядя на сцену и потягивая вино. Казалось, ее не волнует шум за спиной.

- А вы давно бывали в Москве? - с вымученной любезностью поинтересовалась Александра.

- Я?! Да что вы?! - Старуха очень возмутилась. - Никогда не бывала! Я родилась уже в Париже... Мои папа и мама жили на бульваре Сен-Мишель... Они бежали... Из Петрограда!

- Я?! Да что вы?! - Старуха очень возмутилась. - Никогда не бывала! Я родилась уже в Париже... Мои папа и мама жили на бульваре Сен-Мишель... Они бежали... Из Петрограда!

Речь Елены Ниловны становилась все более прерывистой, заглушаясь хрипами, терзавшими ее жалкую, вдавленную грудную клетку, усыпанную драгоценными камнями. Александра ждала

продолжения, но его не последовало. Елена Ниловна, натянув плед до подбородка, внезапно закрыла глаза. Ее лицо приобрело мертвенную неподвижность. Варвара обернулась и, взглянув на нее, усмехнулась:

- Уснула. Теперь проспит до конца аукциона, а потом будет уверять, что ничего не пропустила, все видела и слышала. Когда-нибудь так и умрет, в кресле, при полном параде! Как она тебе?

- Это и есть тот самый человек, который знает в Амстердаме каждый камень? - Александра на цыпочках отошла от кресла, боясь нарушить покой мерно храпевшей в нем драгоценной руины. - Сколько ей лет?

- А ты спроси ее саму об этом... Если хочешь нажать смертельного врага! - Варвара с сожалением заглянула в опустевший бокал. - Это сущий Мафусаил. Елена Ниловна была замужем восемь раз. В последний раз сочеталась браком десять лет назад, я была на венчании. Муж был моложе ее раза в два... Если не в три! Импозантный альфонс, как все предыдущие. Она дьявольски богата, везуча и... живуча. Представь, ни разу не разводилась! Переживала всех мужей, даже мальчишек. Последний муж умер не так давно. На похоронах был весь Амстердам.

Александра изумленно подняла брови:

- Черная вдова?!

- Болтают о ней разное, но на убийство она, конечно, не способна! - пожала плечами Варвара. - Просто такой странный рисунок судьбы. У каждого он свой... О, смотри, всякую дрянь уже спихнули, начинается самое интересное... Ты видела каталог?

Художница покачала головой:

- Увы, нет. Не буду скрывать - сейчас мне это не по средствам.

Каталоги аукционов Бертельсманна рассылались по почте за два-три месяца до торгов. Они предлагались как в виде альбомов, исполненных на высоком полиграфическом уровне, с цветными и черно-белыми снимками лотов, подробными экспертными статьями и заключениями, так и в виде электронных файлов, рассылаемых по платной подписке. Последние стоили раза в четыре дешевле бумажных аналогов, но и они были не по карману Александре, в ее нынешнем непростом положении, когда она каждый грош откладывала на переезд. Впрочем, Бертельсманн, старинная солидная фирма, имевшая филиалы по всей Европе и в Северной Америке, вряд ли мог быть для нее источником заработка. Здесь почти исключались счастливые случайности, а зарабатывать на махинациях, связанных с качественными подделками, Александра брезговала.

Между тем Варвара дергала ее за рукав свитера, громко шепча на ухо:

- Вот, полюбуйся, я ходила смотреть на эту картину специально, месяц назад. Бертельсманн предварительно выставлялся для своих, на бирже Берлаге. Это бомба! Ты что о ней думаешь?

Александра молча смотрела на сцену. Туда с великими предосторожностями был вынесен очередной лот. На подставке из красного дерева для всеобщего обозрения установили картину средних размеров, примерно полметра на метр с небольшим, в широкой черной раме, украшенной накладками из бронзы. Александра щурилась, шарила в сумке, пытаясь нащупать очки, хотя с такого расстояния рассмотреть подробности все равно было невозможно. Варвара сунула ей в руки истрепанный, перегнутый пополам каталог:

- Да вот, вот она! Тут один авторитет имеет наглость утверждать, что очень вероятно авторство Франса Хальса. Да куда ты смотришь?! Вот - «Мастерская художника», неизвестный автор, тридцатые-сороковые годы семнадцатого века.

Александра пробежала глазами статью, рассмотрела черно-белую фотографию шедевра и вновь подняла взгляд на оригинал. Торги шли оживленные, цену непрестанно набавляли. Аукционист скалился в улыбке, едва успевая поворачиваться во все стороны и комментировать поступавшие предложения. Его молоточек то и дело ударял в маленький бронзовый набат, звон которого отдавался у Александры нервным зудом в позвоночнике. Она заметила Элька неподалеку от трибуны, в самых первых рядах. Антиквар стоял, скрестив руки на груди, вполборота к ней, с самым скучающим видом. Казалось, он спал с открытыми глазами.

- Не знаю... - проговорила Александра, когда Варвара вновь пожелала узнать ее мнение о картине. - Так не скажешь. Можно сильно ошибиться... Я бы хотела рассмотреть ее поближе...

- Вряд ли получится! - возразила Варвара. - Ее сейчас купят, и купят за огромные деньги, не сомневайся. Я даже знаю, кто!

И она сделала быстрое, еле уловимое движение глазами в сторону старухи, дремавшей в кресле. Александра изумленно подняла брови:

- Да?!

- Она такие случаи не упускает, - опустила рыжеватые ресницы Варвара. - Видела бы ты ее коллекцию! Ну, да еще увидишь. Мы с тобой приглашены сегодня вечером на ужин, запомни! Если не явишься - опять же считай, что у тебя появился враг, и очень неприятный.

- Но я...

- Что ты там бормочешь? - Варвара устремила на нее пристальный, сверлящий взгляд. - Слушай, я поражаюсь, как ты, в твоём-то возрасте, еще не научилась понимать, кто тебе друг, а кто - так! Я всегда старалась тебе помогать, но даже простой человеческой благодарности не дождалась! А этот... - Она презрительно дернула углом рта, указав глазами на Элька. - Ты ему создала клиентуру в Москве, вывела на новый рынок, а он пальцем для тебя не пошевелил!

Александра, успевшая усвоить ту истину, что с госпожой ван дер Мекк спорить не следует, промолчала, хотя ее высказывания не выдерживали никакой критики. Александра не только благодарила Варвару, когда та оказывала ей услуги, но и перечисляла ей процент по сделкам. Такими же безосновательными были и претензии в адрес Элька Райнике - банковские переводы приходили от него после каждой сделки. Варвара попросту относилась к тому весьма распространенному, разряду людей, которые очень высоко ценят свои благодеяния и предпочитают забывать о том, что их услуги были не бескорыстны.

«Мастерская художника» тем временем ушла за баснословную цену. После завершения сделки в зале поднялся гул. Александра заметила, как Эльк, по-прежнему стоявший в одиночестве, слегка пожал плечами, словно посылая в пространство некий недоуменный сигнал. Она обернулась и взглянула на спящую Елену Ниловну.

Варвара усмехнулась:

- Да, она может себе позволить проспять такую сделку. Редкий экземпляр! Ее бы саму заспиртовать и продать как раритет. Так запомни: в восемь вечера, встречаемся на Эммаплейн. Это Ауд Зяуд, ты должна знать где.

- Конечно знаю! Я остановилась у друзей на Конингслаан, 40, это совсем рядом, у входа в парк! - кивнула Александра. - Не знаю, правда, успею ли, у меня около шести еще одно дело в тех краях...

Она поискала взглядом Элька, но на прежнем месте его уже не было. Теперь на его месте стоял сгорбленный старик, опиравшийся обеими руками на трость с резным набалдашником. Без этой опоры старик, вероятнее всего, не удержался бы на ногах - его заметно пошатывало из стороны в сторону.

Варвара взглянула в ту же сторону:

- А, еще одна знаменитость! Вот этот старичок, божий одуванчик - убийца. И это всему Амстердаму известно.

Александра, ничуть не удивившись, внимательнее взглянула на старичка с тростью. Тот жадно прислушивался и приглядывался к ходу торгов, вытянув морщинистую коричневую шею, отчего сделался похож на черепаху, высунувшую голову из-под панциря. Макушку старичка покрывал седой пух, стоявший дыбом, как на новом оренбургском платке. Его желтое неподвижное лицо было непроницаемо.

- Про нескольких человек, которым Хендрик ван Тидеман помог уйти на тот свет, известно точно, - продолжала Варвара, довольная тем, что заинтересовала слушательницу. - Про остальных можно только догадываться. Ну, ты понимаешь - грахты на дне просто усыпаны всякой всячиной. Встречаются там и выброшенные велосипеды... И выброшенные велосипедисты.

- Перекупщик? - осведомилась художница.

- Тидеман всем понемногу занимается. Есть пара магазинчиков, но это для отвода глаз и легализации налогов. Доход приносят не они. Перед тобой лучший в Нидерландах специалист по мейсенскому фарфору, кстати! Во всяком случае, я не знаю лучшего с тех пор, как умер его конкурент, Петер Моол! Это случилось осенью. Если бы Моолу не было уже под девяносто, я бы решила, что ему помогли уйти на тот свет... Уж очень странно помер, вскоре после визита Тидемана. Не то понервничал, не то угостили его чем-нибудь.

- Ты... всерьез? - недоверчиво спросила художница.

Варвара издала неприязненный смешок:

- Ну, не изображай невинность, тебе не идет. Петер Моол внезапно заснул после ухода приятеля... Очень крепко заснул, так что разбудить его не удалось. Может, время пришло. А может быть...

Она замолчала, отмахнувшись, словно показывая, что объяснения излишни. Ощущая явственную дрожь вдоль позвоночника, Александра вновь взглянула на дряхлого старичка. Тот мелкими шажками продвигался ближе к трибуне аукциониста. Должны были объявить новый лот. В зале слышались болтовня, негромкий смех. Александра заметила рядом со сценой эффектную пару, ради которой задержали начало торгов. Мужчина в черном костюме стоял, скрестив руки на груди, светловолосая девушка в черном платье озиралась, кого-то отыскивая взглядом в толпе. Найдя, махнула рукой. Александра увидела, как навстречу ей пробирается Эльк Райнике со своей неизменной любезной улыбкой. Варвара, чуткая, как все ревнивицы, мгновенно перехватила взгляд художницы:

- Да-да, на них стоит посмотреть! Рекомендую: отец и дочь, стоят друг друга, голубчики... Не знаю, кто из них хуже! Заметил, они в трауре? Носят его по тому самому старику, по Петеру Моолу, который умер в октябре. Они ему приходится сыном и внучкой. Ходят с постными минами, а сами рады-радешеньки, что зацапали наследство! Может быть, они и поторопили деда с уходом на тот свет... Уж очень он зажился! Сын-то вряд ли на такое пошел бы, он просто жадный, но вот девица за грош придушит...

Последние слова Варвара прошипела с ненавистью. За этим по обыкновению должен был последовать занимательный рассказ о злодеяниях и пороках пары в трауре. Александра ждала... Но собеседница молчала. Торг все не начинался. Эльк Райнике стоял рядом с блондинкой и, улыбаясь, слушал ее болтовню. Стекла его очков отсвечивали, глаз было не различить. Зато глаза блондинки Александра видела ясно. В этих ярко-голубых, чуть раскосых глазах читалось неприкрытое восхищение, почти обожание. «Как глупо! - сказала себе художница. - Глупее некуда! Ведь я его ревную к этой девушке!»

- Что ты молчишь? - опомнилась она, поворачиваясь к Варваре. - Я думала, сейчас будет целая история с кинжалами и отравленными кубками!

- Как-нибудь потом, - ответила та с не свойственной ей сдержанностью. - Здесь слишком много глаз и ушей. Да и потом... Расскажешь тебе, а ты все передашь своему ненаглядному часовщику. Он принесет на хвосте своим друзьям, Дирку Моолу и Анне... Да-да, они старые друзья! И у меня будет куча проблем.

- Если это тайна, я никому не расскажу! - пообещала Александра, которую все больше интриговала такая таинственность.

- Нечего, расскажешь! - заявила Варвара. - Тс-с, смотри! Сейчас начнется то, ради чего пришли Моолы, папа с дочкой... Готовится нечто особенное!

Александра вместе с ней обернулась к сцене. На столе был только что выставлен для обозрения новый лот - множество фарфоровых фигурок, которые издали невозможно было хорошенько разглядеть. Художница видела только спины и затылки участников аукциона. Аукционист, вглядываясь в лежавшую перед ним памятку, заметно волновался. Он достал из кармана платок, аккуратно промокнул лоб и гладко выбритую верхнюю губу, затем послал в зал улыбку, ни к кому конкретно не обращенную, и откашлялся.

- Мейсенский фарфор, господа! - возгласил он по-английски. - Знаменитая серия «Дети садовника», одна тысяча семьсот сороковой год. Господа, обращаю ваше внимание на то, что представлены все двадцать три пары, сделанные в одна тысяча семьсот сороковом году! Идут одним лотом! Исключительный случай для коллекционеров! Сохранность высокая, сертификат подлинности выдается на каждую фигурку в отдельности. Повторяю, господа, «Дети садовника», автор Иоганн Иоахим Кендлер. Начальная цена... Вижу, *менеер*, спасибо, раз!

Торги начались бурно. Цена набавлялась непрерывно, страсти накалялись. Хендрик ван Тидеман от возбуждения грыз набалдашник своей трости. Моолы, отец с дочерью, держались чинно и спокойно, словно и впрямь присутствовали на похоронах. Эльк, так и оставшийся рядом с ними, также не проявлял признаков волнения. Он наблюдал за происходящим с интересом, в котором не было заметно ничего личного. Елена Ниловна, спавшая в кресле за спиной у Александры, внезапно издала короткий зловещий храп. Художница, чьи нервы были натянуты, так и подскочила.

- Ну и ну, - негромко проговорила Варвара, когда торги на пике всеобщего возбуждения

внезапно закончились. Шум схлынул, словно вал грязной пены, унося за собой последние отдельные выкрики. – Недоценила я Бертельсманна... Слышала, за сколько ушла серия?

– Что? – пробормотала в ответ Александра. – Я прослушала...

– Любовалась на своего красавца? Вечером нагладишься, у Елены Ниловны! – с легким презрением ответила Варвара. – Не понимаю, что ты в нем нашла?! Полное ничтожество!

– Постой, разве Эльк там будет?

– Все там будут! – Варвара кивнула в сторону сцены. – И папаша с дочкой, Моолы, и Тидеман. И твой красавчик, конечно. Сама-то пойдешь?

– Разумеется! – твердо ответила Александра, следя за тем, как под гром аплодисментов фигурки уносят со сцены. – Встречаемся, как ты сказала: Эммаплейн, в восемь часов. Только где точно?

– Не потеряемся! – с уверенностью заявила Варвара. – Площадь маленькая!

Эльк тем временем оставил своих друзей и, найдя взглядом Александру, направился к ней.

– Не правда ли, грандиозно? – оживленно воскликнул он, приблизившись к женщинам. – Все двадцать три пары фигур! Никогда не встречал полного комплекта! Я думал, это невозможно!

– Это невозможно дорого, – сухо парировала Варвара также по-английски, вздернув плечи. Рубин в ее жабо блеснул, словно капля свежей крови. – Даже за полный комплект. Даже при условии подлинности.

– Подлинность доказана экспертизой, и не одной! – возразил Эльк. – Да, так вот, о чем я... Он повернулся к Александре:

– Я думаю, самое интересное позади, так что мы можем идти, Саша!

– Идите-идите, – с ироничной улыбкой напутствовала их Варвара. – Вечером увидимся. Может быть, я успею еще кое-кого расспросить о твоей Наде. Так запомни – встречаемся в восемь, на Эмма-плейн! Не опаздывай, Елена Ниловна этого терпеть не может.

– Как, Саша? – Очки Элька удивленно блеснули в свете люстр. – Ты тоже приглашена? Я понятия не имел, что ты знакома с госпожой Стоговски!

Он был поражен, и как показалось Александре, поражен неприятно. Она кивнула, наблюдая за тем, как Эльк пытается скрыть свои чувства. На его губах вновь появилась улыбка, настолько искренняя и убедительная, что художница невольно задалась вопросом: а не актер ли перед ней?

«И если актер, то гениальный! – говорила она себе, простившись с криво улыбавшейся Варварой и направляясь вместе с Эльком к выходу из зала. – Быть может, я для него действительно только выход на московский рынок, что в условиях кризиса очень ценно. Хотя... Собственно, так это и есть! И неизвестно, отчего мне в голову лезли всякие романтические бредни!»

Глава 5

После того как они покинули аукцион, прежней непринужденной сердечности Элька как не бывало. Часовщик с Де Лоир сделался немногословен и явно избегал смотреть на Александру. Его как будто что-то угнетало. Женщина, со своей стороны, тоже не торопилась начинать разговор. Она рассчитывала, что ее спутник заговорит первым, не выдержав возникшего напряжения. Александра по опыту знала, что помолчать в таких ситуациях никогда не вредно.

И оказалась права. Когда они свернули на Нес, Эльк заговорил. Правда, речь зашла совсем не о том, что ее волновало.

- Нес! - произнес он название улицы и с улыбкой, вернувшейся на его бледные губы, огляделся. - Старая Нес... Когда-то здесь было опасно гулять, это была улица, куда со всего мира сливался всякий сброд - проститутки, воры, убийцы, бродяги... Бабушка мне рассказывала, что Нес обходили стороной еще во времена ее юности. Здесь среди бела дня пропадали люди, и никто никогда о них больше не слышал. А сейчас - взгляни, Саша! До чего все респектабельно, невинно выглядит! Этот город молниеносно меняет маски. Кварталы красных фонарей - а за углом церковь Святого Николая. Дальше вокзал, Королевский дворец и снова кварталы красных фонарей... Это кружит голову, раздражает нервы. Многие ненавидят Амстердам за эту многоликость.

- Но не я, - негромко ответила Александра. - Я его сердечно люблю.

- Да, знаю, - так же тихо, в тон ей, ответил Эльк.

На город начинали спускаться сумерки, плотные сумерки начала декабря. Небо расчистилось, сырой воздух был неподвижен. На мокрой мостовой лежали размытые огни - отсветы многочисленных витрин. Прохожих было немного, и пара, остановившаяся на углу, никому не мешала. Александра ясно видела глаза своего спутника в свете, падавшем из окна ближайшего ресторана. Она читала в этом взгляде тяжелое сомнение, настороженность и... То, что ее поразило - страх.

- Ты давно знакома с госпожой Стоговски? - задал он наконец вопрос, которого ждала Александра.

- Да я с ней, собственно, вовсе не знакома! - призналась Александра. Она держалась того мнения, что лгать следует в самом крайнем случае, если речь идет о спасении жизни. - Нас только что познакомила Барбара.

- А с какой целью она это сделала, как ты думаешь?

Этот вопрос не столько удивил, сколько возмутил Александру. Она посчитала его вторжением в свою частную жизнь и ответила хотя правдиво, но довольно сухо:

- Мне нужно как-то зарабатывать, видишь ли.

- Что-что?... - Эльк запнулся. Его правильное лицо исказила неприязненная гримаса. - Ты ничего не зарабатываешь на Стоговски. Старуха - настоящий дьявол. Не говоря уж о том, что на ней никто еще не нажил ни гроша, она может доставить массу проблем.

- Допускаю, - все так же сдержанно ответила художница. - Но она может хоть что-то знать о моей пропавшей подруге.

И вновь судорога, как молния, пробежала по лицу мужчины, стоявшего в шаге от Александры. Он поджал губы и покачал головой:

- А с какой целью она это сделала, как ты думаешь?

Этот вопрос не столько удивил, сколько возмутил Александру. Она посчитала его вторжением в свою частную жизнь и ответила хотя правдиво, но довольно сухо:

- Мне нужно как-то зарабатывать, видишь ли.

- Что-что?... - Эльк запнулся. Его правильное лицо исказила неприязненная гримаса. - Ты ничего не зарабатываешь на Стоговски. Старуха - настоящий дьявол. Не говоря уж о том, что на ней никто еще не нажил ни гроша, она может доставить массу проблем.

- Допускаю, - все так же сдержанно ответила художница. - Но она может хоть что-то знать о моей пропавшей подруге.

И вновь судорога, как молния, пробежала по лицу мужчины, стоявшего в шаге от Александры. Он поджал губы и покачал головой:

- Бесплезно на это рассчитывать. Она ничего тебе не скажет, если что-то и знает.

- Но почему ты так уверен в этом? - Не выдержав, Александра повысила голос. - Я вынуждена цепляться за соломинку и благодарна за любую помощь! Варвара... Барбара говорила о Елене Ниловне как о человеке, который знает в Амстердаме каждый камень. Как я могу избежать такого знакомства?!

- Ты права! - после краткой паузы ответил Эльк. - И в конце концов, ты одна принимаешь решения. Но я хочу тебя предостеречь: эта старуха опасна. Даже если покажется, что она тебе симпатизирует, будь осторожна!

- Ну конечно буду! - с тяжелым сердцем пообещала Александра. - Я всегда осторожна...

«И всегда попадаю впросак!» - закончила она про себя, когда они вновь двинулись по Нес в сторону площади Спей. Когда через несколько минут Александра оказалась со своим спутником в трамвае № 2, идущем прочь от центра, и взглянула при ярком свете в лицо Эльку, она отметила его необыкновенную, сероватую бледность. Быть может, в этом было виновато освещение в салоне трамвая или усталость - часовщику с Де Лоир пришлось много ходить и могло дать о себе знать больное колено. Так или иначе, с той минуты, как они уселись друг против друга, и вплоть до того, как трамвай прибыл на нужную остановку, Эльк Райнике не произнес ни слова. Он сидел с отсутствующим видом и думал о чем-то, глядя в окно. Судя по выражению лица, мысли его были невеселы.

Когда они подошли к отелю, было всего лишь пять минут седьмого. Александра боялась, что они явились слишком рано, но, поднявшись в гостиную, где располагалась стойка портье, они обнаружили хозяйку отеля на месте.

Улыбчивая женщина лет шестидесяти, крепкого сложения, коротко остриженная, седая и румяная, выслушала вопрос Александры, выжидательно подняв брови, словно все, что произносила художница, очень ее удивляло. Затем задумалась, заглянула в компьютер и несколько минут щелкала «мышкой», что-то проверяя. Александра ждала с замиранием сердца. Эльк прохаживался по гостиной, в этот час пустой, оглядывая мебель и картины на стенах. Он прихрамывал сильнее обычного.

- Вот! - сказала наконец хозяйка, что-то отыскав в базе данных. - Надежда Пряхина, Москва, Россия. Так? Прибыла двадцать девятого апреля, выбыла первого мая. Все правильно?

- Да, это она, - подтвердила Александра. - Вы... помните ее? Она останавливалась у вас в отеле постоянно.

- У нас много постоянных клиентов, - с доброжелательной улыбкой ответила хозяйка. - Может быть, помню... Может быть, нет...

- У нее хвостики, вот тут!

Александра показала, где у пропавшей приятельницы были хвостики. Хозяйка, продолжая улыбаться, качала головой. Эльк приблизился, вероятно, сочтя, что пора вмешаться. Он заговорил с хозяйкой по-голландски. Та слушала серьезно, уже без улыбки, изредка кивая. Наконец перевела взгляд на Александру, застывшую в ожидании, и произнесла несколько слов. Эльк перевел:

- Я рассказал, в чем проблема, но, Саша, твоя подруга никак особенно тут не отличилась... Иначе бы запомнилась.

- Да, понимаю. - Александра вытащила из сумки помятый конверт и протянула его хозяйке: - Скажите, она оставила этот конверт для меня, когда выезжала из отеля? Первого мая? Или заходила позже?

Хозяйка взяла конверт, повертела его, зачем-то поднесла к носу и протянула обратно:

- Рада была бы помочь, но... Мы часто выполняем подобные поручения, и я не помню, что брала у нее это письмо. На конверте даты нет, и ни в какой журнал мы это не вносим. Вот. - Она нырнула под стойку, отделявшую ее от посетителей, порылась там и достала коричневый конверт большого формата. - Тут больше десятка писем. Я не помню, простите. Быть может, меня и в отеле не было, когда она выезжала. Даже наверняка! У нас выезд до двенадцати, а я прихожу вечером, проверяю счета...

Эльк снова заговорил по-голландски. Хозяйка слушала его и с сомнением пожимала плечами. Затем, сделав знак, который Александра расценила как просьбу подождать, вновь углубилась в компьютер. Эльк отвел Александру в глубь гостиной, к большому окну, за которым вздрагивало на ветру большое дерево, увитое белой электрической гирляндой. Оголенные ветви дрожали, словно узловатые пальцы артритических старческих рук, и Александра невольно подумала о Елене Ниловне.

- Я очень просил найти того портъе, который выписывал твою подругу, - вполголоса сказал Эльк. - И того, который дежурил вечером первого мая, тоже. Ведь бывает, человек выезжает, оставляет вещи, а вечером возвращается за ними. Она могла оставить письмо когда угодно.

- Спасибо тебе. - Александра тронула Элька за рукав пальто. - Хотя я все больше убеждаюсь в том, что приехала напрасно.

- А я так не думаю. - Эльк смотрел на нее очень серьезно. - Я уверен, что эта записка не так проста, как мы думаем. Здесь какой-то важный шифр.

- То есть? - Художница открыла конверт и, достав листок, вновь пробежала его взглядом, хотя помнила краткую записку наизусть. - Она имела в виду другой отель? Или ты думаешь, номер комнаты содержит какой-то намек? Да мне никогда не догадаться! Надя могла бы выразиться яснее!

- Возможно, у нее не было такой возможности, - помедлив, произнес часовщик с Де Лоир. -

Скорее всего, она писала записку под надзором. За ней следили, и она написала только то, что могла, чтобы никто не догадался. И поэтому – так кратко.

У Александры бешено заколотилось сердце. Эльк озвучил самые худшие ее опасения.

- Но она просила не обращаться в полицию, когда звонила домой, – чуть слышно проронила художница.

- Говорила она, скорее всего, тоже под наблюдением, и эта фраза про полицию не случайна! – безжалостно отрезал часовщик. – Ей явно велели так сказать. А вот про то, что в письме для тебя нет ничего срочного – это ее хитрость, думаю. Она надеялась, что ты поймешь.

- Боже... – Александра прижала ледяную ладонь к горящему от возбуждения лбу. – Я сама думаю так же, но мне страшно было это озвучить. Надя в опасности...

- Учитывая, что твоя подруга звонила в Москву полтора месяца назад и с тех пор молчала и где-то пряталась, она может быть даже мертва. Если связалась с опасными людьми.

Это был последний удар, едва не сбивший художницу с ног. Она пошатнулась, Эльк торопливо придвинул креслице. Если бы он не помог ей сесть, Александра упала бы в обморок. Слегка опомнившись, она изумленно взглянула в лицо склонившемуся над ней мужчине:

- Ты всерьез, Эльк?

Пристально глядя ей в глаза, мужчина произнес почти по слогам:

- Саша, я не хочу, чтобы ты ходила на этот ужин к Стоговски. Ты начнешь всех расспрашивать о своей подруге... Я все узнаю сам.

- Ты что-то знаешь? – прошептала она. – Я ведь вижу! Часовщик взял ее руки в свои и сжал довольно сильно:

- Я ничего не знаю о твоей подруге, никогда о ней не слышал. Но случилось что-то очень плохое. Это следует из звонка, из записки. Она не поздравила племянницу за три дня до звонка, и это очень красноречиво говорит, что она находилась под наблюдением. Возможно, даже была лишена доступа к телефону. Я сумею расспросить о ней лучше... Я не вызову подозрений. Тебе просто не скажут правды.

- Хорошо! – Борясь с обуревавшими ее противоречивыми чувствами – недоверием и острым желанием передать ответственность в чужие руки, Александра оглянулась на стойку регистрации. Хозяйка негромко говорила по телефону, глядя в пространство, постукивая по столешнице кончиком карандаша. – Поручаю все тебе. Но пойти туда я все равно должна!

- Зачем? – Эльк задал вопрос упавшим голосом, видимо, смирившись с неизбежным. – Если тебе нужны новые связи, я ведь могу...

- Должна, и все! – твердо повторила Александра. – Обещаю ни с кем не контактировать, не расспрашивать о Надежде. Я хочу там побывать, и все тут. В конце концов, меня пригласили, надо отдать долг вежливости.

Эльк со вздохом выпрямился. Хозяйка как раз закончила телефонный разговор и, окликнув гостя, произнесла несколько фраз. Часовщик, обернувшись к насторожившейся Александре, развел руками:

- Не везет! Первого мая работал портье, который уже уволился. Какой-то парень из Португалии... Вроде бы уехал к себе на родину.

- Не везет! Первого мая работал портье, который уже уволился. Какой-то парень из Португалии... Вроде бы уехал к себе на родину.

- Жаль.

Александра поднялась, подошла к стойке и поблагодарила хозяйку. Та вновь начала улыбаться и предложила гостям выпить с ней по чашке кофе. Те переглянулись.

- Пожалуй... - нерешительно произнес Эльк. - Время у нас еще есть. Саша, ты как?

Александра кивнула. Она все еще находилась под впечатлением от его слов о том, что Надежда может быть уже мертва и язык ее был словно скован. Хозяйка сварила три чашки и сама отнесла их к большому столу у окна, за которым могла разместиться целая компания. Когда все трое расселись, Александра обратила внимание на то, что за все время никто не вошел в гостиную.

- Много сейчас постояльцев? - спросила она хозяйку.

Та отрицательно покачала головой, впрочем, с самым веселым выражением лица.

- Не сезон! - сообщила она. - Половина номеров пустует, хотя мы снизили цены вдвое против летних. Вот завтра ожидается большой заезд... Ко Дню Святого Николая здесь будет полно народа, потом опять все схлынет, уже до Рождества... Ну а в феврале... В феврале отель можно закрывать - стоит ли оплачивать счета за отопление ради двух постояльцев? Вот в конце апреля, когда здесь жила ваша знакомая, свободных номеров нет и быть не может!

- А в каком номере она жила, не подскажете? - осведомилась Александра. Втайне она надеялась, что номер комнаты будет как-то перекликаться с цифрой, указанной в записке.

- Я только что смотрела в базе - номер четыреста пятнадцать. Это на последнем этаже! - любезно уточнила хозяйка. - Да вы можете его осмотреть, кстати, он сейчас пуст.

Александра переглянулась с Эльком. Тот слегка пожал плечами, показывая, что не видит особого смысла осматривать номер. «И в самом деле, - сказала себе художница, - что проку туда подниматься? За полгода там перебивалась сотня людей. Никаких следов Надиного пребывания я там не найду!»

- Если можно, я взгляну! - услышала она свой собственный голос.

Услышав, что в отеле нет лифта и придется подниматься по крутой лестнице на последний этаж своим ходом, Эльк выразил желание остаться в гостиной и спокойно допить кофе. Александра ничуть не была в претензии на него за это - напротив, ей хотелось побыть одной. Взяв у хозяйки ключ, она начала подъем по крутым ступенькам.

На лестнице было безлюдно, в вечернем отеле царил необыкновенная тишина, словно он и в самом деле был совершенно необитаем. Шаги заглушались малиновой ковровой дорожкой, прижатой к мрамору ступеней начищенными медными прутьями. Остановившись передохнуть на очередном этаже, женщина размышляла о событиях дня, казавшегося ей таким долгим. Трудно было поверить, что она прилетела в Амстердам только этим утром. «Меня словно

околдовали – я рванула сюда наобум, ничем не руководствуясь, ведь Надя не звала меня на помощь... Нет, звала! – одергивала себя Александра. – Звала единственным способом, который ей был доступен. Позвать явно она не могла. Эльк прав, могло случиться нечто ужасное. И давно... Я опоздала, скорее всего!»

На следующей площадке она задала себе вопрос, разумно ли доверить такое важное дело, как расспросы о пропавшей приятельнице, постороннему, в сущности, человеку. «Но и Надя мне тоже посторонняя, если вдуматься, Эльк даже ближе – мы с ним помогаем друг другу зарабатывать. Романтическую сторону вопроса я даже не рассматриваю, потому что никакой романтической стороны нет и не может быть!» Ей вспомнилось бледное, точеное лицо голубоглазой красавицы-блондинки, обращенное к часовщику с Де Лоир. Она смотрела на него с нескрываемым восхищением, не заботясь о том, что за ними следят десятки глаз. Девушку не смущала ни разница в возрасте, ни хромота Элька Райнике, ни его слабое зрение, ни то, наконец, что он женат. «Значит, она не находит ничего постыдного в том, что он ей нравится! – невольно думала Александра, вновь начиная подъем. – Она! Юная, красивая, вероятно, богатая, из уважаемой семьи. Конечно, из уважаемой, иначе у Бертельсманна не стали бы ждать ее с отцом, чтобы начать торги. И она влюблена в Элька, это видно... И совершенно этого не стыдится, не скрывает! Чего же тогда стыдиться мне?»

Последняя мысль ее ошеломила. Александра пыталась найти в ней смешную сторону, чтобы смягчить ее едкую остроту, – напрасно. Она высмеивала себя, ругала, издевалась так, как не стала бы издеваться самая злая сплетница, – истина, беспощадная и обнаженная, не замечала насмешек и упреков. «Ну, так что же? – спросила себя наконец Александра, взобравшись на последний этаж. – Ничего постыдного тут нет, в самом деле. Мне нравится этот человек, как не нравился никто никогда. И нравится он не мне одной. Если держаться в определенных рамках, никто никого не заставит страдать. Хорошо, что он живет так далеко от меня... Очень хорошо!»

В узком коридоре, также застланном ковровой дорожкой, было пусто. В конце виднелись забытый пылесос и мешок с собранным бельем. Одна дверь была открыта, оттуда падал свет, слышался шум льющейся воды – горничная спешила закончить уборку. Александра обвела взглядом номера на дверях, отыскала четыреста пятнадцатый. Отперла дверь электронным ключом, вошла и, вставив ключ в специальный паз, включила свет. Зажглись сразу все лампы. Александра закрыла за собой дверь.

Номер был крошечный, метров десять, не больше, как и рассказывала Надежда. В нем едва помещалась широкая кровать, застланная в ожидании следующего постояльца свежим бельем, письменный стол, над которым горел торшер с черным шелковым абажуром, и ярко-красное пластиковое кресло в стиле хай-тек. Шкафа не было – его заменяла простая вешалка с крючками. Александра заглянула в ванную комнату, увидела душ с занавеской, сливное отверстие прямо в полу, сантехнику, еще пахнущую моющими средствами. Похоже было на то, что горничная только что убрала этот номер. Тесный, устроенный без затей, он был тем не менее уютным. Пол сплошь был затянут лиловым мягким ковром. На подушках, в изголовье кровати, сидела смешная плюшевая собака. Темно-фиолетовые плотные занавески падали из-под высокого потолка, целиком скрывая огромное окно. Александра подошла, раздвинула их, подняла белую римскую штору и выглянула.

Окно выходило на Виллемспарквег. Окончательно стемнело, в домах зажигались окна, в магазинах – украшенные к празднику витрины. Прямо под зданием гостиницы прополз длинный синий трамвай, идущий в центр. Александра бросила взгляд на дом напротив. В нем шел капитальный ремонт. Через освещенные окна без занавесок, забрызганные изнутри краской, можно было видеть, как рабочие в форменных комбинезонах подметают мусор,

готовясь закончить смену. Большой контейнер со строительным мусором стоял и у входа в здание. Приоткрыв створку, Александра вдохнула сырой воздух, напоенный дыханием невидимого огромного парка, тянувшегося вдоль всего района, за домами на другой стороне улицы.

В дверь тихонько постучали. Художница, вздрогнув от неожиданности, поспешила открыть. На пороге стоял Эльк Райнике.

- Тоже решил взглянуть, - пояснил он. - Еле забрался...

Александра молча посторонилась, пропуская его в номер. Эльк сделал несколько шагов - собственно, больше бы и не получилось. Огляделся, сунув руки в карманы пальто, покачался с носка на пятку, задумчиво склонив голову набок. Следуя примеру Александры, выглянул в окно.

- Если ищешь, надо знать точно, что ты ищешь, - сказал он после паузы. - Что ты хотела здесь найти? Еще одно письмо от подруги? Какойто знак? Это невозможно. Номер тщательно убирается после каждого постояльца. Да и где здесь что-то прятать?

- Негде, - печально ответила Александра. - Я и не рассчитывала что-то найти. Мне просто хотелось увидеть...

Она запнулась, ища нужных слов. Эльк, отлично ее понявший, кивнул:

- Как она прожила здесь те три дня, да? В общем, судя по всему, неплохо. Тут мило... Должно быть, тихо по ночам, не то что в центре.

Он снял очки и растер переносицу, морщась, словно от приступа боли. Затем, вновь нацепив очки, еще раз выглянул в окно:

- Смотри-ка, дом реконструируют! Все этажи... Кто-то его купил, наверное. Интересно, была эта стройка в апреле, когда здесь жила... Я все время забываю имя!

- Надя, Надежда Пряхина, - напомнила Александра. - А какое значение имеет, была там стройка или нет?

- Никакого. - Эльк устремил на нее загадочный, долгий взгляд, лишенный всякого выражения. Порой он смотрел так, словно спал наяву и не видел собеседника. - Просто мне помнится, в этом доме тоже раньше был недорогой отель. Названия не знаю. Интересно, что здесь теперь устроят... Иногда жилые дома превращаются в отели, иногда - наоборот. Можно жить в доме, не подозревая, что раньше в нем были дешевые номера на одну ночь... Или даже на час. Смотри, как эти парни, в окне напротив, уставились на нас!

И в самом деле - Александра убедилась, что двое молодых парней, смуглых, кудрявых брюнетов южного типа, не похожих на голландцев, беззастенчиво разглядывают то окно, в освещенном проеме которого стояла она с Эльком. Их разделяло метров десять, не больше. По меркам Амстердама, Виллемспарквег считалась широкой улицей.

- Они на нас глазают, будто впервые людей увидели, - проговорила Александра, убедившись, что парней действительно очень заинтересовало их появление в окне. Рабочие даже бросили сметать мусор в мешки.

- Здесь все на всех глазают, - философски заметил Эльк. - Таков уж этот город. Мне странно, что хозяйка не помнит твою... Надю. Ты сказала, что она останавливалась тут постоянно, потому что у нее были скидки?

- Так и есть! - подтвердила Александра.

- Отель небольшой... - Эльк рассуждал, словно сам с собой, по-прежнему глядя сквозь слушательницу. - Ее должны тут помнить. Горничные, портье - это ладно, они часто меняются, но сама хозяйка...

- Если ты сделал какие-то выводы, скажи мне об этом, пожалуйста! - попросила Александра. - Потому что я уже совершенно растерялась.

Эльк очнулся и с улыбкой ободряюще коснулся ее плеча:

- Никаких выводов, что ты! Просто я пытаюсь понять, могло ли случиться что-то здесь, в отеле. Ведь ты сказала, Надя собиралась в Амстердам всего на три дня. А пропала на полгода... Как знать? Может быть, хозяйка и правда не помнит ее, а может, не хочет о ней говорить, чтобы не нажить неприятностей. В этот конверт с письмами она наверняка часто заглядывает. Не может быть, чтобы твое письмо не примелькалось! А она не помнит, как давно оно лежит. Это странно!

И Александра согласилась с ним, что это действительно странно. Внизу вновь прошел трамвай, на этот раз из центра. Прострекотал велосипед - в седле восседала почтенная дама, рядом, на длинном поводке, бежала большая лохматая собака. Открылась дверь кафе в доме, расположенном наискосок, через дорогу. Оттуда вышел пожилой официант в черном фартуке и приятельски махнул рукой проезжавшей мимо даме. Та приветствовала его гортанным «hallo!». Сложив руки на груди, официант стоял, оглядывая пустынную улицу. Холодный, резкий декабрьский ветер ничуть его не смущал, он даже не застегнул воротника рубашки. Сквозь огромные окна было видно, что в кафе нет еще ни одного посетителя.

- Никогда я не любил вечер среды, - неожиданно произнес Эльк, также наблюдавший эту незамысловатую уличную сценку. - Вечером в среду умерла моя бабушка. Она меня и воспитывала, родители занимались бизнесом, им было не до меня. Осенью и зимой мы жили в Амстердаме, в бабушкиной квартире, где я теперь живу. А на весну и лето уезжали в ее домик на Маркене. Это, знаешь, совсем крохотный островок... Там живет полторы тысячи человек, не больше. Мы с бабушкой выезжали из Амстердама в середине марта, когда открывалась навигация. Я так ждал, когда бабушка скажет: «Пора!» Мы несколько дней собирали вещи, потом бабушка нанимала фургончик, и мы ехали до Волендама. Это рыбацья деревня, отсюда идет паром до Маркена. В конце пятидесятых построили дамбу, по ней пустили дорогу, появился автобус, от Маркена на материк, но бабушка не доверяла этой дамбе и никогда по ней не ездила. Она видела, как ее насыпали, и все боялась, что дамба развалится...

Эльк коротко рассмеялся и побарабанил пальцами по стеклу, словно приветствуя хлынувший вдруг дождь, застучавший в окно.

- В Волендаме мы садились на набережной, в пивной, и бабушка выпивала стаканчик пива. Мне она тоже разрешала отхлебнуть глоток-другой. А еще она обязательно покупала мне большой сэндвич с копченым угрем. Мы сидели на набережной, грелись на солнце и смотрели на парусники. Потом наши вещи грузили в лодку, и мы плыли на остров... Плавать по морю бабушка не боялась, а вот ездить по дамбе...

Александра едва дышала, боясь прервать этот внезапно хлынувший поток воспоминаний. Эльк

никогда не говорил с ней так откровенно. Казалось, он сейчас видит перед собой картины прошлого, и они целиком заслонили для него настоящее. Часовщик с Де Лоир впал в транс, изменился даже тон его неизменно спокойного голоса. Он говорил взволнованно, чуть задыхаясь.

- На Маркене нас встречал бабушкин сосед, Хромой Йонс, так его все звали. Он был рыбаком, и в юности во время шторма натянувшийся канат перерезал ему сухожилие под коленом. На море ему это не мешало, а вот по суше он не ходил, а прыгал... И каждый раз смеялся, когда видел меня, шутил, что теперь на Маркене стало двое хромых! Мы с ним ходили в море, ловили селедку... Бабушка ее жарила с картошкой...

Дождь усиливался. Мерный рокот льющейся воды за окном оттенял тишину пустующего отеля, придавая ей что-то особенно уютное. Александра присела в кресло, не сводя глаз с рассказчика. Тот про должал:

- Домик у бабушки был совсем маленький, всего две комнатки, такие же крохотные, как эта... - Эльк одним движением руки обвел стены. - Кухня и спальня. И дворик с носовой платок. Там росло всего одно дерево - старая вишня. Но она цвела каждую весну, и вишни были вкусные... Чтобы их не клевали птицы, Хромой Йонс мастерил вертушки из фольги, и мы прикручивали их к веткам с завязями. Вертушки крутились и сверкали, и птицы боялись подлетать...

Он внезапно сорвал с переносицы очки, сунул их в карман пальто и, прижав ладони к лицу, замолчал. Александра не двигалась. Она чувствовала, что с ее другом происходит что-то очень важное. Помолчав минуту, Эльк отнял ладони от лица и хрипло продолжал:

- А лучше всего были вечера в начале весны, когда часто случались шторма. Выл ветер, море ревело, бушевало, заливало пристань, уносило столики и стулья из кафе на набережной, срывало лодки... Казалось, весь Маркен вот-вот оторвется от дамбы и уплывет в море. В шторм никогда не было света, и мы с бабушкой сидели у печки, с керосиновой лампой. Мне можно было подкидывать дрова в печку сколько угодно - я это занятие обожал. А бабушка нарочно пугала меня, рассказывала, как Маркен когда-то давно был частью материка, но потом случился страшный шторм и наводнение, и он навсегда стал островом. Чтобы здесь можно было жить, люди строили опалубки из досок, черпали корзинами морской песок, засыпали его вовнутрь, чтобы поднять уровень почвы... И все-таки наводнение разворачивало дома, разносило по доскам заборы, коровники, овчарни... Бабушка говорила, что если случится еще одно большое наводнение, Маркен пропадет под водой. И мне казалось, что весь остров уже затоплен, остался только наш домик на сваях. Она рассказывала мне сказки, одна другой страшнее, мы топили печку, варили кофе и не спали до утра. А утром, когда стихал шторм, я надевал высокие брезентовые сапоги, подвязывал их над коленями, чтобы не потерять в грязи, и бежал смотреть, что случилось с островом. Все плавало, все было вверх дном, многие дома подтапливало. Люди сушили свое имущество на солнце, развешивали на оградах матрасы, выгоняли воду из домов вениками. Только Хромой Йонс ничего такого не делал - он стоял на набережной, курил самокрутку и плевал в воду. У него и мебели-то в доме почти не было - печка, стол, сундучок и кровать... Я много болтаю?

Этот неожиданный вопрос застал Александру врасплох. Она умоляюще протянула к Эльку руки:

- Нет, говори, говори! Расскажи еще что-нибудь!

Но момент откровенности проходил. Глаза Элька постепенно теряли экстатическое выражение, взгляд становился прежним, внимательным и спокойным.

- Рассказывать-то больше нечего, - медленно произнес он. - Однажды в шторм, в конце марта, бабушка внезапно умерла. Присела в кресло, отдохнуть, и умерла. Был вечер среды... Выбраться из дома и позвать соседей я смог только утром в четверг... Я всю ночь топил печку и жег лампу и сварил, наверное, ведро кофе... Чтобы все было, как при живой бабушке. И даже сам себе рассказывал истории про то, как Маркен отделился от материка, и вспомнил все ее сказки. Только все это было уже не то.

Он покачал головой:

- Да, однажды бабушка все же проехала по дамбе на автобусе... Когда ее везли хоронить, с Маркена в пригород Амстердама. Знаешь, Саша, я ведь очень любил ее и сейчас люблю. Но я ни разу не навестил ее могилу. Ни разу! Это очень скверно?

- Я не знаю, - тихо ответила Александра.

- Понимаешь, мне кажется, что если я приду на ее могилу, это будет какой-то фальшью, данью приличиям! Вот - внук навещает бабушку, которая его вырастила, завещала ему квартиру в Амстердаме, дом на Маркене и деньги в банке! - Эльк закрыл окно, и рокот дождя стал тише. - А если внук не делает этого, не ходит на кладбище, значит, он бессердечный негодяй. Но знаешь что я тебе скажу? Она - это не каменная плита с трогательной надписью, и не земля под ней, и не то, что осталось от нее в земле. Она - это то, чего уже не увидишь и не вернешь. Тогда, в последнюю ночь на Маркене, когда мы сидели в старых деревянных креслицах у печки, я живой, а она уже мертвая, а за стенами нашего домика выл, казалось, сам ад... Тогда я старался не смотреть на нее. Не потому, что боялся мертвецов, а потому, что слишком ее любил живую. И я играл в то, что она жива. Я вставал, помешивал уголья в печке, говорил: «Подкину-ка я еще дров!», «Сварю-ка я еще кофе, ночь долгая!» Делал вид, что ничего особенного не случилось. Когда утром прибежали соседи, всех поразило то, что я не плакал. Одна соседка сказала, что у меня, должно быть, нет сердца. Хромой Йонс назвал ее дурой и еще таким словом, которое я, Саша, при тебе произнести не могу...

Эльк внезапно рассмеялся и резко повернулся к слушательнице:

- Нет, я сошел с ума, что все это рассказываю! Ведь я никогда ни с кем не говорил о той ночи!

Чувствуя, как к щекам прихлынула кровь, Александра с запинкой ответила:

- А я очень счастлива, что ты мне все это рассказал, правда. Я так и вижу этот остров... Домик с печкой и Хромого Йонса.

- Слушай... - Эльк смотрел на нее тем пристальным, неподвижным взглядом, который всегда ее озадачивал. - Мы ведь можем съездить на Маркен! Домик еще цел... Я не был там лет десять. Тогда Хромой Йонс был еще жив, представляешь! А ведь он ровесник бабушки, они одногодки. Одна тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения... Он был уже очень стар, но еще выходил в море, в спокойную погоду. Жил все так же, один, помощи ни у кого не просил. Кто знает, жив ли он сейчас... Ему должно быть уже сильно за девяносто...

И, встряхнувшись, Эльк с воодушевлением предложил:

- Давай поедем на Маркен завтра? В самом деле, поедем! Ничего особенного ты там не увидишь - деревянные домики, несколько каналов, овцы, утки, куры... Зато я угощу тебя копченым угрем!

- Это так хорошо, что даже не верится... - улыбнулась женщина. Она все еще была под впечатлением от услышанного и не могла отделаться от картины, ярко стоявшей перед ее внутренним зрением: уснувшая вечным сном старушка и светловолосый мальчик сидят перед растопленной печкой, в крошечном домике на острове, вокруг которого ревет взбесившийся шторм. - Поедем!

Эльк бросил последний взгляд на улицу, на окна дома напротив и задернул шторы:

- Нам пора идти, если ты не хочешь опоздать на ужин!

Когда они спустились в гостиную, кроме хозяйки, там были горничная, улыбчивая молодая девушка в джинсах, пиджаке и хиджабе, и двое новых постояльцев, заполняющих въездную анкету. Хозяйке было не до разговоров. Она, любезно кивнув, приняла ключ у Александры, обменялась парой фраз с Эльком и вновь повернулась к гостям. Выходя, Эльк прихватил из проволочной корзины у входа большой зонт. Александра уже не впервые наблюдала такой обычай в отелях Амстердама - зонты считались достоянием не только постояльцев, но и их гостей, и просто людей, зашедших по делу или без дела. Как ни странно, в большинстве случаев зонты спустя какое-то время возвращались в отель.

Дождь заметно ослабел. Он превратился в легкий морозящий туман, садящийся на волосы, на одежду, затрудняющий дыхание. Эльк раскрыл зонт и взял Александру под руку. Они медленно пошли в сторону Эммаплейн. Эльк вновь сделался молчаливым, словно предельно искренний рассказ о прошлом исчерпал все его ресурсы красноречия. Александра молчала потому, что ее мучила смутная тревога. Она пыталась думать о пропавшей приятельнице, нарочно воображала, какие ужасы могли с ней случиться... Но все эти мысли заслоняла одна, каждый раз опалявшая ее нервы словно огнем. «Завтра мы едем на остров!» Больше художница не могла думать ни о чем. Ничто не помогало - ни самоирония, ни жестокие напоминания себе самой о пропасти, разделявшей ее и часовщика с Де Лоир, о его семье, о невозможности счастья, пусть краденого... Идя рука об руку с Эльком, ощущая локтем его тепло, она словно ступала по воздуху, не ощущая под ногами мокрых плит мостовой.

Александра ощущала себя как во сне, где ей вдруг представился шанс нарушить границы дозволенного. «Во сне все можно, во сне - не считается...» И тонущая в тумане Виллемспарквег прижималась к темному парку все теснее, словно потерявшая самообладание светская женщина, повисшая после бокала шампанского на руке случайного спутника. Улица тоже походила на сон. Фонари старинного образца, мягко сиявшие в сыром воздухе, были окружены радужными кольцами. Они не светили, они мерцали, освещая пространство не более метра. Редкие прохожие, попадавшие навстречу, казались бесплотными тенями. Появлялся велосипед, отрывисто тренькал на повороте звонок, и резкий звук тут же поглощался туманом, словно окутывался мокрой ватой.

Поравнявшись с домом, где ей предстояло ночевать, Александра едва узнала его - в темноте, с освещенными окнами, старинный особняк выглядел совсем иначе, чем при утреннем свете. Утром это был солидный буржуазный дом из красного кирпича, с эркером во весь фасад и небольшими угловыми башенками, выстроенный в изящном сдержанном стиле, типичном для Старого Юга. Вечером, сквозь туман и висящую в воздухе морось, дом показался ей зачарованным замком, хранящим в своих недрах тайну, манящую и опасную.

- Здесь я остановилась, - произнесла Александра, когда они поравнялись с домом, и не узнала своего голоса, севшего от сырости. - Друзья уехали на работу в Италию и оставили мне целый этаж... И даже мансарду! Вон, видишь темные окна? Они снимают третий и четвертый этажи.

- Вот как... - негромко ответил Эльк и на миг замедлил шаг, оглядывая окна дома. - Ты интересно говоришь - третий и четвертый этажи. На самом деле, это второй и третий. Первый этаж считается за нулевой. Так что...

- Да, я всегда путаюсь, - кивнула художница. - И в отеле ведь номер четыреста пятнадцать находится на пятом этаже... Если считать по-русски, с первого.

Они продолжили путь все так же, рука об руку. Эльк все еще держал раскрытый зонт, хотя в этом уже не было необходимости - дождь окончательно перестал. Часовщик с Де Лоир вряд ли это заметил - он вновь ушел в свои мысли. Дойдя до ворот, ведущих в парк, он едва не свернул в них, так что Александра вынуждена была удержать его за локоть:

- Куда ты? Собрался гулять в парке? Эммаплейн в другой стороне!

- Да, я замечтался... - Он покрутил головой, рассмеялся и, взглянув на небо, закрыл зонт. - Знаешь, я ведь на прощание спросил хозяйку, не знает ли она в Амстердаме отеля под названием «Толедо». Она сказала, что впервые о таком слышит. Но подала мне ценную мысль! Это может быть старое название какого-то ныне существующего отеля. Ее собственный отель, как она сказала, переименовывали три раза.

- Тогда у нас вообще нет шансов его найти, - упавшим голосом проговорила Александра.

- Как раз наоборот! - возразил Эльк. - Мы делаем ошибку, расспрашивая тех, кто знает только современные отели. А я могу расспросить людей, которые отлично знают старый Амстердам, которого уже больше нет. Они-то как раз могут не знать новых названий. Есть люди, которые живут исключительно прошлым... Счастливые люди, без преувеличения!

И Александра с ним полностью согласилась. Правда, она не разделяла энтузиазма своего спутника насчет того, что все-таки удастся найти отель «Толедо». «Если названия менялись по несколько раз, жилые дома становились отелями и наоборот - шансы найти всезнающего человека очень малы... И... Зачем бы Наде указывать в записке уже несуществующее название, если отель существует и сейчас? А он существует, если она направляет меня туда, да еще уточняет номер комнаты!»

- Одно нам известно точно, без всяких экспертов! - сказала художница, когда они, пройдя короткий отрезок улицы, вышли на Эммаплейн, крошечную уютную площадь, освещенную старинными фонарями. - Номер сто три «А» расположен на втором этаже! Если считать по-русски...

- Более того, - с мягкой усмешкой откликнулся Эльк, - явно существует еще и номер сто три «Б». Искать становится все легче и легче!

Глава 6

Крошечная, уютная площадь Эммаплейн, освещенная фонарями все того же старинного фасона, была совершенно безлюдна, когда на ней появились Александра со своим спутником. Остановившись, женщина обвела взглядом пустынные тротуары, газон, усыпанный желтыми листьями, облетевшие кусты шиповника, на которых лишь кое-где сохранились пожухшие цветы... Варвары нигде не было видно, хотя они явились минута в минуту - ровно в восемь.

- Собственно, не стоит ее ждать, - заметил Эльк, когда она поделилась с ним своим

недоумением. – Я не раз бывал у Стоговски. Старуха живет вот в этом, угловом, доме!

Он указал сложенным зонтом на дом в дальнем конце площади. В особняке, почти точном близнеце того дома, где должна была жить Александра, светились все окна. Рядом, на мостовой, было припарковано несколько машин, очевидно, принадлежавших гостям. Ширина улиц Старого Юга позволяла ставить здесь автомобили и свободно передвигаться на них. Некоторые же улицы в центре Амстердама были так узки, что по ним могли с комфортом проехать только велосипедисты. Иногда Александра со страхом наблюдала, как в такую кривую темную улочку храбро протискивается крошечный фургончик, везущий пиво в какой-нибудь бар. Борта фургончика при этом едва не царапали стены домов.

– Если мы ее не дождемся, она окончательно на меня обидится! – возразила Александра. – Подождем пять минут...

Эльк пожал плечами:

– Как хочешь. Я бы с удовольствием вообще не ходил на этот ужин. Но нельзя – меня ждут. Есть один важный разговор... Давай пройдемся немного, присесть все равно негде – скамейки мокрые.

Он вновь взял ее под руку, и они медленно пошли вдоль площади. Поравнявшись с особняком Елены Ниловны, Эльк остановился под фонарем и запрокинул голову. Казалось, он считает освещенные окна, занавешенные тонким белым муслином, прозрачным и ничего не скрывавшим. Здесь, на Старом Юге, в уважаемых особняках порой нарушалось давнее правило Амстердама – не завешивать окна вообще ничем. Александра тоже окинула взглядом особняк. Было видно, что внутри царит оживление – везде горели люстры, по комнатам то и дело проходили люди. Одна фигура, которую художница заметила в самом верхнем, четвертом этаже («третьем, – поправила себя Александра, – по здешним меркам – третьем!»), была неподвижна. Там, наверху, под самой крышей, у единственного круглого окна стояла и курила женщина. Александра не видела ее лица – свет падал сзади. Что-то в этом черном силуэте, в его очертаниях, казалось безотчетно знакомым и тревожило. У художницы постепенно возникло отчетливое ощущение, что женщина в окне тоже смотрит на нее. «Мы стоим под самым фонарем, – думала Александра. – Она видит меня куда лучше, чем я ее... Она уже погасила сигарету и просто стоит, смотрит вниз, судя по положению головы... Смотрит прямо на нас...»

– Если мы ее не дождемся, она окончательно на меня обидится! – возразила Александра. – Подождем пять минут...

Эльк пожал плечами:

– Как хочешь. Я бы с удовольствием вообще не ходил на этот ужин. Но нельзя – меня ждут. Есть один важный разговор... Давай пройдемся немного, присесть все равно негде – скамейки мокрые.

Он вновь взял ее под руку, и они медленно пошли вдоль площади. Поравнявшись с особняком Елены Ниловны, Эльк остановился под фонарем и запрокинул голову. Казалось, он считает освещенные окна, занавешенные тонким белым муслином, прозрачным и ничего не скрывавшим. Здесь, на Старом Юге, в уважаемых особняках порой нарушалось давнее правило Амстердама – не завешивать окна вообще ничем. Александра тоже окинула взглядом особняк. Было видно, что внутри царит оживление – везде горели люстры, по комнатам то и дело проходили люди. Одна фигура, которую художница заметила в самом верхнем, четвертом

этаже («третьем, – поправила себя Александра, – по здешним меркам – третьем!»), была неподвижна. Там, наверху, под самой крышей, у единственного круглого окна стояла и курила женщина. Александра не видела ее лица – свет падал сзади. Что-то в этом черном силуэте, в его очертаниях, казалось безотчетно знакомым и тревожило. У художницы постепенно возникло отчетливое ощущение, что женщина в окне тоже смотрит на нее. «Мы стоим под самым фонарем, – думала Александра. – Она видит меня куда лучше, чем я ее... Она уже погасила сигарету и просто стоит, смотрит вниз, судя по положению головы... Смотрит прямо на нас...»

Внезапно она с силой сжала запястье своего спутника:

- Смотри! Смотри!

- Что такое?! – Он изумленно повернулся к ней.

- Нет, смотри туда! – Художница указывала наверх, на освещенное окно последнего этажа, откуда уже исчез черный женский силуэт. – Все... Ушла! Идем скорее, идем!

- Что ты там увидела? – Эльк беспокойно оглядывал окна.

- Женщина, понимаешь... Там стояла женщина... – сбивчиво говорила Александра. – И у нее была такая прическа... Я не сразу сообразила! Хвостики за ушами, короткие хвостики! Такая точно прическа была у Нади! И она смотрела на меня! Она меня узнала!

- Да-а?! – протянул Эльк, делая шаг назад и еще сильнее запрокидывая голову, пытаясь что-то разглядеть в опустевшем круглом проеме окна. – Слушай, а ведь тут нет ничего невозможного! Твоя подруга занималась антиквариатом, а салон Стоговски – это как раз то место в Амстердаме, где можно встретить любого антиквара. Сточная канава, куда стекаются все помои...

Последние слова Эльк прибавил еле слышно, почти не разжимая губ.

- Идем! – Выпустив руку своего спутника, Александра вошла в открытую кованую калитку, ведущую в боковой дворик, примыкавший к особняку.

Входа с фасада не было. Эльк поспешил за ней. Они миновали крошечный садик – несколько подстриженных кустов букса и старая липа с заржавевшими листьями, сквозь которые мерцал подвесной фонарь. Эльк первым поднялся по трем ступенькам крыльца и нажал кнопку звонка рядом со стеклянной входной дверью, забранной изящной решеткой с узором из виноградных листьев.

Им пришлось прождать не больше минуты, но Александре казалось, что прошел час, не меньше. Она ощущала нечто вроде лихорадки – голова горела и слегка кружилась, ее бил озноб. Эльк взглянул на нее серьезно, испытующе.

- Я в порядке, – еле выговорила Александра, поняв его беспокойство. – Я не устрою никакой трогательной сцены, не переживай.

- Помни, мы договорились – расспрашиваю я! – напомнил часовщик с Де Лоир.

- Да, конечно! – У художницы слегка постукивали зубы, пальцы сделались ледяными. Она заметно дрожала, и виной тому был не промозглый вечер. – Если там Надя, если это действительно она, то вопрос исчерпан. Она мне все объяснит, и дело с концом!

- Будем надеяться!

Едва Эльк успел произнести эти слова, как дверь отворилась. Молоденькая белокурая горничная в футболке, в джинсах, в белом фартучке с приветственным щебетанием впустила гостей в переднюю.

Отдав девушке куртку и дорожную сумку, Александра несколько смущенно оправила старый свитер грубой вязки и огляделась. Они оказались еще в одном дворике, крытом. Пол был выложен белой и розовой плиткой, в ней кое-где виднелись большие квадраты земли, засаженные неприхотливыми растениями. Задняя стена этой оригинальной передней, сплошь стеклянная, явно подвергшаяся недавней реконструкции, выходила во внутренний сад, слабо освещенный фонарем. Несколько дверей, слева и справа, деревянная лестница на второй этаж, чугунная подставка для зонтов, простые латунные вешалки, увешанные куртками и плащами... Александра была подготовлена рассказами Варвары к разным чудесам и никак не ожидала увидеть такой лаконичный интерьер, больше напоминающий общественное учреждение.

Горничная с улыбкой отворила перед гостями дверь, за которой слышались голоса. Александра в сопровождении Элька вошла в гостиную.

И вновь ее ожидало потрясение. Бриллианты баснословной стоимости, украшавшие Елену Ниловну на аукционе, собственный особняк на Эммаплейн, приобретение «Мастерской художника» - все это говорило о том, что госпожа Стоговски, о которой так нелестно отзывался Эльк, обладает огромным состоянием. Гостиная же выглядела весьма скромно, если не сказать - убого. Александра увидела стены, оклеенные когда-то, очень давно, шелковыми обоями цвета бургундского вина, теперь изрядно полинявшими. Мебель была самая разномастная, словно собранная во всех концах света по одному предмету. Тут была старинная фламандская горка для посуды с очаровательной резьбой по фасаду и перламутровыми инкрустациями, и здесь же, рядом - грошовая скамья топорной работы, обитая порыжевшей буйволовой кожей. Вдоль стен стояло несколько диванов самого унылого вида, с прорванной тут и там клеенчатой обивкой, из которой торчали клочья конского волоса. В центре гостиной красовался огромный дубовый стол с массивными резными ногами-распорами в виде оскаленных львов. Возле него теснились стулья различных фасонов и эпох. Тут был облезлый раззолоченный ампир, дряхлое колченогое барокко, простенькие венские стулья, еще крепкие, и современные грошовые поделки из некрашеной сосны, какие можно купить в любом гипермаркете. На стенах виднелись дешевые литографии в рамках с блошиного рынка. На дубовой резной каминной полке - несколько заурядных мраморных и яшмовых безделушек общей стоимостью не более ста евро. Эти вещи были собраны без любви и явно приобретены без особых затрат, если только не найдены на свалке. Они и составляли убранство странной гостиной госпожи Стоговски.

Впрочем, камин был великолепен. Его явно целиком перенесли в этот особняк постройки девятнадцатого века из более старого здания в центре Амстердама или привезли из провинции. Огромный, почти до потолка, он был выложен прелестной старинной дельфтской плиткой, серо-голубой, расписанной с наивной точностью и высоким мастерством. Массивную, почти черную от времени и впитавшейся копоти дубовую полку, уставленную безвкусными каменными поделками, сплошь покрывали восхитительные резные барельефы в виде гирлянд из цветов и плодов. Это был яркий, превосходно сохранившийся образец декора семнадцатого века, музейного уровня, как отметила про себя Александра. Каминная чугунная решетка, ажурная, словно сплетенная из черных кружев, загораживала доступ к открытому огню, который пылал сейчас в очаге.

Именно перед камином собрались гости госпожи Стоговски, замолчавшие и обернувшиеся к

дверям, когда вошли Александра с Эльком. Гул голосов тут же возобновился с новой силой – Элька приветствовали, он представлял свою спутницу, Александра улыбалась и слегка наклоняла голову, вглядываясь в лица, узнавая уже знакомые, отмечая незнакомцев.

Она сразу отметила, что Варвары в гостиной нет. Не было и самой хозяйки. Выяснилось, что Елена Ниловна все еще отдыхает. Это сообщила им та самая голубоглазая блондинка в трауре, которая кокетничала с Эльком на аукционе. Девушка и сейчас была в черном платье, которое не оживлялось ни единым украшением. Впрочем, блондинка в украшениях не нуждалась – ее тонкая, нежная красота скорее проиграла бы от соседства ювелирных изделий или бижутерии. Как простая черная рама иногда удачнее всего оттеняет шедевр, так и траурное простое платье удачно подчеркивало очарование его обладательницы.

– Анна! – Она первая протянула руку Александре, когда их представили друг другу. – Вы немного опоздали... Папа тоже где-то потерялся...

Она говорила с инфантильной доверчивостью, свойственной очень избалованным детям, которые не видят в окружающих потенциальных врагов. Художница пожалала ее узкую, прохладную ладонь и взглянула на Эльку, ожидая, что тот поможет завязаться разговору. Но часовщик, кивнув, уже отошел к другим гостям и сейчас смеялся, хлопая по плечу долговязого господина с длинным красным лицом. Краснолицый господин имел такой вид, словно у него жестоко болел желудок, его ответная улыбка выглядела фальшивой и вымученной. Александра отметила взглядом, как Эльк приветствовал старичка с тростью, которого Варвара окрестила убийцей. Хендрик ван Тидеман потягивал морковный сок из запотевшего стакана, присев на краешек стула с самым невинным и даже несколько придурковатым видом. Лишь его неподвижный, не поддающийся расшифровке загадочный взгляд свидетельствовал о том, что этот дряхлый младенец с пухом на макушке не так уж безобиден.

В дверях появился отец Анны – импозантный смуглый брюнет с седыми висками, тоже не сменивший траурного костюма. Вблизи он выглядел не так внушительно – внушительное впечатление портили черные крысиные глазки, умные, быстрые, неприятно пристальные. Александра не сразу узнала человека, с которым он заговорил, войдя. Это оказался аукционист от Бертельсманна. Слепительно элегантно аукционист переоделся – вместо сюртука и крахмальной сорочки, делавших его похожим на актера мюзикла, на нем были свитер и джинсы. Других гостей Александра видела впервые.

Убедившись в том, что никого из этих людей она не знает, художница беспокойно взглянула на дверь гостиной. Силуэт, виденный ею в окне четвертого этажа, явно не принадлежал никому из гостей. «Эта женщина еще здесь, в доме! Но как я могу ее найти самостоятельно? И Эльк сбежал...» Часовщик с Де Лоир, увидев Дирка Моола, тут же подошел к нему, отвел в сторону и после короткой беседы исчез из гостиной, оставив свою растерянную спутницу на произвол судьбы.

– Вы ждете кого-то? – раздался нежный голос блондинки.

Александра, забывшая на миг о своей новой знакомой, вздрогнула и обернулась:

– Собственно, нет... Разве что Варвару... Барбару ван дер Мекк. Вы знакомы, наверное?

– О, конечно! – рассмеялась Анна. Это был светский смех высшей пробы, цель которого – приятно заполнять паузы, а вовсе не выражать чувства. По-английски она говорила с небольшим приятным акцентом. – Кто же не знает Барбару! Когда я бываю на Лоирсграхт, всегда к ней заглядываю. Один раз купила чудесное венецианское зеркало. Поддельное,

правда, зато не очень дорого. Жаль, скоро магазина Барбары не станет. Вы ведь слышали о скандале?

- О каком скандале? - встрепенулась Александра. - Я ничего не слышала! Что случилось?

Девушка быстро облизнула свежие розовые губы кончиком языка. В этом движении, предварявшем лакомую сплетню, было нечто змеиное.

- Она разводится! - ошарашила Анна слушательницу. - Да, после стольких лет брака! И муж хочет устроить так, чтобы Барбара не получила ни гроша. У нее ведь ничего своего нет, даже тот магазин, где она торгует, уже не ее. Несколько судов было, один за другим. Барбара, бедняжка, все время меняла адвокатов и уже вся в долгах. Отец тоже занял ей денег... Она пытается занять у всех! Но как будет отдавать - неизвестно. Отец знает условия ее брачного контракта, он им интересовался, когда выдавал ей займ. Это безнадежное дело. Он дал деньги просто из жалости. Сказал - это все равно что выбросить.

- Кошмар... - пробормотала Александра, удрученная этими новостями, которые ей сообщали с самым безмятежным видом, журчащим невинным голосом. - Я даже не подозревала, что у нее такие неприятности.

- Это не все! - Анна явно наслаждалась тем, что нашла свежего слушателя, которого можно ошарашить. - На нее подал в суд кредитор, и с ним она точно не расплатится. Представьте, муж столько для нее сделал, ввел в семейный бизнес, открыл для нее магазин... А она тайком от него брала займы огромные суммы денег, причем так и не призналась, куда их девала! Из-за этого муж и подал на развод. Его можно понять, правда? Такая жена может разорить семью, да и вообще... Это некрасиво. После этого не может быть никакого доверия между супругами.

- Ничего не понимаю! - Художница слушала со все возрастающим изумлением. - Вы меня поразили!

Девушка мило улыбнулась и взяла с каминной полки бокал, который поставила туда на время разговора:

- Если она попросит у вас денег, лучше не давайте. Она не отдаст. Я так ругалась с папой, когда узнала... Но тут ничего не поделаешь, они старые знакомые, он не мог отказать! Она его просто обокрала!

И, послав ошеломленной слушательнице очередную светскую улыбку, девушка удалилась к другой группе гостей, где шел оживленный разговор и слышались взрывы смеха. Элька в гостинной все еще не было.

Александра осталась одна. Голова у нее шла кругом, на миг она даже забыла о том, что хотела направиться на самостоятельные поиски женщины, курившей в оконном проеме. У художницы не осталось никаких сомнений в том, что Анна говорила правду - лгать просто не было смысла, и к тому же подобную ложь легко разоблачить. Но осмыслить услышанное не получалось. «Как, Варвара?! Варвара обманывала мужа, на которого, как мне казалось, она молилась?! Вступала в тайные рискованные сделки, связалась с ростовщиками? Судится? Разводится?!» Ей вспомнился почти опустевший магазин на Де Лоир, злые глаза Варвары после посещения конторы, ее слова о том, что вскоре придется закрыться. «Но о близком разводе она не сказала ни слова... Понятно, почему - для нее это крушение всей жизни, которая выстроена на престижном браке. Как она гордилась тем, что вышла замуж за гражданина Нидерландов, как презирала тех соотечественниц, у которых это не получилось... Как ненавидела тех, у кого получилось! Люто, до дрожи! Не было брака, который она не облила бы грязью. У меня вообще

сложилось впечатление, что она была бы абсолютно довольна, если бы замуж на всем белом свете вышла единственная женщина – сама Варвара, а все остальные мучились от одиночества! И вот – развод, да еще процесс с кредитором, скандальная слава на весь Амстердам!»

Александр вспомнилось, как Варвара, пренебрежительно кривя губы, рассказывала, что ее школьная подруга («В школе она считалась первой красавицей, а видела бы ты Дашу теперь!») уехала «всего лишь в Испанию» и вышла замуж «всего лишь за испанца». Волей-неволей в сотый раз слушая этот рассказ, художница спрашивала себя, какими красками Варвара рисует ее саму. «Лучше этого не знать! – думала она, мучительно выжидая, когда можно будет прервать монолог и вставить слово. – Я-то вообще одна... И живу на чердаке в доме под снос! Какая уж тут Испания!» Она понимала, что все эти сплетни и пересуды вызваны жестокими комплексами, от которых страдала Варвара, никогда не ходившая в красавицах, тяжелая в общении, не имевшая друзей. Брак с богатым голландцем в девяностых, когда сверстницы Варвары в Москве ходили в обносках и ели скверную пищу, был единственной ставкой, которую та выиграла у жизни. Неудивительно, что вокруг этого брака крутились все ее помыслы и чаяния. «И вот – конец. Но что случилось?! У нее скверный характер, но она не сумасшедшая. Если занимала огромные суммы тайком, значит, была необходимость!»

Внезапно гул голосов, который женщина воспринимала уже как фон, усилился, поднялся единой волной. Александра, следуя общему примеру, обернулась к двери. На пороге появилась наконец хозяйка дома. Елена Ниловна по-прежнему покоилась в инвалидном кресле, которое катила горничная – не та маленькая блондинка, что открыла дверь Эльку и Александре, а другая, брюнетка с лицом восточного типа, широкими плечами и сильными накачанными руками. Было очевидно, что именно ей доверена ответственная роль личного ухода за хозяйкой, не владевшей ногами. Елена Ниловна, глядя одновременно на всех и ни на кого в отдельности, приветствовала гостей слабым взмахом руки. Сверкнули бриллианты на пальцах. На этот раз впалую грудь госпожи Стоговски, задрапированную черными кружевами, украшал целый водопад изумрудов.

Кресло покатали прямо к камину, возле которого стояла Александра. Елена Ниловна тотчас ее узнала, на что художница даже не особенно рассчитывала.

– А, пришла? Хорошо! Я тебе кое-что хочу сказать, потом, на досуге! – громогласно, по-русски, объявила старуха. Она перешла на «ты» совершенно естественно, пользуясь преимуществом в возрасте. – А где Варвара?

– Я ее не видела... – ответила художница, оглядывая гостиную. Она отметила, что Элька Райнике все еще нет.

– Дура! – гаркнула старуха, и Александра содрогнулась, поздно сообразив, что это прямолинейное высказывание относится не к ней.

После чего Елена Ниловна направилась в самую гущу гостей, благосклонно принимая знаки внимания, здороваясь, крича что-то по-голландски через чью-то голову, отпуская остроты по-французски, шутливо ругаясь с кем-то по-английски... Несмотря на преклонный возраст и немощи, терзавшие ее хилое тело, распластанное в инвалидном кресле, Елена Ниловна излучала почти видимую жизненную энергию. Александр стало ясно, как эта колоритная дама сумела пережить восьмерых мужей.

Кто-то из гостей уселся за великолепный концертный рояль, задвинутый в угол. Раздались первые бравурные трели церемониального марша. Горничная подкатила кресло хозяйки почти вплотную к пианисту, и Елена Ниловна внезапно запела, неожиданно сильным, звучным

голосом, на котором время не оставило ни одной трещины. Гости смеялись, хлопая в такт музыке.

К Александре вновь подошла Анна, до этого державшаяся рядом с отцом. Девушка слегка разругалась, ее бледное лицо античной камеи было оживлено током горячей крови. Ее глаза блестели нездорово и возбужденно. Она протянула Александре бокал с коктейлем:

- Давайте выпьем за знакомство! Эльк столько о вас говорил!

Кто-то из гостей уселся за великолепный концертный рояль, задвинутый в угол. Раздались первые бравурные трели церемониального марша. Горничная подкатила кресло хозяйки почти вплотную к пианисту, и Елена Ниловна внезапно запела, неожиданно сильным, звучным голосом, на котором время не оставило ни одной трещины. Гости смеялись, хлопая в такт музыке.

К Александре вновь подошла Анна, до этого державшаяся рядом с отцом. Девушка слегка разругалась, ее бледное лицо античной камеи было оживлено током горячей крови. Ее глаза блестели нездорово и возбужденно. Она протянула Александре бокал с коктейлем:

- Давайте выпьем за знакомство! Эльк столько о вас говорил!

- В самом деле? – Александра взяла бокал. – Когда он успел?!

Анна, уличенная в явном преувеличении, рассмеялась без малейшей тени застенчивости и принялась за свой коктейль.

- Я очень редко пью, но по такому случаю... – Александра сделала глоток. – А что, у Елены Ниловны сегодня какой-то праздник?

Анна стрельнула взглядом в сторону группы, столпившейся у рояля, и, убедившись, что их никто не слышит, вновь повернулась к художнице:

- Да, только это тайна! У нее день рождения! Она скрывает, но все равно дата всем известна. А вот сколько ей лет, никто не знает! Даже папа, а ведь они деловые партнеры!

- А я-то без подарка! – озадаченно протянула Александра.

Девушка рассмеялась и, будучи уже навеселе, покровительственно хлопала ее по руке:

- Нет-нет, мы все делаем вид, что ничего не знаем! Никаких подарков! Она вообще терпеть не может разговоров в своем возрасте! Странно, правда?

Сделав очередной глоток, девушка сощурилась, глядя на гостей у рояля:

- Я думаю, она очень боится смерти!

- Удивляться нечему. – Александра поставила свой бокал на каминную полку. Она была до предела взбудоражена и без алкоголя. Где-то в доме находилась женщина, чей силуэт полностью совпадал с силуэтом ее пропавшей знакомой – вот что целиком занимало ее мысли. – Смерти боятся все.

- Не все! – Девушка внимательно взглянула на собеседницу. Внезапно ее взгляд сделался совершенно трезвым, цепким. Она даже показалась Александре старше. – Я точно знаю, что не

все люди боятся смерти.

- Ну, может быть, герои не боятся... - протянула художница, несколько удивленная тем, какой странный оборот приняла их беседа.

Анна отрицательно покачала головой:

- Герои? Я не о них. Просто есть люди, которые о смерти не думают, ни о своей, ни о чужой, для которых это пустой звук. Я знаю такого человека... Это Эльк.

- Элька я знаю очень мало, больше как делового партнера. - Александра ощутила, как участилось сердцебиение, и порадовалась тому, что не злоупотребила алкоголем. - Как человек он мне совсем неизвестен.

- А я его хорошо знаю! - Девушка продолжала смотреть на нее со странной, беззастенчивой пристальностью. - С детства. Он приходил к нам в гости, и я выкидывала всякие штуки... Насыпала ему муку в карманы пальто... Наливала клей в зонтик... Один раз вытряхнула ему в кофе всю солонку с солью! Не давала ему покоя! Сейчас не могу понять, почему...

Девушка запрокинула голову и негромко рассмеялась. На ее нежной белой шее выступили голубые жилки. Александра слушала серьезно, в который раз удивляясь этой странной откровенности, которая была, по ее наблюдениям, свойственна голландцам. «Это жгучее стремление рассказывать полужнакомым людям об интимных моментах своей жизни - откуда оно? Может быть, их вечно не зашторенные огромные окна, через которые можно наблюдать всю жизнь дома, тоже из этой серии? Желание доказать, что ты ничего не скрываешь, тебе нечего стыдиться и ты весь как на ладони... Своеобразное представление о хорошем тоне, о морали, обо всем... И высокомерие, да, высокомерие и чувство превосходства! Жены римских патрициев принимали ванну перед рабами. Кого им было стыдиться? Не рабов же, в самом деле!»

- Эльк - невероятный человек! - перестав смеяться, сказала Анна. - Мне ни разу не удалось его разозлить, а уж как я старалась!

Анна явно рассчитывала на ответную откровенность собеседницы, но Александре было не до исповедей. С ней творилось неладное. Ее сердце билось в угрожающе ускоренном темпе. Женщине едва хватало воздуха, она то и дело смотрела на дверь гостиной, ожидая, что войдет Эльк и можно будет вместе с ним под каким-нибудь предлогом осмотреть дом. «А потом уйти!» Но он все не показывался. Между тем у рояля вовсю шел импровизированный концерт. Пели хором, по-голландски, судя по ритму, рождественские колядки. Анна тоже взглянула в сторону упоенно музицирующих гостей:

- Ну, это надолго... Хотите, я покажу вам дом?

- Это удобно? - с сомнением спросила Александра.

- Отчего же нет? - озадачилась девушка. - Все комнаты, которые открыты, можно осмотреть. А в запертые мы все равно не попадем! Ключи у хозяйки. Если она оставила дверь открытой, значит, можно войти.

Она увлекла собеседницу к выходу, делая знаки, призывающие не привлекать к себе внимания. Когда они оказались в коридоре, Анна перевела дух:

- Выбрались! А то эта музыкальная тоска на весь вечер! Идемте сразу наверх, я покажу вам

синюю гостиную, если она открыта. Вот где действительно есть на что взглянуть!

Они поднялись по крутой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. «На первый! – поправляла себя Александра, взбираясь по пятам за Анной. – Нет, я никогда не привыкну!»

– Здесь ничего интересного нет! – весело объявила девушка, когда они оказались в холле, куда выходило несколько дверей. – Мы поднимемся выше!

– А что за комната расположена под самой крышей? – поинтересовалась Александра, послушно следуя за ней наверх. Очередной лестничный пролет был еще более крутым, почти отвесным. Приходилось хвататься за перила, чтобы не потерять равновесия. – Комната с круглым окном, с видом на площадь?

– Там всегда заперто... – Анна остановилась на крошечной площадке, обернувшись, так что художница тоже должна была прервать подъем. – Я помню, когда-то видела там веревки, чтобы сушить белье... В этом доме все делается по-старому, никаких стиральных и посудомоечных машин, никаких сушек для белья! Как прислуга не разбежалась, не понимаю! Им, кажется, платят совсем немного...

Продолжив подъем, Анна жизнерадостно прокричала сверху:

– Папа говорит, что это называется – уметь жить!

Холл, в котором они теперь оказались, был совсем маленьким. В него выходило всего две двери. В глубине холла находилась совершенно отвесная лестница, практически стремянка, ведущая к чердачной двери. Эта дверь, выкрашенная в белый цвет, с единственным врезанным замком, была плотно прикрыта. Сюда, наверх, совершенно не долетали звуки царившего внизу веселья, сколько ни прислушивалась Александра. Анна заметила, словно прочитав мысли спутницы:

– Здесь тихо, да? Как будто в доме нет никого. Я люблю вот так удрать, в гостях или когда приходят гости, забраться в какой-нибудь угол и сидеть там одна. В детстве всегда так делала. Меня звали к гостям, ругали, лишали сладкого – я все равно пряталась. Я сидела в своем убежище и ждала... Иногда даже засыпала!

Анна внезапно рассмеялась, тихо, словно про себя. Ее взгляд сделался туманным.

– И в конце вечера всегда приходил Эльк и приносил огромную тарелку с куском торта, с пирожными и конфетами. Я не знаю, как он меня находил, потому что я всегда меняла места... Он открывал шкаф, или старый сундук, или кладовую, где я сидела, я выбиралась, и мы вместе все съедали, до крошки. Это было потрясающе...

И, обратив невидящий взгляд, все еще созерцавший картины далекого прошлого, к слушательнице, девушка с непринужденной откровенностью призналась:

– Я была в него влюблена без памяти! Где-то с пяти лет до пятнадцати... Долго, да? Когда Эльк женился, это разом прошло... Смешно, правда? Я ведь почему-то вбила себе в голову, что он ни на ком не женится, потому что хочет жениться на мне и ждет, когда я вырасту! Хотя он даже никогда не шутил на эту тему. Знаете, некоторые мужчины в возрасте любят подшучивать над маленькими девочками, говорить: «А вот и моя невеста, совсем большая стала!»

Отвратительно, когда детям намекают на что-то такое, правда? Это грязно!

Александра в тысячный раз задала себе вопрос, почему ее молчаливое внимание так провоцирует некоторых людей на предельно откровенные исповеди. Она вспоминала, как ее близкий друг, московский антиквар Эрдель, говорил ей: «Ты, Саша, замечательно слушаешь! Тебе хочется рассказать все, как священнику...» «Да, но я не обладаю властью отпустить грехи!» – отшутилась она тогда.

- Куда делся Эльк, кстати? – спросила Анна скорее не свою спутницу, а себя саму. – Показался на минуту и пропал. Папа хотел с ним поговорить... Да, так вот она, знаменитая синяя гостиная! Весь Амстердам о ней знает!

С этими словами она подошла к той двери, которая была ближе к лестнице на чердак, и распахнула ее, жестом приглашая гостью пройти вперед. Одновременно девушка повернула старинный выключатель с бронзовым рычажком, и в комнате вспыхнул свет. Александра вошла, опасливо оглядываясь. Ее не покидало ощущение, что они совершают не вполне дозволенный осмотр, и художницу уже очень сильно беспокоило необъяснимое отсутствие Элька. О тени, увиденной в чердачной комнате, она теперь думать избегала. Эти мысли приводили ее в состояние, близкое к панике.

С этими словами она подошла к той двери, которая была ближе к лестнице на чердак, и распахнула ее, жестом приглашая гостью пройти вперед. Одновременно девушка повернула старинный выключатель с бронзовым рычажком, и в комнате вспыхнул свет. Александра вошла, опасливо оглядываясь. Ее не покидало ощущение, что они совершают не вполне дозволенный осмотр, и художницу уже очень сильно беспокоило необъяснимое отсутствие Элька. О тени, увиденной в чердачной комнате, она теперь думать избегала. Эти мысли приводили ее в состояние, близкое к панике.

- Никого... – протянула девушка, ступая на толстый персидский ковер в бело-голубых арабесках и обводя взглядом выкрашенные в глубокий синий цвет стены. – Здесь можно отдохнуть в тишине. Сюда никто никогда не забирается...

- А нам точно можно здесь находиться? – спросила Александра, нерешительно следуя за ней.

В ответ Анна беспечно отмахнулась. Усевшись в старинное вольтеровское кресло, обтянутое темным ситцем в цветочек, девушка зажгла лампу, стоявшую рядом, на одноногом столике с мраморной крышкой. В круге света, отброшенном из-под абажура, крошечной искрой сверкнул маленький бриллиант в кольце на ее безымянном пальце. Александра, отвернувшись от внезапно притихшей девушки, медленно обходила гостиную, разглядывая висевшие на стенах картины. «Анна говорила так много, а сейчас молчит, словно жалеет о том, что столько наболтала. Странная девушка, непростая. Я вижу в ней даже что-то слегка сумасшедшее... Эта откровенность – словно для нее нет заветных тем, и она может говорить с незнакомым человеком о самом важном. Эльк хотя бы знает меня не первый день, но она-то... Что он успел ей сказать обо мне и где? На аукционе? Мне казалось, они были поглощены ходом торгов и ничего не обсуждали. В мою сторону даже ни разу не обернулись...»

Она оглядывала картины, стараясь при этом не упустить ни единого звука, доносившегося через открытую дверь. Иногда в глубине лестничного пролета слышался отдаленный гул голосов, смех, обрывки музыки – но приглушенно, искаженно, словно сквозь воду. В холле было тихо. Сверху, с чердачного этажа, не доносилось ни звука. Александра подошла к окну, выходившему на Эммаплейн. На мокрых плитах мостовой лежали размытые световые пятна, которые отбрасывали освещенные окна особняка. Она поискала взглядом круглое отражение чердачного окна, но не смогла ничего различить. Обернулась к Анне и с изумлением

обнаружила, что девушка спит.

Анна уснула в огромном кресле, свернувшись калачиком, поджав босые ноги. Черные туфли-лодочки без каблучков лежали рядом на ковре. Девушка уронила голову на сгиб локтя, светлые волосы пепельного оттенка рассыпались по шее и по щеке, почти скрывая лицо. Александра, помедлив, подошла к ней и, наклонившись, выключила лампу, свет которой бил спящей в лицо. Анна глубоко вздохнула, пошевелилась, но не проснулась. Художница на цыпочках отошла, хотя красться не было необходимости – ковер скрадывал шаги.

Она была даже рада, что ее новая знакомая так внезапно уснула. «Конечно, Анна знает здесь все и всех, но расспрашивать ее небезопасно. Эльк ведь просил – никакой самодеятельности. Где он, в конце концов?!» Прежде чем отправиться на его поиски, Александра в последний раз обвела взглядом стены. Они были почти сплошь увешаны картинами, и развеска была осуществлена грамотно, рукой опытного музейного сотрудника или маститого коллекционера. Направленность была выражена четко – преобладала голландская живопись золотого века. Александра, торопившаяся покинуть гостиную, тем не менее задержалась возле нескольких картин, удивляясь тому, что шедевры подобной ценности (а они были почти наверняка подлинными) содержались без всякой охраны, в отпертой комнате. На почетном месте, над небольшим мраморным камином, полным слежавшейся золы, красовалось нынешнее приобретение Елены Ниловны – «Мастерская художника», приписываемая кисти Франса Хальса. Александра потратила на осмотр шедевра несколько минут и должна была признать, что картина вполне может оказаться настоящей.

«В таком случае Елена Ниловна не переплатила за нее... Да и вся коллекция заслуживает внимания.

Если тут хотя бы половина – подлинники, то госпожа Стоговски невероятно богата. И невероятно беспечно относится к своему состоянию! Правда, здесь наверняка имеются сигнализация и видеонаблюдение!» Александра, с трудом оторвавшись от созерцания картины, вышла в холл и прикрыла за собой дверь. «Можно презирать стиральные и посудомоечные машины, но рисковать сохранностью таких шедевров – дело иного сорта... Мне кажется, Елена Ниловна не настолько презирает деньги!»

Покинув гостиную, художница немедленно взобралась по крутой лестнице-стремянке, ведущей в чердачный этаж, и ступив на микроскопическую площадку-приступку, нажала дверную ручку. Дверь оказалась заперта. Александра постучала, сперва тихонько, потом громче, настойчивее. Она вновь и вновь нажимала ручку, прислушивалась, стучала – бесполезно. Спустившись, художница вновь заглянула в синюю гостиную. Анна спала в кресле в той же позе. Сон, внезапно одолевший девушку, был удивительно глубок и безмятежен. Александра заколебалась, не погасить ли и верхний свет, но все же решила его оставить.

Спускаясь в нижнюю гостиную, откуда все явственнее доносились бравурные мелодии, исполняемые на рояле, и громкие возбужденные голоса, Александра в который раз спрашивала себя, разумно ли было давать слово Эльку ни о чем никого не расспрашивать. «Из ничего и выйдет ничего, – вздохнула она, останавливаясь в нижнем холле, разглядывая мелкие голубые цветочки, растущие из земляного квадрата в полу. – Глупо на кого-то рассчитывать. Каждый занят только своими делами... И к чему соблюдать с Еленой Ниловной такие меры предосторожности, каких потребовал Эльк? Выставил старуху каким-то монстром... Правда, и Варвара говорила, что в ее лице можно нажать очень неприятного врага...»

Она как раз решила вернуться в гостиную, хотя возлагала на этот вечер все меньше надежд, когда входная дверь громко хлопнула, впуслав вместе с волной промозглой сырости мужчину в

синем целлофановом дождевике. Он откинул со лба низко надвинутый капюшон, и Александра с изумлением узнала Элька. Женщина ахнула – левую щеку антиквара рассекала глубокая, сочившаяся кровью ссадина.

- Что случилось?! - Она бросилась к нему, помогая снять изодранный, забрызганный грязью дождевик. - Где ты так поранился?!

- Ужасно глупо... - бормотал он, стряхивая с плеч клочья целлофана. Дождевик был накинут прямо поверх свитера, пальто так и осталось висеть на вешалке. - Я упал с велосипеда... Одолжил тут, у горничной, чтобы на минуту съездить, и... На повороте грохнулся, на мокром асфальте. - Эльк с досадой поморщился, оправляя рукава свитера. - Локоть разбил и на куст напоролся...

- Да ты свое лицо видел?! - Взволнованная Александра потянула его к зеркалу. - Хорошо, глаз не выколол этим кустом!

- Я бы выколол, но очки спасли... - Эльк собрался было пригладить растрепавшиеся волосы, но опомнился, взглянув на испачканные землей руки. - Я в ванную, мне нужно привести себя в порядок. Ни о чем пока не спрашивай, иди к гостям.

Он исчез за дверью ванной комнаты, оттуда донесся шум льющейся воды. Александра с тяжелым сердцем вернулась в гостиную.

Ее появление прошло незамеченным. В гостиной стоял беспорядочный разноголосый шум – все успели отведать коктейлей, а также других горячительных напитков, которые щедро предлагало гостеприимство Елены Ниловны. Александра отметила про себя, что закускам было уделено куда меньше внимания – на столе виднелось лишь несколько блюд с бутербродами. Особенной популярностью пользовались бутерброды с маринованным луком и знаменитой жирной селедкой. Гости поглощали их стоя или присев на край стула, опрокидывая очередную стопку водки или откупоривая взятую из вазы со льдом банку пива. Атмосфера создалась самая непринужденная. Обе горничные, безмолвные и незаметные, непрерывно сновали по гостиной. Блондинка с улыбкой обносила гостей свежими коктейлями, которые доставлялись с кухни, где, вероятно, орудовал приглашенный на вечер бармен. Брюнетка, замкнутая, с непроницаемым лицом, собирала на поднос пустые бокалы и тарелки, меняла пепельницы. Многие курили. Из одного угла, где устроилась веселая компания, до Александры донесся даже слабый узнаваемый душок.

Елена Ниловна, очень оживленная, беседовала с почтительно склонившимся над ней отцом Анны. Лицо хозяйки дома давно утратило способность мимически выражать эмоции – оно обвисло и словно отслоилось от костей. Но глаза госпожи Стоговски сверкали так же ярко, как огромные бриллианты в ее ушах. Отец Анны выглядел озадаченным – он слушал собеседницу с неприятно удивленным взглядом и застывшей улыбкой. Завидев стоявшую в дверях Александру, старуха энергично замахала ей. Художница поторопилась подойти.

- Где ты была? - громогласно, по-русски, осведомилась Елена Ниловна.

- Анна показывала мне дом, - пояснила Александра и тут же перевела это для отца девушки на английский.

Мужчина любезно улыбнулся:

- Надеюсь, девочка не сбежала? Обычно Анна дожидается торта!

- Нет, но... она уснула, - призналась ему Александра. - В синей гостиной.

Елена Ниловна расхохоталась, трясаясь в кресле, так что великолепные изумруды на ее груди запрыгали, разбрызгивая зеленые лучи.

- Ох! Ох! Всегда она спрячется где-то! Какая дурочка, прости господи! - Она по-прежнему говорила по-русски, словно не замечая вопросительного выражения, появившегося на лице отца Анны. - Но - красавица... Избаловали ее, как принцессу, а ведь предки-то у нее всего лишь бочками для селедки в порту торговали, если еще не чем похуже... Что с людьми деньги делают, а, Саша? Посмотришь сейчас на этих - аристократы! Аристократы ведь! Голубые кровя!

И, ткнув пальцем в отца Анны, старуха зашлась продолжительным, густым хохотом. Мужчина делано улыбался, то и дело поглядывая на дверь. Внезапно он оживился. Александра взглянула в ту же сторону и увидела, что в гостиную вошел Эльк.

Часовщик с Де Лоир умылся, причесал мокрые волосы и старался держаться непринужденно. Но свежая царапина на припухшей щеке ярко алела и вызывала у всех вопросы. Он отмахивался и отрицательно крутил головой, постепенно пробираясь к креслу Елены Ниловны. Наконец остановился рядом с Александрой, взял ее под руку, словно ища поддержки.

Хозяйка дома, также рассмотрев царапину, быстро задала ему несколько вопросов по-голландски, на которые Эльк отвечал неохотно и даже смущенно. Отец Анны не спрашивал ни о чем, но пристального взгляда с царапины не сводил. Эльк нервно поправлял падавшую ему на лоб прядь мокрых волос, отшучивался, ненатурально смеялся в ответ на ироничные поддевки Елены Ниловны. Наконец увлек Александру прочь, под тем предлогом, что она еще ничего не ела.

- Все им надо знать! - пробормотал он, отодвигая от стола полукресло, обитое красным бархатом, и галантно усаживая туда свою спутницу. - Где был, в какой куст упал... Не все ли равно! Саша, что тебе принести? Коктейль?

- Лучше кофе... - Александра обвела взглядом разоренный стол. Несколько уцелевших бутербродов не вызвали у нее аппетита.

- Кофе подадут вместе с десертом... - Эльк взял с подноса крошечную стопку водки в виде колокольчика и залпом опрокинул ее в рот. Так же антиквар поступил и со второй стопкой. Он был взбудоражен до предела - Александре еще не случалось видеть, чтобы Эльк пил что-то крепче вина.

- Рану надо обработать, - заметила художница, с тревогой оглядывая его лицо.

- Заживет и так!

Эльк схватил третью стопку, но Александра, привстав, отняла ее. Женщина взяла бумажную салфетку из лежавшей рядом пачки, пропитала ее насквозь водкой и осторожно приложила к ссадине. Эльк зажмурился, сморщил нос и тихо зашипел сквозь зубы, в точности воспроизведя звук убегающего на раскаленную плиту молока. Александра иронически улыбнулась, больше чувствуя, чем видя устремленные на них многочисленные внимательные взгляды:

- Почему мужчины так боятся самой ничтожной боли?

- Ты меня еще не видела у зубного врача... - Эльк отнял у нее салфетку, перевернул и вновь

приложил к ране. – Знаешь, я сваял дурака... Сделал большую глупость. Я ведь все время думаю об этой твоей пропавшей подруге, о ее записке... Когда мы сюда пришли, я вдруг вспомнил, что буквально через квартал живет один ее старый приятель. Вот уж кто знает в старом Амстердаме все вывески наперечет. Исключительный знаток фарфора! Тоже в инвалидном кресле, как Стоговски, но она-то бодрая дама, хоть опять замуж, а он очень тяжело болен. Много лет не выходит из дома. Совсем плох... Я решил заехать к нему на минуту, задать пару вопросов... – Тяжело вздохнув, Эльк отнял салфетку от щеки: – Я опоздал, сильно опоздал. Он умер два месяца назад. Сейчас чувствую себя последним негодяем...

– Почему? – осмелилась спросить Александра. Она видела, что антиквар искренне и глубоко потрясен. Его взгляд, всегда спокойный и внимательный, приобрел тяжелое выражение. – Твоей вины тут нет...

– Есть... – пробормотал Эльк, обеими руками взъерошив подсыхающие волосы. – Он очень много сделал для меня когда-то, давал советы, знакомил с уникальными людьми... А я забыл все. Черт, я пьян.

Эльк потянулся за последней стопкой, оставшейся на подносе, и Александра внутренне содрогнулась. Последний ее брак с художником, страдавшим тяжелой зависимостью, привил ей стойкое отвращение к самому запаху водки. Вероятно, взгляд, брошенный художницей на поднос, был очень красноречив, так как Эльк замер, не коснувшись стопки и вопросительно поднял брови:

– Что случилось?

– Ничего, но... Ты прав, мне не стоило сюда приходить, – сказала женщина, с трудом сдерживая растущее раздражение. – Расспрашивать я, по уговору с тобой, никого не могу. В чердачную комнату, где я видела ту женщину, попасть не удалось. Я начинаю думать, не показалось ли мне, что у нее была такая прическа... Она бы уже появилась среди гостей, наверное? Да и ты никого в окне не видел...

– То есть ты перестаешь доверять собственным глазам? – серьезно спросил антиквар. – Это небезопасно... Я всегда держусь мнения, что видел то, что видел. Даже если видел нечто странное.

– Мне бы твою железную уверенность, – вздохнула Александра.

В этот миг все зааплодировали и повернулись к дверям. Горничная-блондинка поспешила открыть вторую створку, прежде запертую на утопленную в полу щеколду, и в гостиную с помпой вкатили столик, на котором красовался торт. Раздавались восторженные возгласы. Елена Ниловна, восседая в кресле, благосклонно улыбалась и попутно делала знаки второй горничной, которая торопливо вынимала из буфета стопки десертных тарелок.

Торт, вызвавший восхищение гостей, и впрямь выглядел эффектно. Трехъярусный, нежно-голубой, он был щедро украшен марципановыми фигурками и тонко расписан кондитерским золотом. Это был настоящий шедевр кондитерского высокого искусства, вызывающе роскошный и очень дорогой. Но Александра онемела вовсе не от красоты торта.

Столик, на котором был установлен шедевр, с большими предосторожностями катила краснолицая женщина средних лет, в черном костюме кондитера. На голове у женщины чуть косо, с небрежным шиком, сидела черная же суконная беретка. За ушами, в разные стороны, торчали короткие пышные хвостики, туго перехваченные у основания резинками.

- Ну, торт мы обязательно должны попробовать! - заявил Эльк. Он не обратил никакого внимания на прическу кондитерши. - Десерт - это едва ли не единственное, ради чего сюда стоит приходить. Его заказывают даже не в Амстердаме, а в Хаарлеме, у лучшего кондитера. Той кондитерской уже двести лет с лишним. Сама знаешь, тут выше всего ценится то, чему больше всего лет... Но торты, правда, превосходные!

Глава 7

Когда перед Александрой оказалась тарелка с куском торта и огромная чашка кофе с молоком (о том и другом позаботился Эльк), она не могла ни есть, ни пить. Женщина разом ощутила всю усталость, накопившуюся за этот бесконечный день, который начался в аэропорту Шереметьево и длился до сих пор, не принося никаких результатов. Ассистентка в черном костюме, прилагавшаяся к тарту, выписанному в дорогой кондитерской, привычными движениями, молниеносно и бесстрастно, нарезала куски и укладывала их на тарелки. Горничная-блондинка разносила тарелки гостям, брюнетка наполняла чашки из огромного, старинного серебряного кофейника, куда вмещалось чуть ли не ведро. Когда Александра сделала наконец глоток, кофе оказался таким крепким, что у нее слегка зашумело в ушах. Маслянистый аромат, словно липнувший к небу, исцелил ее от подступившей было головной боли. Она сделала еще глоток, попробовала торт, но приторный марципан, который с таким упоением поглощали остальные гости, не пришелся ей по вкусу. Эльк давно исчез со своей тарелкой, уведя с собой отца Анны. Разговор, судя по всему, намечался серьезный - мужчины вышли из гостиной в холл, причем вид у господина Моола был вовсе не радостный.

«До чего же я легко теряю чувство реальности! - тем временем иронизировала над собой художница, украдкой разглядывая разномастное общество, веселившееся с непринужденным добродушием. - Капризничая... Торт слишком сладкий... А ведь этим роскошным тортом меня угощает весьма влиятельная особа. Весь день меня водили за ручку и пытались решить мои проблемы люди, которых знает весь антикварный Амстердам. Но я нахожу торт слишком сладким, и точка. В Москве меня ждут разгромленный дом, из которого немедленно надо съезжать, грошовой скучные заказы и полная неизвестность впереди... Никаких тортов, разумеется! Но я нахожу торт слишком сладким и не ем его, и точка...»

- Скучаешь? - Голос Елены Ниловны, неслышно подъехавшей в своем кресле к столу, прозвучал на удивление мягко, негромко. Старуха испытующе оглядывала поникшую художницу. - Признайся, скучно у меня?

- Скучаешь? - Голос Елены Ниловны, неслышно подъехавшей в своем кресле к столу, прозвучал на удивление мягко, негромко. Старуха испытующе оглядывала поникшую художницу. - Признайся, скучно у меня?

- Нет, что вы! - Художница попыталась улыбнуться, но показная любезность всегда давалась ей нелегко. Улыбка вышла тусклой и неубедительной.

- А тогда почему с таким похоронным видом сидишь? - не отступалась хозяйка. - Что случилось?

- Особенного - ничего! - Скрепя сердце Александра решила выполнять данное Эльку обещание. Она хорошо запомнила наказ: остерегаться Елены Ниловны даже в том случае, если та проявит к ней дружеское расположение. - В делах застой.

Старуха кивнула с видом глубокого удовлетворения, словно это невеселое признание доставило ей радость:

- А у кого сейчас дела хороши? У всех одна дрянь. Разоряются люди... Цепляются за соломинку, доедают последние крохи, глупости начинают делать. Ты про Варвару слышала?

- Краем уха, - уклончиво ответила Александра.

- Разорилась в пух и прах, должна целое состояние, и еще муж с ней разводится. Останется Варька, дура, без портков... Хуже всего то, что дочери у нее обе совершеннолетние, уже сами себя содержат, так что никаких алиментов ей от супруга не полагается. Ах, какая идиотка! - Последние слова Елена Ниловна протянула с наслаждением. - Что Варька стерва и сплетница, я всегда знала, но что она такая дурища, новость для меня. Замечала ты, что злые чаще умны, чем добрые?

- Я это как-то не соотносила... - искренне ответила Александра. - Мне кажется, разум и чувство - вещи разного порядка... Как вкус и цвет, скажем. Злых дураков очень даже много.

- А добрых умников что-то маловато! - отрезала Елена Ниловна, явно не очень довольная тем, что ей возражают. - Ну, это все пустяки. Варька вовсе сегодня не придет, не хочет глаза людям мозолить, стыдится. Ну, бог с ней!

Госпожа Стоговски подалась вперед, ее узловатые пальцы впились в подлокотники кресла, приобретя пугающее сходство с когтями огромного стервятника. Голос упал до шепота, так что Александре тоже пришлось придвинуться к старухе.

- Варька на аукционе сказала, что ты кого-то ищешь в Амстердаме! - просипела Елена Ниловна, не сводя с художницы загадочного, лишнего выражения взгляда. Ничего нельзя было прочесть в ее тусклых подслеповатых глазах - ни злобы, ни доброты, ни хитрости, ни ума. - Может, советом помочь? Я многих знаю... Город-то... невелик!

- Не то чтобы ищу, но... - Александра колебалась, безуспешно высматривая среди гостей Элька. Часовщик словно в воду канул.

- Ты не вилай, а говори, что нужно! - грубовато заметила Елена Ниловна. - Я тебя не съем.

- То есть да, ищу! Одного человека... - глубоко вздохнув, призналась художница. Она решила быть очень осторожной в выражениях, нарушая данное Эльку слово. - Моя московская знакомая, по всей видимости, сейчас находится в Нидерландах, но в точности неизвестно. Хотелось бы узнать, что с ней.

- Должна тебе денег, что ли? - проницательно осведомилась Елена Ниловна.

- К сожалению, нет!

Старуха от души расхохоталась, показывая великолепные вставные зубы:

- Вот и я предпочитаю, чтобы мне были должны, а не я должна... А мне многие должны, очень многие! Очень! - Она повторяла это с заметным удовольствием. - Некоторые люди даже не подозревают, что они мне должны! Умница, Саша! Ты мне нравишься! Напиши-ка имя подружки, а то я все равно через час забуду. Поспрашиваю. Не стесняйся, мне нетрудно!

Она сунула Александре взятую со стола бумажную салфетку, затем, повернувшись к гостям,

гортанно выкрикнула что-то, и немедленно со всех сторон потянулись предложенные авторучки и карандаши.

- Пиши! - повторила она растерявшейся художнице уже иным, приказным тоном.

Александра взяла карандаш, салфетку и уже приготовилась писать, когда ей на плечо легла чья-то рука. Испуганно обернувшись, она увидела Элька. Часовщик был очень серьезен, его лицо покрывала сероватая бледность, на фоне которой еще ярче горела свежая ссадина. Елена Ниловна издала короткое раздраженное восклицание и спросила что-то по-голландски, на что мужчина ответил очень коротко и тоже не слишком приветливо.

- Где ты ходишь весь вечер?! - шепотом обратилась к нему Александра. - Ты ведь обещал...

- Да-да, но это потом... - Взяв художницу под локоть, Эльк довольно бесцеремонно поднял ее с кресла и отвел на несколько шагов. Хозяйка дома, оставшаяся сидеть возле стола, не сводила с пары пристального взгляда, ничего не выражавшего и тем более загадочного.

- Скажи, ты давно видела Анну? - осведомился Эльк. Его глаза были необыкновенно широко распахнуты, зрачки сузились. Александра впервые заметила, что одно из стекол в оправе его очков отсутствует - вероятно, вылетело при падении с велосипеда. Из-за этого выражение глаз часовщика с Де Лоир различалось. Глаз из-под стекла смотрел пристально, другой, незащищенный, глядел ошеломленно и слегка слезился. Неизвестно по какой причине Александра вдруг ощутила наплыв темного, бесформенного страха.

- Недавно... - пробормотала женщина. - Она показывала мне дом... Что случилось?

- Она показывала дом, хорошо, а затем? - Часовщик проигнорировал ее тревожный вопрос, от чего Александре стало еще хуже.

- Анна уснула в синей гостиной, на третьем... То есть на втором этаже, - пробормотала художница. - Наверное, и сейчас она там.

Эльк глубоко вздохнул. Это был нервный вздох, когда человек силится набрать полную грудь воздуха, но не может.

- Да, она там, и она спит, и я не могу ее разбудить, - сквозь зубы выговорил мужчина и, увидев испуганное лицо собеседницы, крепко сжал ей руку выше локтя. - Спокойно, не поднимай шума. Возьми стакан воды и чашку черного кофе покрепче, иди наверх. Я буду через секунду.

Александра, ошеломленная, окончательно сбита с толку, послушно отправилась выполнять его указания. Эльк тем временем с самой беззаботной улыбкой беседовал с Еленой Ниловной, устроившей ему, по всей видимости, разнос: старуха говорила громко, быстро, ожесточенно жестикулируя. Когда Александра, раздобыв кофе и воду, покидала гостиную, из дальнего угла снова слышались звуки рояля. Пианист, отдохнув и съев десерт, сменил репертуар и вместо шутливо-бравурных маршей исполнял теперь Ноктюрн Шопена в нарочито замедленном, запинаящемся темпе.

Но на предпоследнем этаже, куда вскарабкалась Александра, музыки слышно уже не было. Она с замиранием сердца заглянула в гостиную и увидела почти прежнюю картину. Девушка спала в глубоком кресле, скрестив руки на подлокотнике и уронив на них голову. Но ее ноги теперь свисали на ковер - не то она пошевелилась во сне, не то Эльк пытался ее усадить. Рядом, на мраморном столике, стояла тарелка с нетронутым куском роскошного торта, похожим на отвалившийся фрагмент раззолоченной барочной лепнины. Александре сразу

вспомнился рассказ Анны о том, как она пряталась во время вечеринок и как Эльк приносил ей сладости. Она подошла к девушке, склонилась над ней, прислушалась. Дыхания слышно не было, и Александру тревожила абсолютная неподвижность спящей. Этот сон был похож на обморок.

Сзади скрипнули плашки паркета. Александра оглянулась и, поставив чашку и стакан на столик, поманила к себе вошедшего Элька:

- Уж очень крепко она спит! Дышит?

- Как будто...

Бледность не сходила с его лица, взгляд был диким и опустошенным. Эльк потряс спящую за плечо, сперва слабо, потом сильнее. Голова девушки безвольно перекадилась с руки на подлокотник кресла. Мужчина выпрямился.

- Она ничего не принимала при тебе? - спросил он. - Никаких таблеток?

- Нет... - Александра повернулась к нему, ощущая легкий озноб, охватывавший ее в минуты волнения. - Анна принимает какие-то сильные лекарства?

- Надеюсь, нет... - Эльк говорил словно про себя, оглядывая комнату. - Где ее сумка?

- Я не знаю... Послушай, нам надо срочно позвать ее отца!

- Только не поднимай паники! - отрезал часовщик. - Как раз его звать не надо. Она пила алкоголь?

- Да, несколько коктейлей...

Эльк тихо выругался, вновь склонившись над девушкой. Рывком приподняв ее голову, он несколько раз с силой ударил по бескровным щекам. Это было то же самое, что бить бесчувственный манекен - в лице Анны не дрогнул ни единый мускул. Он вновь опустил девушку в кресло - Александра отметила, что без всякой бережности.

- Сейчас я вызову знакомого врача. - Эльк достал телефон. - Он будет ждать в машине на улице, а мы с тобой должны вывести ее, не поднимая шума.

- Зачем эта таинственность? - нахмурилась Александра. - Здесь находится ее отец, так пусть он и...

- Ее отец ничего не должен знать! - В голосе Элька звякнул металл, глаза смотрели неприязненно и жестко. - Если это то, что я думаю, он снова упрячет ее в клинику. Это ей все равно не поможет. Будет только хуже.

- Она принимает наркотики? - протянула Александра.

- Она принимает наркотики? - протянула Александра.

- Четыре года назад принимала. - Эльк торопливо просматривал записную книжку в телефоне. - Ей тогда было пятнадцать... Послушная, спокойная девочка и вдруг как с цепи сорвалась...

Он резко отмахнулся и, набрав номер, спустя секунду заговорил по-голландски. Александра смотрела на девушку, чья неподвижность теперь ужасала ее.

- Сейчас врач ее заберет к себе, у него частная клиника, Анна там уже побывала полтора месяца назад, в октябре, у нее был эмоциональный срыв после смерти деда. - Эльк сунул телефон в карман брюк и, подойдя к креслу, резким рывком поднял девушку. Та безвольно обвисла у него на руках. - Саша, мне без тебя ее не стащить по лестнице. Возьмись с другой стороны... Если что, скажем, что она напилась. Главное, чтобы ее отец не видел...

Но Александра стояла, не делая никаких попыток ему помочь. Эльк раздраженно мотнул головой, отбрасывая со лба растрепавшиеся волосы:

- Ну?!

- Ее отец должен знать, он же самый близкий ей человек... - начала женщина, но Эльк ее оборвал:

- Этот самый близкий человек будет очень счастлив, если она попадет в сумасшедший дом, под вечную опеку! Сделай, о чем я тебя прошу!

Его взгляд, одновременно жесткий и отчаявшийся, был красноречивее слов. Александра молча подставила плечо и обхватила Анну за талию, помогая своему спутнику («Сообщнику!» - пронеслось у нее в голове) вести девушку к лестнице. Путь вниз показался ей бесконечным. Чем слышнее становились голоса внизу, тем сильнее билось ее сердце.

Но им везло. Никто не встретился на пути, никого не оказалось в холле нижнего этажа. Дверь в гостиную была прикрыта, правда, неплотно. Из-за нее доносились вступительные аккорды «Прощания с родиной» Огинского. Когда они оказались на крыльце, Александра жадно схватила пересохшими губами глоток сырого воздуха. Лоб у нее горел, в висках бился пульс. Девушка, которую она поддерживала под правый локоть, не проявляла никаких признаков жизни.

За оградой ждала машина с включенным двигателем. Рядом, раскрыв над головой большой черный зонт, стоял человек грузного сложения. Он открыл калитку молча, не поприветствовав Элька, даже не взглянув на Александрю. Художница наконец была избавлена от ноши - мужчины вдвоем уложили Анну на заднее сиденье. Они тихо обменялись несколькими фразами, грузный мужчина уселся за руль, и машина исчезла в конце площади. Эльк не сводил с нее взгляда, пока на повороте не блеснули красные габаритные огни. Тогда он медленно, обеими ладонями пригладил вновь вымокшие волосы, повернулся к Александрю. Его лицо казалось враз постаревшим в мертвенном свете фонаря.

- Какой тяжелый день... - произнес он, с видимым усилием разомкнув губы. - Ужасно, что она сорвалась. Я знал ее еще ребенком... Это очень благополучная и уважаемая семья. Будем надеяться на лучшее.

- На лучшее? - Александра тоже едва заставила себя ответить. - Девушка в ужасном состоянии! А если она умрет?!

- Анна в надежных руках, мы сделали что могли, - устало отмахнулся он и побрел обратно к крыльцу. - Да, надо забрать ее туфли, они остались наверху... И если тебя кто-то спросит про нее, говори, что ничего не знаешь. Я сам за все отвечу, если потребуется.

- Ты слишком многого требуешь от меня! - не выдержав, вспылила женщина. Она осталась у

калитки, вцепившись в витой чугунный столбик ограды. Пальцы леденели, усилившийся дождь стекал по лицу, по шее, прокрадывался за воротник свитера... Но Александра не могла сделать ни шага. – Я должна молчать, верить тебе, ждать твоей помощи... А помощь Елены Ниловны отвергать, например! Верить в то, что она скверный, опасный человек... Тайком тащить эту бедную девчонку по лестнице, скрывать ее состояние от родного отца, который тоже якобы ужасный человек...

– Этого я не говорил! – Эльк уже стоял под навесом крыльца. – Но его отношение к проблеме дочери очень жесткое. Я не одобряю его.

– Но ты-то кто этой девушке, чтобы одобрять или не одобрять действия ее отца?!

Антиквар пожал плечами и кратко ответил:

– Друг.

Александра помотала головой, стряхивая воду, и, отпустив столбик, тоже поднялась на крыльцо. Эльк снял очки и протирал единственное запотевшее стекло носовым платком. Когда он вновь их надел, его взгляд был непроницаемо-отстраненным.

– А также я друг ее отца! Сегодня вечером Дирку предстоит еще один важный разговор, и ему нельзя отвлекаться на это происшествие.

– Происшествие?! – только и смогла вымолвить Александра.

– Идем! – Мужчина взялся за дверную ручку в виде бронзового грифона, дернул ее, рассмеялся: – Дверь заблокировалась, придется звонить. Помни, мы просто выходили подышать!

– Вынеси мою куртку и сумку, пожалуйста! – попросила Александра, зябко обхватив себя за локти. – Я туда не вернусь, сразу пойду к себе на квартиру. Не могу. Устала.

– Ты не простишься с хозяйкой? – Эльк замер, так и не нажав на звонок. – Она обидится.

– Скажи ей, что мне внезапно стало плохо. – Александру била крупная дрожь, вызванная больше стрессом, чем холодом. – Скажи, что ты отправил меня домой на такси. Все равно я зря пришла. Ты был прав, не стоило терять время! Там, в окне, в комнате для прислуги, была женщина из кондитерской. Наверное, переодевалась. Ты не обратил внимания на ее прическу?

Антиквар, сбитый с толку, неуверенно покачал головой. Александра усмехнулась:

– Да, конечно. Вы, мужчины, замечаете только красивых женщин. Шучу! В окне мансарды, – Александра указала вверх, под крышу дома, – была она. Я узнала ее силуэт. Нади в этом доме нет.

Эльк молчал, слегка сдвинув брови, словно ожидая продолжения. Александра сдержалась и промолчала. Она терпеть не могла, когда упрекали ее саму, и потому старалась никого ни в чем не упрекать, даже если повод имелся. Головная боль, отступившая было после глотка крепкого кофе, теперь напала на нее с остервенением. Болела вся правая половина головы с такой интенсивностью, что женщина даже стала хуже видеть. Фонарь, висевший в садике, казался ей размытым световыми пятном, стоявший на крыльце мужчина – тенью.

– Ну что ж... Если ты устала и хочешь уйти, я все устрою, – помедлив, произнес Эльк. Он нажал

наконец кнопку звонка. Тут же выглянула горничная, антиквар исчез в передней. Спустя несколько секунд он вернулся, неся куртку и сумку Александры. Веселая горничная, сопровождавшая его, раскрыла над головой у одевавшейся женщины зонт.

- Я провожу тебя. - Эльк перехватил зонт у девушки и жестом отослал ее в дом.

- Нет необходимости! - проговорила Александра, непроизвольно морщась от терзавшей ее головной боли. - Тут только за угол повернуть... И район совершенно безопасный.

- Ты обиделась?

В правый висок Александры словно вонзилась длинная раскаленная игла. Она схватилась за болезненное место и тихо вскрикнула. Эльк обхватил ее за плечи свободной рукой, вглядываясь в ее помутневшие от боли глаза. Его лицо оказалось совсем рядом, уцелевшее стекло очков тускло блеснуло в свете фонаря. Александра ощутила ненавистный запах водки, и это разом привело ее в себя. Она с трудом перевела дух и твердо сказала:

- Я не обиделась, напротив - очень тебе благодарна за помощь. Но если я прямо сейчас не приму горячий душ и не лягу спать, промучаюсь до утра без сна... И прошу, не провожай! Дождь как раз кончился, я добегу за минуту...

Эльк взглянул на небо и закрыл зонт.

- Завтра едем на Маркен? - спросил он. Впрочем, это было нечто среднее между вопросом и утверждением.

- Если мы завтра не поедem на Маркен, я буду считать, что зря прилетела в Амстердам на этот раз! - Александра нашла в себе силы улыбнуться. Отворяя калитку, она оглянулась и помахала на прощание. - Ты запомнил дом, где я остановилась? У входной двери домофон, нажми кнопку «2», и я тебе открою.

Не дожидаясь ответа, Александра повернулась и пошла по направлению к парку Вондела. Она справилась с искушением - не обернулась и не взглянула на круглое окно чердачного этажа. На сегодня с нее было достаточно рухнувших надежд и разочарований.

Когда Александра остановилась на крыльце особняка Лиз де Бак, время близилось к половине одиннадцатого. Тихая, всегда безлюдная, уважаемая Конигслаан в этот поздний час, холодным и сырым декабрьским вечером, приобретала особенное очарование. В домах давно зажглись огни. Мягкий, оранжево-золотистый свет падал на мокрую мостовую, и казалось, что она тут и там застлана бархатистыми коврами теплых оттенков. После недавно окончившегося дождя туман сгустился еще сильнее. Ряд горящих фонарей, изгибавшийся в конце улицы, там, где она сворачивала к Виллемспараквег, напоминал длинное жемчужное ожерелье.

Здесь тишина обволакивала, в ней глохли все звуки. Казалось невозможным, что в нескольких минутах езды на трамвае шумит никогда не спящий центр Амстердама. Знаменитые рестораны и ночные клубы переполнены, в казино идет крупная игра, из театров и концертных залов выходит публика, по каналам разъезжают освещенные увеселительные катера... И красные фонари в узких улочках, на крошечных площадях горят жадно и вызывающе, обещая быстрое наслаждение, привлекая к витринам сотни зевак, опьяненных, одурманенных, возбужденных. На фасадах развеваются флаги цвета радуги и красные знамена, амстердамские, с тремя черными крестами на белой полосе. Все бары на Зеедик, на Зандстраат, на улице Святого Антония открыты. Люди входят в эти крошечные заведения на два столика как к себе домой, пропускают стаканчик, остановившись у стойки, глядят

хозяйскую кошку или собаку, болтают, общаясь с незнакомцами так же свободно, как с приятелями. И вновь исчезают в ночи, где в сыром воздухе витает неизбывный сладкий душок.

Но здесь, на респектабельной Кониингслаан, рядом с домом британского консула, царила чопорная, словно застегнутая на все пуговицы тишина. Даже трамвай, идущий по соседней улице, звякал на повороте деликатно, негромко, будто опасаясь нарушить приличия. Александра простояла на крыльце больше минуты. За это время на улице не появился ни один прохожий, ни один велосипедист. Наконец, приложив магнитный ключ к глазку под звонком, она вошла в дом.

Здесь ничего не изменилось со времени ее последнего визита. В небольшой передней все осталось как два с половиной года назад – коричневый ковер на красном плиточном полу, бежевые шелковистые обои, старинные кресла, отреставрированные, заново покрытые белым лаком и обтянутые голубым репсом. На стенах – выцветшие гербарии, собранные, судя по сохранности растений, лет пятьдесят назад, вперемешку с хорошими гравюрами. В глубине передней виднелась крутая лестница, ведущая на верхние этажи, и еще одна дверь, за которой располагалось жилище хозяйки.

Александра помедлила у этой двери. Правда, о ее появлении предупредили, и хозяйка ничего не имела против того, чтобы подруга ее постоянных жильцов здесь поселилась. Это был настоящий жест доброй воли – Лиз де Бак ценила аккуратность и добропорядочность своих квартиросъемщиков и всегда готова была пойти им навстречу в мелочах. Другой квартирохозяин, скорее всего, отказал бы в такой услуге или взял бы с Александры дополнительную плату. Художница могла с чистой совестью отправиться в квартиру своих друзей, но ей все-таки хотелось поздороваться с Лиз.

«Время позднее, – решила она после недолгих колебаний, взглянув на часы. – Да и день неудачный. Увидимся завтра...» Александра вскарабкалась по лестнице, держась за перила – ноги подгибались, и она боялась споткнуться. На втором этаже («На первом!» – поправила она себя) слышались негромкие голоса в коридоре. Где-то в дальней комнате открыли дверь, раздался женский смех, и тут же все утихло. Поднявшись на третий этаж («На второй же!»), Александра отперла своими ключами высокую двустворчатую дверь, ведущую во владения ее друзей. Войдя в прихожую, она включила свет, рывком освободилась от куртки и, не глядя, швырнула ее на вешалку.

– Боже, какая я идиотка! – громко сообщила она внимавшей ей темной большой квартире. – Чем я занимаюсь?!

Сейчас, вновь оставшись наедине с собой, она с беспощадной ясностью осознавала, что, уехав из Москвы на поиски пропавшей приятельницы, совершила не человеколюбивый шаг, а попросту трусливый.

– Ах, как это благородно – искать подругу! – фыркнула Александра своему отражению, появившемуся в огромном старинном зеркале. – И очень хорошо помогает забыть о своих проблемах! Для вас было оставлено письмо, *мевроу*! Ничего срочного, *мевроу*, ровным счетом ничего! И ни в коем случае не обращайтесь в полицию! Просто соблаговолите при случае приехать в прекрасный и веселый город Амстердам, заглянуть в отель «Толедо», в номер сто три А, не Б, заметьте себе, не Б! И примите наши наилучшие пожелания ко Дню Святого Николая!

Взгромоздив на подзеркальник дорожную сумку, женщина пригладила мокрые растрепанные

волосы и с минуту всматривалась в собственное лицо.

- Нет, это даже для меня слишком глупо! - сказала она наконец, отвернувшись от зеркала. - Истратить последние деньги, когда они мне так нужны...

«И ничего, ни гроша не заработать!» - продолжала Александра про себя, проходя в ванную, стаскивая одежду, становясь под горячий душ. Струйки воды ударили ей в затылок, побежали по щекам, по плечам и по спине, отогревая затекшие от усталости мышцы. Некоторое время Александра стояла неподвижно, вдыхая пар, пытаясь ни о чем не думать. Это удавалось недолго, черные мысли возвращались. «Варвару о помощи просить бесполезно, она сама в ужасном положении. Она обещала, что мне поможет заработать Елена Ниловна, но Эльк в это не верит. Просить помощи у него?! Нет, это совершенно невозможно!»

Кровь прихлынула к щекам, и виной тому была не горячая вода. Выйдя из душа, накинув халат, свернув на голове тюрбан из полотенца, женщина босиком прошла в спальню и присела на край широкой постели. Затем упала навзничь и долго лежала, глядя в потолок, чувствуя, как ноет спина. Художница пыталась представить себе завтрашнюю поездку на Маркен, но вместо серого зимнего моря, вместо маленького островка с деревянными патриархальными домиками перед ее внутренним зрением возникало бледное, безжизненное лицо Анны. Волосы девушки блестели в мягком свете лампы, светлые ресницы были сомкнуты, неподвижны. Внезапно она открыла глаза и посмотрела прямо на Александру. «Я уже сплю!» - успела подумать женщина, сворачиваясь калачиком и вслепую нашаривая одеяло. Ее пальцы нащупали лишь пустоту, бесплотную, сверкающую, скользкую, сотканную из той непрочной паутины, из которой созданы сны.

Глава 8

Александра открыла глаза, когда тонкие белые занавеси на окне налились молочным утренним светом. Лампа, горевшая рядом, на прикроватной тумбочке, уже ничего не добавляла к освещенности комнаты. Сев на постели, Александра сперва взъерошила, а затем пригладила волосы на макушке - таким образом она всегда взбадривалась после пробуждения. Спустив босые ноги на пушистый серый ковер, она встала и долго, сладко потянулась. Подойдя к окну, отдернула штору и выглянула.

Окно выходило не на Кониингслаан, а на зады дома. Из него открывался великолепный вид на парк. Прямо под окном тянулся обводной канал, по которому плавала утиная стая. За каналом, по асфальтированной дорожке, катили велосипедисты то дружными стайками, то поодиночке. То и дело вдаль пролетали бегуны, с четкостью автоматов работающие отставленными локтями. Александра открыла окно, впуская свежий утренний воздух в натопленную духоту спальни, и услышала криканье уток, шелест велосипедных шин по сырому асфальту и где-то в глубине парка - спортивную речевку, которую нестройно и мощно выкрикивало несколько десятков здоровых молодых глоток. Там явно занималась какая-то школа. Женщина улыбнулась.

«Вот это и есть настоящий, домашний Амстердам, а вовсе не кварталы красных фонарей, не кофешопы и не очумевшие от сладкой вседозволенности стаи туристов... Велосипед, зарядка в парке в дождь ли, в снег ли. Затем - кофе с бутербродом и работа, работа до вечера. На ужин - тефтели с капустой или картошка с селедкой. Бокал пива или стопка водки. Все попросту, без затей, и в общем, все почти так же, как было и сто, и двести лет назад!»

Стрелки на часах подбирались к десяти. Александра не помнила, чтобы они с Эльком

улавливались на какое-то конкретное время для поездки на Маркен, и потому решила на всякий случай собраться, чтобы быть наготове. Наскоро одевшись, перетряхнув содержимое сумки и разодрав гребешком свалявшиеся волосы, Александра уже при дневном свете осмотрела оставленную ей жилплощадь.

Квартира, которую занимали Диана и Юрий, была спланирована странно, на взгляд Александры. Коридор, очень узкий, пронизывал помещение насквозь, заканчиваясь ванной комнатой более чем скромных размеров. Кухни в квартире не было вовсе, как не было кухонь и в маленьких квартирках этажом ниже. В доме имелась одна большая общая кухня на первом этаже. Там стояли плиты, холодильники, имелась все необходимая техника. Там же, на первом этаже, располагалась общая прачечная со стиральными и сушильными машинами и гладильными досками. Хозяйка дома, наотрез отказавшись от мысли благоустроить квартиры, поступила очень типично для жительницы старого Амстердама. Здесь не любили перемен, постоянство считалось высшей добродетелью.

- Да и потом, получить разрешение на перепланировку в старой вилле стоит столько же, сколько купить квартиру в новом доме! - объяснил Александре Юрий во время ее прошлого визита. - Не говоря о пожарной инспекции... Лиз даже связываться с ними не пробовала - на такое решится только сумасшедший мазохист. Так что мы уже привыкли бегать вниз-вверх с кастрюльками.

Александра, долгие годы стряпавшая примитивные блюда на старенькой электроплитке у себя в мансарде, не считала отсутствие кухни большим недостатком. Наличие ванной комнаты и горячей воды в кране искупало, по ее мнению, все неудобства. «Тем более я не собираюсь задерживаться!» - сказала она себе, проходя по коридору, пробуя открыть все двери поочередно. Диана и Юрий, уезжая, заперли все комнаты, кроме спальни и маленькой гостиной, выходящей окнами на улицу. Это также совершенно не удивило и не огорчило Александру. Знака недоверия к себе она в этом не усмотрела - друзья и так поступили с ней более чем любезно, оставив ей ключи от квартиры.

«Две комнаты, ванная... Царские условия!» - Она оглядывалась, войдя в гостиную. Обстановка, как и в спальне, была скромная и вся принадлежала хозяйке дома. Здесь стояла простая сосновая мебель. Для светильников и коврового покрытия были выбраны сдержанные цвета, бежевые, темно-серые и густо-лиловые. В углу стоял огромный фикус в деревянной бочке, обитой зелеными от старости медными обручами. На стеллажах теснились книги, диски, безделушки. Ничто не говорило о том, что в квартире обитают два художника-реставратора, это была совершенно безликая, усредненно уютная комната.

Александра, долгие годы стряпавшая примитивные блюда на старенькой электроплитке у себя в мансарде, не считала отсутствие кухни большим недостатком. Наличие ванной комнаты и горячей воды в кране искупало, по ее мнению, все неудобства. «Тем более я не собираюсь задерживаться!» - сказала она себе, проходя по коридору, пробуя открыть все двери поочередно. Диана и Юрий, уезжая, заперли все комнаты, кроме спальни и маленькой гостиной, выходящей окнами на улицу. Это также совершенно не удивило и не огорчило Александру. Знака недоверия к себе она в этом не усмотрела - друзья и так поступили с ней более чем любезно, оставив ей ключи от квартиры.

«Две комнаты, ванная... Царские условия!» - Она оглядывалась, войдя в гостиную. Обстановка, как и в спальне, была скромная и вся принадлежала хозяйке дома. Здесь стояла простая сосновая мебель. Для светильников и коврового покрытия были выбраны сдержанные цвета, бежевые, темно-серые и густо-лиловые. В углу стоял огромный фикус в деревянной бочке,

обитой зелеными от старости медными обручами. На стеллажах теснились книги, диски, безделушки. Ничто не говорило о том, что в квартире обитают два художника-реставратора, это была совершенно безликая, усредненно уютная комната.

Александра знала, что согласно условиям контракта все работы Диана и Юрий осуществляют этажом выше, в мансарде, которую они сняли под мастерскую. Квартиру пара обязалась для рабочих целей не использовать, чтобы не повредить обстановку и не нанести ущерб ремонту. Лиз де Бак относилась к ремеслу своих постояльцев с инстинктивной буржуазной опаской, несмотря на то, что Диана и Юрий совершенно слились с респектабельной атмосферой Старого Юга и ничуть на представителей богемы не походили.

Художница подкинула на ладони жидкую связку ключей. Их было всего три - от самой квартиры, от мансарды и один магнитный, от входной двери. Как будто среагировав на слабое звяканье ключей, мелодично запел домофон у входной двери. Александра поспешила ответить.

- Доброе утро! - Голос Элька звучал бодро, в нем не осталось и следа от вчерашней досады и подавленности. - Не разбудил?

- Я давно встала. Поднимешься или мне сразу спуститься? Учти, угостить мне тебя нечем.

- Нет-нет, угощаю я! - запротестовал мужчина. - У меня с собой целая корзина для пикника. Спускайся, надо спешить, пока не пошел дождь!

Набросив куртку, Александра выглянула напоследок в окно. Сегодня небо над городом было совершенно чистым, ярко-синим, почти летнего оттенка. В то, что погода может испортиться, верить не хотелось, но художница по опыту знала, насколько переменчив здешний климат.

Сбежав по лестнице, она увидела в передней на первом этаже хозяйку дома. Лиз де Бак, высокая сухощавая дама с коротко стриженными седыми волосами, занималась несколькими делами сразу. Она пила кофе из огромной чашки, похожей скорее на ночной горшок, командовала долговязым рыжим парнем, вытаскивавшим из подвала свернутый в рулон ковер, и говорила по телефону. Увидев Александру, она махнула рукой, словно приглашая задержаться. Художница приостановилась.

- Как вы устроились? - спросила Лиз по-английски. - Ничего не нужно? Белье? Полотенца?

- Спасибо, все есть, - ответила Александра, поглядывая на входную дверь. - Все отлично. К тому же я всего на пару дней... Возможно, даже до завтра...

Лиз удивленно округлила глаза - ярко-голубые, очень молодившие ее загорелое, узкое лицо:

- Как? Я думала, вы приехали на День Святого Николая? Неужели не останетесь до пятого декабря?

- Как знать... - смущенно улыбнулась художница, тронутая совершенно детским выражением лица стоявшей перед ней женщины. - Я бы очень хотела посмотреть, как Святой Николай привезет елку на Дамрак!

- Еще бы! - с воодушевлением кивнула Лиз. - Хотите позавтракать? Для жильцов сервируется стол на кухне, с восьми до одиннадцати. У меня дешевле, чем в любом отеле! Да, собственно, раньше это и был отель...

- Отель?! - порывисто переспросила Александра. - В этом доме был отель?!

- Да ведь первый этаж так и остался семейным отелем, - пожала та плечами, слегка удивляясь горячности, с которой гостья восприняла известие. - На втором, где живут ваши друзья, были сделаны кое-какие переделки для семейной квартиры. Я думаю, по планировке заметно, что раньше там был коридор с номерами по обе стороны... С окнами на улицу и на парк.

- В самом деле... - протянула Александра, пытаюсь справиться с волнением. - Теперь я понимаю, что расположение комнат мне напоминало гостиницу с самого начала!

- А на чердаке было две комнаты для прислуги, теперь я и их сдаю, - вздохнула Лиз де Бак. - Сейчас такие времена, что приходится сдавать все, до последнего метра, чтобы уплатить налоги. Из-за этого приходится и завтраки жильцам готовить. Ну, так что вы решили? Всего пять евро с человека, и еще сколько вам угодно. Кофе, чай, сок, свежая выпечка, яйца и мюсли!

- Я не привыкла завтракать, - опомнилась Александра. - В это время мне еще не хочется есть, и потом, меня ждут... Скажите, а как назывался прежде ваш отель?

- Очень просто! - Если хозяйка и расстроилась из-за того, что гостья отказалась от завтрака, виду она не подала. Ее улыбка сияла все так же ясно. - Отель назывался по имени моего отца - «Вилла Александр». Это было еще в семидесятых годах, когда в Амстердаме началось нашествие хиппи. Они жили даже в парке, под окнами, в палатках! Можно было такое увидеть... Но только не здесь. Здесь всегда было тихое место для спокойных людей!

- А не слышали ли вы когда-нибудь об отеле «Тоledo»? - теряя последнюю надежду, осведомилась художница.

Лиз де Бак смотрела на нее несколько секунд, сведя брови на переносице, и, видимо, честно пыталась вспомнить. Наконец женщина покачала головой:

- Когда вы только сказали название, мне показалось, я видела однажды такую вывеску... Но сейчас не могу понять, где. Может быть, не в Амстердаме... Ведь мне пришлось жить в разных городах, даже в Америке, с мужем...

Ее речь прервал грохот - рыжий молодой человек, уже несколько минут так и сяк пытавшийся вытащить из узкого подвального люка тяжелый ковер, все-таки уронил свою ношу. Рулон обрушился обратно в подвал, где от удара что-то покатило и зазвенело. Молодой человек, выпрямившись, растирал ладони, невозмутимо, с улыбкой выслушивая гневные возгласы испуганной Лиз. Александра воспользовалась этим маленьким происшествием, чтобы уйти.

Эльк стоял в нескольких метрах от крыльца, сунув руки в карманы пальто, чуть нахохлившись от резкой свежести. Улица купалась в оранжевом утреннем свете, изумительно насыщенном, празднично преображающем и кирпичные стены особняков, и подстриженные кусты букса, и поникшие ирисы в деревянной клумбе, вокруг которой, как лошади у колоды для водопоя, теснились прикованные велосипеды...

Завидев Александру, мужчина вынул руки из карманов и раскрыл объятия ей навстречу:

- Не передумала ехать? Я боялся...

Александра приблизилась, Эльк сердечно ее обнял и поцеловал в щеку. Затем, отстранившись, внимательно взглянул ей в лицо. Она отметила, что вид у антиквара был уставший, словно он плохо спал ночью. Возле рта резче обозначились глубокие морщины, разом добавив ему лет десять, под глазами синели круги. Пораненная щека заметно припухла. Он сменил очки на

другие, в тяжелой, роговой оправе, отчего весь его облик стал непривычно новым.

- Почему я должна была передумать?

- Так! - бросил мужчина. - Мне показалось, ты рассердилась вчера.

Александра улыбнулась несколько принужденно. После вчерашнего вечера она не чувствовала себя с Эльком так свободно и легко, как прежде. В нем появилась некая тайна, и эта тайна тревожила.

- Как себя чувствует Анна? - спросила она, когда повисшая пауза показалась ей тягостной.

- С ней все хорошо, вчера поздно вечером была дома, - спокойно ответил Эльк.

- А что это было? Известно?

- Ничего особенного, перебрала с коктейлями, - слегка пожал плечами мужчина. - Собственно, на фоне лекарств, которые она вынуждена принимать, после того эпизода в октябре ей вообще нельзя пить. Даже пиво.

- Она меня вчера очень напугала! - заметила Александра. - Ведь ее дедушка, по которому она носит траур, вот так же вдруг крепко уснул... И не проснулся. Вдруг это у них наследственное заболевание?

- Что-что? - переспросил Эльк, высоко поднимая светлые брови. - Откуда ты знаешь такие подробности?

- Варвара... Барбара рассказала на аукционе.

Антиквар сдержанно хохотнул, чуть запрокинув голову:

- Ах да, я забыл о ней! Конечно, тебе все рассказала Барбара. Это человек из той породы людей, о которых хочется пореже вспоминать.

Он взял Александру под локоть:

- Ну, едем! Надо пораньше выбраться из города, чтобы захватить хорошую погоду... В дождь на Маркене... неудобно, скажем так. А наследственное заболевание у Моолов только одно - алкоголизм.

Александра взглянула на своего спутника - он был совершенно серьезен. Неприметный, серо-стальной седан стоял неподалеку от входа в парк. Подойдя к машине, Эльк галантно открыл перед своей спутницей переднюю дверь. Усевшись, Александра оглянулась и обнаружила на заднем сиденье две плетеные корзины внушительных размеров. Корзины были заботливо прикрыты чистыми, выглаженными кухонными полотенцами в крупную клетку. Художница, слегка смущенная, взглянула на садившегося за руль приятеля:

- Слушай, это, наверное, глупый вопрос и неуместный... Мы вот с тобой едем на пикник, в твой родовой дом, вдвоем... Ведь вдвоем?

- Как видишь! - Эльк с улыбкой обвел взглядом салон.

- Но... - Александра колебалась, не решаясь произнести то, что ее волновало. На сомнения

художницу натолкнул вид заботливо упакованных корзин. Тут чувствовалась женская рука. – Может быть, твои жена и дочка тоже захотели бы съездить на Маркен?

Она ожидала любого ответа, от уклончивого до раздраженного, но реакция Элька ее поразила. Откинувшись на спинку сиденья, мужчина от души расхохотался.

– Прости. – С трудом успокоившись, он промокнул выступившие слезы тыльной стороной ладони и весело взглянул на Александру. – Это, правда, невежливо, но я не мог удержаться. Как ты думаешь, неужели за пять лет брака я бы не свозил свою семью на Маркен, если бы они этого хотели? Да я даже предлагать не стал.

Мужчина повернул ключ в замке зажигания, развернулся, и машина тронулась прочь от центра. Слева мелькнула Эммаплейн, освещенная утренним солнцем. Сегодня у площади было добродушное, бесхитрое выражение, словно у юной девушки, только что умывшей холодной водой заспанное румяное лицо.

– То есть они не хотят туда ехать? – озадаченно переспросила Александра. – Можно спросить, почему?! Хотя, это тоже невежливо...

Эльк, внимательно следивший за дорогой, покачал головой:

– Никаких тайн у меня нет, Саша. От тебя, во всяком случае. Им просто не интересен *этот гнилой деревянный сарай*, как Мелина выразилась однажды. Единственное, что ее интересовало – за сколько его можно продать. Я навсегда закрыл эту тему.

Некоторое время они молчали. Александра смотрела, как меняются виды за окном. Уютный, чопорный Ауд Зяуд остался позади, исчезли и окраинные северные районы, застроенные многоквартирными домами новейшей конструкции. Серебристый седан ехал теперь среди пригородов, пересекая канал за каналом, пролетая над светлой водой, в которой трепетало полуденное ясное солнце.

– Нам повезло с погодой, – сказал антиквар, когда они пересекли большую реку. – Я боялся, что мы измокнем. Это уже *Эй, красавица Эй*, как ее называла бабушка. Осталось недолго.

– Скажи... – проговорила Александра, когда машина ехала уже среди полей. Тут и там под солнцем сверкали лужи и крошечные озерца, словно капли воды на ворсе зеленого бархата. – Ты действительно мне одной рассказал историю про то, как той ночью, на Маркене...

– Как умерла бабушка? – отозвался Эльк. – Да, тебе одной. Знаешь, больше никому было ее рассказать. Матери или отцу незачем, они эту историю знают не хуже меня. Друзья... Особенно близких друзей, перед которыми можно вывернуть душу, у меня нет. Никогда в них и не нуждался! – заметил мужчина с высокомерной нотой в голосе. – С деловыми партнерами на такие темы говорить не будешь... Дочке четыре года, она только испугается и ничего не поймет. А что касается Мелины...

Несколько секунд он молчал, затем с усмешкой проговорил:

– Скажу тебе честно, мы не так уж часто разговариваем.

Александра искоса взглянула на него и промолчала. Эти откровения от друзей мужского пола не были для нее новы. Она привыкла к тому, что мужчина рано или поздно начинает изливать перед ней душу, жалуясь на то, как жена, бывшая или нынешняя, его не понимает и не ценит. Как ему одиноко, хотя формально он не одинок, и как Александра отличается от других

женщин своей чуткостью и внимательностью. Художница ждала продолжения со смешанным чувством печали и отвращения. «Похоже, я придумала себе своего личного Элька, и теперь наступает момент истины. Будет разрушен его идеальный облик – сдержанный, рафинированный, с этакой чертовщинкой, которая мелькает во взгляде... Уже все идет как по писаному. Самый пошлый вариант. Пикник на двоих, трогательные корзинки с припасами. Бутылки, слышно, позвякивают. Потом еще несколько рассказов о детстве, расслабляющая атмосфера родного дома, природа... Какая же я идиотка!» Ее передернуло. Эльк заметил это движение:

- Замерзла? Я на всякий случай захватил зюйдвестки и пару пледов. В доме все, наверное, давно отсырело, никто не топил печь...

- Нет. – Александра покачала головой. – Не беспокойся. Он вновь покосился в ее сторону.

- Да! Я кое-что узнал о твоей подруге! Вот ты и оживилась! – заметил он с удовлетворением, когда Александра резко повернулась к нему. – Во-первых, Нади сейчас нет в Амстердаме, это совершенно точно. Во-вторых, и это главное, – она жива и здорова. Так что беспокоиться о ней не стоит.

Александра ждала продолжения, не сводя взгляда со спокойного лица своего спутника. А тот невозмутимо, не торопясь, говорил:

- Вчера у Стоговски я вычислил одного человека, который, по моему мнению, мог знать что-то о твоей подруге, если она мелькала в этой среде, в Амстердаме и вообще в Нидерландах. Да и в Бельгии тоже... Выяснилось, что она развила здесь довольно активную деятельность. С тех пор как она уехала из Москвы в конце апреля и до конца октября Надя участвовала в подготовке более двадцати аукционов. Выступала как оценщик. Давала экспертные заключения, которые, как мне сказали, заслуживают всяческого уважения и доверия.

- Надя – великолепный эксперт! – Александра облегченно перевела дух. – Никогда не ошибалась! Ее заключение всегда считалось чуть ли не важнейшим гарантом подлинности лота! Для тех, кто ее знал, конечно... А где она сейчас? С ней можно связаться?

- Думаю, это вопрос времени! – спокойно ответил Эльк. – Мне обещали найти ее координаты, я все беру на себя. Пару месяцев назад ей срочно пришлось покинуть Амстердам, и она не оставила координат для связи. Даже Барбаре ничего не сказала! А ведь приехала в Амстердам по ее приглашению!

- Что?! – воскликнула Александра. К ее щекам прихлынула кровь. Она в ярости ударила ладонью о ладонь, так что ее спутник вздрогнул. – Так я и знала! Так и знала!

- А Барбара сказала, что не знает о ней ничего? – осведомился Эльк. В его спокойном ироничном голосе слышалась замаскированная усмешка.

- Какое свинство... – не могла опомниться художница. – Так врать! Я же объяснила, что Надю потеряли родственники в Москве, специально приехала, чтобы ее найти... И зачем обещать, что поможешь...

Александра умолкла и резко отмахнулась, отгоняя безрадостные мысли, словно муху. На самом деле она и сама уже заподозрила, что Варвара говорит не всю правду. Зная ревнивый, подозрительный нрав старой знакомой с Де Лоир, художница предвидела некие козни. И все же обида была глубока. «Никогда в жизни не стану иметь с ней дела! – Александра глядела в окно, за которым тянулись все те же плоские зеленые поля, залитые водой. – До такого наглого

вранья она еще не опускалась!»

Эльк, помолчав, мягко заметил:

- Барбара сейчас переживает не лучшие времена. Она могла просто что-то забыть...

- Ты сам в это не веришь! - резко бросила Александра.

- Не верю, - все так же покладисто согласился мужчина. - Я слишком хорошо знаю Барбару и не горжусь этим. Она не самый честный партнер.

Это заявление Александра оставила без комментариев. Она знала, что ни один антиквар не отзывается о коллеге по цеху одобрительно.

- Я все же хотела бы выяснить, зачем она мне соврала, - угрюмо бросила женщина, глядя в окно. - Да еще так грубо... Было ведь понятно, что я узнаю правду! Должна быть причина.

Эльк в ответ издал негромкий, дипломатический смешок, давая понять, что воздерживается от суждений. Машина тем временем замедлила скорость - теперь они проезжали небольшую живописную деревню, имевшую до того старомодный вид, что она казалась декорацией. Маленькие домики с двухцветными, черно-красными ставнями, заросшие ряской каналы, на которых виднелись привязанные тут и там лодки, аккуратно подстриженные группы кустарников перед въездами в крошечные усадьбы...

- Брук, - бросил антиквар, легонько коснувшись плеча женщины и привлекая ее внимание к плавучему ресторану, мелькнувшему вдаль, на реке. На бортах баржи, переоборудованной под традиционное кафе, горели гирлянды цветов национального флага. - Но мы здесь останавливаться не будем, тем более на Маркене можно перекусить куда лучше!

- Ты патриот своего острова? - спросила Александра. Несмотря на одолевавшие ее печальные мысли, ей даже удалось улыбнуться, с таким детским тщеславием Эльк говорил о Маркене.

- Мне есть чем гордиться, - совершенно серьезно ответил мужчина. - У нас на острове, знаешь, живут настоящие люди.

- То есть? - Слегка озадаченная, Александра взглядела в его четкий, чеканный профиль. - А здесь что же, не настоящие?

- Я имел в виду не это, - поправился Эльк. - Тут чисто туристическое затоптанное место, и хотя Маркен тоже входит в туристические маршруты, туда добраться сложнее. Даже при том, что теперь есть дамба. А раньше-то остров и вовсе жил своей жизнью, там все было свое - костюмы, язык, обычаи... Бабушка много мне рассказывала о старом времени. Оно, конечно, ушло навсегда... Остались декорации и горстка актеров для туристов...

Сонный Брук со своими пустынными живописными улочками остался позади. Машина вновь мчалась по пустой дороге среди плоских зеленых полей. Тут и там виднелись пасущиеся овечьи стада. Пушистые овцы и круторогие бараны с чисто вымытой, похожей на взбитые сливки шерстью, поднимали узкие породистые головы и провожали машину долгими загадочными взглядами. Впереди уже виднелась серая полоса морского побережья. Над морем было ясно - лишь несколько длинных, словно размазанных жесткой кистью облаков пересекали глубокое синее небо. Машина за минуту проскочила насквозь крошечный поселок на побережье и теперь ехала по дороге вдоль линии прибоя. Вдали уже виднелась длинная

дамба, соединявшая материк с островом. Эльк слегка опустил стекло со своей стороны. В салон хлынул морской резкий воздух. Александра слегка поежилась:

- У меня странное чувство... Все как во сне. Приехала я, получается, напрасно, у Нади все в порядке. Бросила в Москве срочные дела, а тут у меня, напротив, никаких дел нет. Варвара отчего-то наврала... Обещала устроить через Елену Ниловну какие-то сделки, да может, это тоже была ложь... Мне отчего-то кажется, что завтрашнего дня не будет совсем. Ему просто неоткуда взяться. Земля из-под ног уходит, я совершаю ошибку за ошибкой... И опоры найти негде - ни снаружи, ни внутри себя самой. Мне бы надо срочно возвращаться домой, а я вместо этого отправилась с тобой на пикник...

Эльк ответил, когда машина уже ехала по узкой дамбе. Справа и слева от насыпи стелилось море, серое, холодное, покрытое клочьями желтоватой пены. Чайки то и дело пикировали на дорогу и, оглушительно крича, вновь взмывали в небо, радуясь ясному ветреному дню. В солнечном свете их оперение блестело, ослепительно искрясь, словно колотый лед.

- Напрасно расстраиваешься, Саша! - спокойно произнес Эльк. - Ты вполне заслужила небольшой отдых. И в любом случае приехала не зря! Дирк Моол очень интересуется московским рынком. Я вас сведу! Мне пришло это в голову вчера вечером, у Стоговски. Он человек состоятельный, надежный, платит сразу после сделки, никаких задержек. И готов сразу выдать аванс новому представителю в России! Вчера он после аукциона очень жалел, что у него никого нет в Москве, и я сразу подумал о тебе!

- Это очень заманчиво! - слегка настороженно ответила Александра. - Но ты уверен, что я смогу с ним сотрудничать? Чем он конкретно занимается? Живопись, декоративно-прикладное искусство? Книжки? - допытывалась заинтересованная художница. Больше всего ее впечатлила перспектива получить аванс. - Не помню, говорила или нет, но я в последнее время не беру книги. А к филателии даже близко не подойду!

- Нет-нет, Дирк имеет дело исключительно с фарфором, - обнадежил ее Эльк. - Он мой старый приятель и партнер, считай, ты уже получила аванс. Я многим тебе обязан, и мне будет очень приятно поддержать тебя в трудную минуту! Но я обижен немного, что ты не обратилась ко мне за деньгами... По-дружески!

Александра ответила не сразу. Они проехали уже почти всю дамбу, впереди зеленели заливные луга Маркена. Женщина смотрела прямо перед собой, покусывая губы, как всегда в минуты волнения. Наконец она пробормотала:

- Очень тебе благодарна за эти слова, Эльк... Бесконечно благодарна! Только я предпочитаю не брать займы даже у лучших друзей. А вот новый партнер мне до крайности необходим, как и аванс. Конечно, я отработаю эти деньги! С фарфором мне часто приходилось иметь дело. Но...

Она колебалась, и Эльк вопросительно на нее взглянул:

- Что такое?

- Не буду от тебя скрывать, что Надя - куда лучший специалист по части фарфора, - скрепя сердце призналась Александра. - Нас даже сравнивать нельзя. Правда, если она насовсем перебралась в Нидерланды, ей будет сложно работать в Москве, но все равно у нее связей по этой части куда больше... Будет нечестно, если я об этом умолчу, Эльк.

- Я сейчас чуть не перекрестился, - после краткой паузы ответил мужчина. - Вдруг

вспомнилось мое первое причастие – белый костюм, свечи в кружевных лентах... То есть ты рекламируешь свою подругу, когда сама нуждаешься в этой работе?!

– Эльк, но я просто подумала... – смешалась Александра. – Ты говоришь, Надя тут работала с мая, приобрела хорошую репутацию, разве не логично...

– Нет, не логично! – резко, вопреки своей обычной мягкой сдержанности, отрубил Эльк. – Она не подходит для этой работы. Я выбрал тебя, рекомендовать буду только тебя, ты отлично заработаешь... И к черту всех твоих подруг!

Помолчав, Александра примирительным тоном заключила:

– Ну что ж... Ты прав, глупо проносить ложку мимо рта в наше время. Тем более Надя теперь не пропадет, раз успела создать себе репутацию...

Эльк издал короткий выразительный смешок:

– Договорились! Сейчас же, как приедем, позвоню Дирку, он срочно ждет от меня кандидатуры. Но ты должна быть готова к тому, что сегодня же тебе придется вылететь в Москву!

– Сегодня?! – изумленно воскликнула женщина.

– Насколько я знаю, у Дирка огромные планы. И он платит! – Последнее слово Эльк выделил голосом, значительно понизив тон. – А вот от Стоговски ждать нечего, самое лучшее – вообще забыть о ее существовании. Я бы с удовольствием забыл! Эта ведьма составила себе состояние, разоряя и обманывая партнеров... Да еще вымогая деньги! Она шантажистка! Поверь мне на слово!

– Конечно верю! – воскликнула художница, пораженная напором и страстной горячностью, с которой антиквар вдруг, ни с того ни с сего, опять заговорил о Стоговски. – Это не та истина, которую хочется проверять на своей шкуре...

Они были уже на острове – дорога шла среди полей, на которых паслись овцы. Тут и там виднелись маленькие фермы, однообразные, словно сделанные по единому шаблону, – деревянные домики, выкрашенные в темно-синий или серо-зеленый цвет, с традиционными черными ставнями, расписанными красно-белыми треугольниками. В канавах вдоль дороги плавали утки, поодиночке и с подросшими выводками. Эльк притормозил у развилки трех дорог, где над запрудой росла громадная старая ива с узловатым стволом. Пара лебедей, неторопливо скользивших по зеркальному пруду, тут же устремилась к берегу. Птицы, избалованные подачками, вопросительно вытягивали шеи, выкрикивали призывные неразборчивые лозунги. Эльк, опустив стекло со стороны Александры, расхохотался:

– Туристический аттракцион! Все теперь рассчитано на эффект, не то что прежде. Уже в моем детстве туристов было много, а вот бабушка помнила старые времена, еще до дамбы... Тогда здесь редко появлялись случайные люди. Мой дедушка был один из приезжих, его семья всегда жила в Амстердаме. После стройки жизнь поменялась, старики так и говорили: «до дамбы», «после дамбы»... Заметь, не «до войны» и «после войны»! Дамба оказалась для этого места куда важнее. На остров по ней хлынули чужаки. Время деревянных башмаков и кружевных чепчиков закончилось. Их теперь носят только официантки и продавщицы в сувенирных лавках.

– А твоя бабушка как одевалась? – спросила Александра, отчаянно щурясь – солнце отражалось

в воде канала, вдоль которого бежала дорога, слепя глаза. – По старой моде?

– Ну что ты! – с некоторым возмущением воскликнул Эльк. – Она первая на Маркене надела брюки! Прими к сведению, бабушка была передовых взглядов, даже очень передовых. И она была всегда очень независимой. Дедушка был немцем, *фольксдойче*, и во время оккупации занимал небольшую должность в поселковой администрации. У них с бабушкой тогда начался роман. Когда кончилась война, ей пришлось несладко... Несколько лет ее считали прокаженной. Но бабушка смотрела людям в глаза и никого никогда не боялась, так она мне говорила. Потом жених приехал за ней, и она вышла наконец за него замуж. Тогда и родился мой отец... После войны, но еще «до дамбы»... Ну, то что местная девушка вышла за мужчину из Амстердама, уже было поводом для сплетен!

Произнеся последние слова, Эльк мельком взглянул на Александру и улыбнулся.

– А ее родители не были против этого брака? – поинтересовалась художница.

Она считала, что откровенность собеседника дает ей право задавать ему вопросы, более того – ощущала, что Эльк говорит на эту тему с удовольствием. Происхождение Элька очень ее занимало. Сама Александра была из обыкновенной семьи с обыкновенной историей, и ее влекло все исключительное, как влекли вообще все редкости и диковинки.

– Родители? – словно во сне, вяло откликнулся Эльк, с которого внезапно слетел задор. Теперь он говорил словно с неохотой. Такие резкие перепады настроения Александра отмечала у него не в первый раз. – Родители не проклинали ее, конечно... Но и не радовались этому браку. В итоге дедушка не был признан военным преступником, но в тюрьме ему все же пришлось побывать. Первое письмо бабушке он написал еще из заключения. Потом они жили в Амстердаме, очень замкнуто, у них был узкий круг общения, небольшой семейный бизнес – торговля мебелью. Весной бабушка уезжала с моим отцом сюда, на остров, до осени. Дедушка приезжал к ним по воскресеньям. Потом, когда родился я, пришла моя очередь ездить сюда... Но это уже было после смерти дедушки. Он умер от сердечного приступа, не дожив до пятидесяти. Меня так и не увидел.

Эльк бормотал себе под нос словно сомнамбула. Александра косилась на своего спутника с плохо скрытым удивлением. Впрочем, он не замечал бросаемых на него взглядов, а смотрел прямо перед собой, на дорогу, гладкой серой лентой тянущуюся среди зеленых низин. Впереди, слева, справа – везде, куда ни глянь, на горизонте виднелось сизое зимнее море, блестящее на солнце, холодное даже с виду. Канал, вдоль которого они ехали, внезапно исчез, словно растворившись в высокой траве, и так же неожиданно возник с другой стороны, парадно расширившись, уходя к морю. В стороне мелькнуло футбольное поле, на котором Александра заметила фигуры тренирующихся игроков в ярких фуфайках, перчатках и шерстяных гетрах.

– Мы уже рядом... – пробормотал Эльк и замолчал.

Александра украдкой смотрела на его четкий профиль, мягко обведенный световой чертой, и не могла отделаться от ощущения, что все это ей снится. Мир, в котором она оказалась, жил по законам сна, причем сна чужого, где у нее не было никакого права что-то решать, изменять. Это было тревожное ощущение.

Наконец машина свернула с главной дороги на узкую аллею, с двух сторон обсаженную облетевшими тополями. Лишь кое-где среди голых ветвей топорщились забытые ветром желтые листья. В конце аллеи, во влажном солнечном тумане, поднимавшемся над полями,

виднелось несколько приземистых, кучно стоящих построек.

Здесь и находилось родовое гнездо антиквара с Де Лоир – маленький зеленый домик под черепичной крышей, прижавшийся к обводному каналу, прорытому вдоль всего поселка. Александра насчитала десять таких крошечных усадеб, пока машина медленно ехала к дому. Некоторые выглядели обитаемыми – во дворах сушилось белье на деревянных шестах, рядом с низкими оградками поблескивали спицами велосипеда. Крайние два дома казались нежилыми. У предпоследней усадебки Эльк остановил машину.

- Тут жил Старый Йонс, – сообщил мужчина. Антиквар сидел, положив руки на руль, странно вздернув плечи, словно опасаясь удара в спину. Было видно, что ему не по себе. – Десять лет назад он был еще жив и сам вышел мне навстречу...

Александра внимательно оглядела дворик, крошечный, неухоженный, заросший высокой травой, полегшей от дождей. Окна домика были наглухо закрыты облезлыми черными ставнями, отчего фасад приобрел угрюмый, нелюдимый вид. Никаких признаков жизни ни в доме, ни поблизости заметно не было.

- Оставим машину здесь! – Эльк заглушил мотор и распахнул дверцу. – Дальше кругом идет канал, трудно будет развернуться. Там топкое место...

Он выбрался наружу, и Александра последовала его примеру. Ветер, дувший, казалось, сразу со всех сторон света, взъерошил ей волосы, как дружеская прохладная рука. Эльк, оглядевшись, сохраняя отстраненный вид сомнамбулы, толкнул низенькую калитку, ведущую в заброшенный двор. Калитка, оказавшаяся не запертой, распахнулась настежь. Впрочем, через нее легко было перешагнуть. В несколько шагов Эльк пересек крошечный двор, поднялся на крыльцо. Рассмотрев и для чего-то ощупав висячий замок на двери, он обернулся к Александре:

- Замок заржавел. Его не открывали несколько месяцев... Или даже лет, точно не сказать. Тут высокая влажность, железо гниет...

- Сколько лет должно быть Старому Йонсу? – спросила женщина, оставаясь возле машины.

Странно, но этот безобидный карликовый поселок, лежавший вдалеке от туристических троп острова, отчего-то внушал ей смутное беспокойство, хотя не могло быть ничего невиннее и безобиднее, чем вид этих традиционных зелено-синих домиков, тонущих в золотистом полуденном тумане.

- Я подсчитал... Девяносто семь, – ответил Эльк, вновь потрогав замок и отряхивая запачканные ржавчиной пальцы. – Я сумасшедший, конечно. Рассчитывал его застать на прежнем месте. Как-то не верится, что некоторые люди могут умереть, правда? Вот есть такие, которых даже не заметишь, если что. Умерли и умерли, и не нужно их. А вот Старый Йонс... Это был старый гвоздь, на котором держалось целое мироздание!

- Можно расспросить соседей! – предложила Александра.

Эльк, прихрамывая сильнее обычного, боком спустился с крыльца и приблизился к ней, отрицательно качая головой:

- Не стоит! Честно говоря, я ничего не хочу знать.

И художница отлично его поняла. Помогая спутнику перетаскивать припасы в соседний двор,

такой же запущенный и заросший жесткой высокой травой, она думала о том, что и сама предпочла бы не получать некоторых печальных известий. «Даже если ты знаешь, что человека больше нет, но еще никто об этом прямо не сказал, не все кончено... О нем можно думать как о живом!»

Эльк отпер бабушкин домик – точную копию дома Старого Йонса, который, в свою очередь, ничем не отличался от остальных домиков по соседству. Низенькая дверь, выкрашенная изрядно облупившейся черной краской, отворилась, и на визитеров дохнуло едким запахом плесени. Александра невольно отшатнулась. Эльк, вглядываясь в темноту сеней, нахмурился:

- Как я и думал... Дом насквозь прогнил. Нам повезло с погодой, мы отлично устроимся во дворе! За домом есть стол и скамья, под вишней...

Впрочем, вишни уже не оказалось на месте – на месте старого ствола торчал обрубок со сгнившей сердцевиной. Стол и скамья окончательно потеряли следы былой покраски, но были еще достаточно крепки, чтобы служить для нужд пикника. Эльк с помощью Александры разобрал обе корзины, где оказалось решительно все, необходимое для обеда. Они накрыли столешницу огромными клетчатými салфетками из грубого полотна, расставили пластиковые миски с припасами, одноразовую посуду. Бумажные тарелки и пластиковые стаканы то и дело приходилось придерживать – налетавший порывами морской ветер переворачивал их. Эльк откупорил и разлил белое вино:

- Надеюсь, ты не против? Уже время обеда. Давай выпьем за тебя и твоего нового партнера. Дирк – отличный парень! За успех!

Улыбнувшись, Александра сделала глоток, поставила стакан на столешницу и тут же его подхватила – налетел порыв ветра. Пришлось допить вино. Опустевший стаканчик тут же покатился по салфетке и остановился, уткнувшись в миску с рыбным паштетом. Эльк заботливо угощал гостью, предлагая ей сыр, селедочный салат, соленые орехи. Закуски были самые незамысловатые, больше сытные, чем изысканные, зато вино оказалось очень дорогим десятилетним бордо. Александра, бывая в Нидерландах, не раз отмечала этот контраст, бывая на фуршетах. Простая крестьянская пища дерзко и гармонично сочеталась с элитными напитками, достойными чопорных приемов. Это сочетание ярко отражало сам голландский характер – независимый, чуждый навязанных условностей.

- За Маркен! – Александра поймала свой стакан и протянула его Эльку. Мужчина незамедлительно заполнил его. – Знаешь, я и сама начинаю верить в то, что все образуется... Спасибо тебе!

- Да-да, все будет чудесно! – кивнул Эльк. Его бледные щеки разругались от вина, глаза блестели, светлые волосы, пронизанные солнцем, то и дело вздымал ветер. Царапина под глазом придавала его корректному облику нечто хулиганское и очень молодила антиквара. – Чудесно и прекрасно. Я сам счастлив, что сумел найти для тебя нового партнера. А Барбара... Забудь!

Он пренебрежительно поморщился, наполнил свой стаканчик и приветственно поднял его:

- За Маркен!

Александра, не привыкшая и не любившая пить, уже ощущала головокружение. Впрочем, сейчас оно ее не раздражало – ей хотелось любой ценой избавиться от тревог, которые принесла ей поездка, и еще больше хотелось забыть о тех неприятностях, которые ждали ее в Москве. Как хорошо было просто сидеть на серой шаткой лавке, вытянув ноги, посмеиваться в

ответ на шутки Элька, который с упоением рассказывал совершенно безобидные, забавные сплетни о своих соседях по Де Лоир. В его шуточных историях было так мало желчи, что Александра, невольно сравнивая их с рассказами Варвары, проникалась все большей неприязнью к последней. «Хотя она у меня и прежде симпатии не вызывала... «Таких не любят!» – сказала о ней Надя». Мысли о пропавшей подруге больше не тревожили ее, напротив – приобрели горький привкус обиды. Александра ощущала себя обманутой. «Получается, я тревожилась о человеке, который отлично устроился на новом месте и просто не желал возвращаться к домашней рутине! – говорила она себе, сминая в кулаке хрупкий стаканчик. – Столько нервов, усилий, трат – и зря... Ей просто не хотелось связываться с родственниками! Но...» Александра нахмурилась и растерла внезапно занывший висок. Вино, как всегда, жестоко мстило ей за несколько сделанных глотков.

– Все-таки я не понимаю смысла этого звонка домой, в октябре... – сказала она, следя за тем, как Эльк отламывает куски корочки от свежего батона и, обмакнув их в паштет, отправляет в рот. – Уж очень мало Надя о себе сообщила. К чему такая загадочность, если все хорошо? А ее записка вовсе лишена смысла... Она меня пугает!

Мужчина пожал плечами:

– У нее все отлично, уверяю тебя! Судя по аукционам, с которыми она сотрудничала. Даже с Бертельсманном, кстати! Через вчерашний аукцион я на твою подругу и вышел. А почему скрывалась... Люди меняются... Иногда очень сильно. Может, боялась, что ты попросишь ее о помощи. Сейчас кризис... Дружба проверяется на зуб, как монета. Даже не хочу тебе рассказывать, скольких людей я потерял за последний год... А много лет считал их друзьями!

Эльк произнес эти слова с видимым спокойствием, но брезгливо раздул ноздри, словно в порыве отвращения. Художница кивнула:

– Конечно, времена трудные, и люди с переменной обстановки меняются. Честно говоря, родственники эксплуатировали ее просто бессовестно! Быть может, на ее месте я исчезла бы только ради того, чтобы их наказать. Чтобы напомнить матери девочки, что ребенка нельзя подsunуть в чужую жизнь и успокоиться. Но это сделала бы я! А она была другой... Отзывчивой, покладистой. И очень любила племянницу!

– Люди меняются! – повторил Эльк, щурясь от налетевшего порыва ветра. – А что касается записки... Дай еще раз на нее взглянуть!

Александра придвинула ближе брезентовую сумку, стоявшую рядом на скамье:

– Ох, мне эта записка! С одной стороны, я сделала глупость, что приехала ради нее... С другой – ты мне нашел нового партнера... погоди. Не понимаю, конверт был тут!

Александра вновь и вновь обшаривала внешний карман, в котором помещалось письмо. Пальцы перебирали ключи от ее временного пристанища на Кониингслаан, расческу с поломанными зубьями, смятые красные билеты московского метро, рассыпанные мятные конфеты... Письма не было. Художница торопливо перерыла остальные карманы сумки, заглянула во все внутренние отделения.

– Эльк, письмо пропало! – громко, внезапно охрипшим голосом выговорила она.

Мужчина, внимательно следивший за ее безуспешными поисками, нахмурился:

- Ты могла его переложить? Оставить дома?

- Нет-нет... Я ничего не перекладывала! - Александра в последний раз дернула «молнию» на кармане и с досадой закрыла его. - Письмо пропало! В последний раз я доставала его в отеле, показывала хозяйке!

- Значит, оно там и осталось, ты его выронила или забыла! - Мужчина успокаивающе дотронулся до ее плеча. - Вечером заедем в отель, наверняка конверт ждет тебя у портье. Да если и нет - ты ведь помнишь текст? Что там было написано?

Александра нервно поморщилась:

- Да помню, конечно! «Отель «Тоledo», номер 103 А». Не существующий в Амстердаме отель!

- Если это письмо оставила сама Надя, значит, такой отель существует! - Эльк говорил очень серьезно и спокойно, не сводя с лица женщины испытующего взгляда, словно проверяя эффект воздействия своих слов. - И она надеялась, что эту загадку ты разгадаешь! Более того, знала точно, что у тебя будет такая возможность!

- Но у меня ее нет! - отрывисто, почти зло бросила Александра.

- В самом деле?

Пристальный, неподвижный взгляд Элька показался ей еще более странным, чем заданный им вопрос. Александра изумленно отстранилась:

- Погоди! Ты сейчас о чем говоришь? Ты думаешь, я тебя обманываю?

- Я думаю, ты сама себя обманываешь, - невозмутимо ответил он. - Просто не замечаешь чего-то очевидного. А твоя подруга думала, что ты это заметишь... Что ты это знаешь! И уточнения не нужны...

- Я ничего не знаю!

На этот раз Эльк промолчал, лишь пожав в ответ плечами. Александру вновь посетило кошмарное ощущение - что она находится внутри чужого сна, развивающегося по своим законам, совершенно неизвестным. Письмо, единственная реальная вещь, которую можно было физически ощутить, ощупать, перечитать, кому-то предъявить, - пропало. Художница была уверена, что не могла выронить его из сумки в отеле, зато вновь и вновь припоминалось, как она раздевалась в передней особняка Елены Ниловны. Молоденькая улыбающаяся горничная приняла у нее куртку и сумку...

- Письмо пропало на вечере у Стоговски! - вырвалось у нее.

Эльк отрицательно покачал головой:

- Саша, исключено. Я многие годы знаю всех, кто там был. Есть люди, за которыми водятся грехи... Но по сумкам в гостях не роется никто!

- Я не знаю, кто и зачем взял письмо, но это могло случиться только там!

- Хорошо, я лично поговорю с горничными, - с обреченным видом пообещал Эльк. - Кто знает? Письмо могло просто упасть на пол.

- Упасть оно могло только в том случае, если кто-то рылся по карманам!

- Что-нибудь еще пропало?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, Александре пришлось вновь исследовать содержимое сумки, проверить бумажник... Все ценные вещи, деньги, документы, все ничтожные мелочи – все оказалось на месте.

- Эльк, у меня вытащили письмо на вечере у Стоговски, я уже абсолютно уверена в этом! – заявила женщина, застегивая «молнию» на последнем обысканном кармане. – Это мерзко. Я ничего не понимаю! Еще меньше понимаю, чем прежде...

- Мы обязательно разберемся! – Взяв ополовиненную бутылку и новые стаканчики из стопки, Эльк невозмутимо разлил вино и протянул расстроенной Александре ее порцию: – Успокойся. Ничего страшного не случилось.

- Ужасно, что никто, кроме тебя, не читал этого письма, – бросила она, беря стакан и почти бессознательно делая глоток. Элитное вино показалось ей кислым, как дешевое пойло. – Портье видел только конверт... Хозяйка отеля тоже...

- Но ведь и я не читал письма, – напомнил ей мужчина, маленькими глотками опустошая свой стакан. – Я не читаю по-русски, так что понял только цифры. Да, кстати... Вот о чем я думал весь вчерашний вечер...

Он не торопился продолжать, намеренно медленно (как казалось Александре) нарезая тонкими ломтиками сыр, раскладывая по картонным тарелкам салат, протирая салфеткой нож. Его губы были педантично поджаты, он священнодействовал. Художница следила за ним, внутренне кипя от возмущения, которое приходилось сдерживать. Кража письма была так же необъяснима, как и его содержание. «Уехать бы домой скорее!» – внезапно пронеслось у нее в голове. И она поразилась тому, что могла так думать, не имея в перспективе даже места, куда можно было вернуться.

- Когда Надя звонила в Москву, она ведь говорила по-русски? – неожиданно спросил Эльк.

- Разумеется! – изумленно ответила Александра.

- И говорила так, будто торопилась... Ты мне сама сказала.

- К чему ты ведешь?

- Записку для тебя она написала тоже по-русски. Или опять торопилась и потому написала очень кратко, или боялась сказать слишком много... – Мужчина словно не заметил ее вопроса. – Мне кажется, такую записку можно написать только когда за тобой следят, ты боишься чего-то... Даже за несколько секунд можно выразиться яснее, если за тобой никто не следит. Прямо написать, что случилось. А тут – шифр.

- Верно! – согласилась Александра.

- Из этого следует, что и во время звонка, и пока она писала тебе записку, за ней наблюдал кто-то, кто хорошо знал русский язык. Например, при мне Надя могла бы писать и говорить что угодно, я все равно бы не понял.

Пришла очередь Александры держать паузу. Она молча смотрела, как Эльк, взяв наполненный

стакан, прохаживался по крошечному дворику. Он остановился у низкой, покосившейся оградки, глядя на зеленое поле, за которым в полосе жемчужного тумана тяжело дышало невидимое близкое море. Из тумана вынырнула чайка, взмыла ввысь, блеснула белой вспышкой магна на солнце, ослепив глаза, и пропала, сделавшись невидимой в ультрамариновом, ярком декабрьском небе.

- Ты прав... - негромко проговорила Александра. Она не рассчитывала, что Эльк ее услышит - он стоял в дальнем конце двора. Но то ли двор был мал, то ли тишина в крошечном поселке стояла нерушимая - мужчина тут же обернулся.

- Понимаешь, о чем я? - спросил Эльк, поднося к губам стаканчик. - Она общалась с кем-то из своих. Ей было что скрывать от этого человека. Ясно одно - тот человек явно не понимал, что такое отель «Толедо», а ты, получается, должна понимать.

- Но не понимаю... - упавшим голосом произнесла Александра.

- Значит, Надя чего-то не предусмотрела... Важно найти отель! Очень важно, раз она соблюдала такую таинственность, передавая эту информацию!

Женщина в отчаянии сдавила ладонями виски, уставившись прямо перед собой:

- Но что же я могу сделать?!

- Не беспокойся... - Приблизившись, антиквар дружески погладил ее плечо. - Скажи, кроме Барбары она общалась здесь с кем-то из русских? Имела деловые связи? Дружеские? Какие-то еще?

- Нет... Мы с ней как-то обсуждали наши контакты в Амстердаме. Я назвала ей тогда русских друзей, у которых сейчас остановилась. Она поняла, в каком доме они живут, рядом с британским консулом... Но сказала, что с ними не знакома. Сама она навещала только Барбару...

- Но не понимаю... - упавшим голосом произнесла Александра.

- Значит, Надя чего-то не предусмотрела... Важно найти отель! Очень важно, раз она соблюдала такую таинственность, передавая эту информацию!

Женщина в отчаянии сдавила ладонями виски, уставившись прямо перед собой:

- Но что же я могу сделать?!

- Не беспокойся... - Приблизившись, антиквар дружески погладил ее плечо. - Скажи, кроме Барбары она общалась здесь с кем-то из русских? Имела деловые связи? Дружеские? Какие-то еще?

- Нет... Мы с ней как-то обсуждали наши контакты в Амстердаме. Я назвала ей тогда русских друзей, у которых сейчас остановилась. Она поняла, в каком доме они живут, рядом с британским консулом... Но сказала, что с ними не знакома. Сама она навещала только Барбару...

- А Барбара делает вид, что ничего о ней не слышала, - подхватил Эльк. - Врет, хотя ее можно поймать на лжи. И на вечеринку вчера не явилась, явно боялась разоблачения. Ей очень

неудобно, что рядом с тобой все время нахожусь я! При мне врать не так-то просто...

- Да, но... Она ведь первая пригласила меня на вечеринку! - напомнила окончательно сбитая с толку художница.

Эльк, запрокинув голову, расхохотался тем мальчишеским, задорным смехом, который Александра так у него любила.

- Скажешь тоже! Она и не собиралась приходить! Сейчас для нее каждое появление на публике - травма. Долги, развод, суды... Она страшно самолюбива. Я больше не сомневаюсь, что свидетелем написания письма была Барбара...

- Если у Нади за полгода не появилось других русских знакомых, которых она могла бы опасаться! - пробормотала Александра.

- Вряд ли! - бросил Эльк. - То, что Барбара от тебя прячется, указывает на нее. Как я сразу не догадался... Ну что же, - встрепенулся мужчина, поднимая взгляд на небо, которое постепенно затягивали плотные серые облака. - Погода портится... Возьмемся за пирог?

Большой, круглый пирог с вареньем был венцом трапезы. Свежий, румяный, купленный, судя по надписи на коробке, в дорогой старинной кондитерской, он показался Александре сделанным из жеваной бумаги и совершенно безвкусным. Она с трудом заставила себя проглотить первый кусок и попросила кофе, сославшись на то, что от вина у нее разболелась голова. Эльк позаботился обо всем: в корзине нашелся и термос с очень крепким черным кофе. Выпив чашку, Александра не почувствовала облегчения. Голова по-прежнему была тяжелой и мутной, мысли путались. Она отгоняла от себя картину, которая не давала ей покоя: Надя второпях пишет письмо в гостиной отеля, Варвара, стоя рядом, наблюдает за каждой выводимой буквой... В этой картине было что-то не то, что-то, никак не вяжущееся с логикой. «Варвара впервые слышала об отеле «Толедо», вне всяких сомнений. Когда я произнесла это название вчера, она никак не отреагировала. Значит, писали не при ней... Этот шифр должна была понять одна я, но у меня к нему не оказалось ключа. Надя перестраховалась. Значит, очень боялась, если не выразилась яснее. И сейчас, что бы ни говорил Эльк, она может быть в опасности... Или уже мертва, как он сам предполагал вчера!»

Первые капли дождя упали на щелястую серую столешницу, коснулись рук женщины, ее шеи, затылка, как осторожные поцелуи. Очнувшись, Александра подняла голову и обнаружила, что небо сплошь закрыто низкими рыхлыми облаками. Погода, как всегда в этих низинных краях, сменилась мгновенно, так же резко, как менялось настроение Элька. Больше не верилось в яркое солнечное утро. Вся округа разом потемнела и словно постарела, домики смотрели угрюмо, вода в обводном канале сделалась черной и покрылась частыми рябинами от дождя. Эльк протянул руку:

- Идем в дом, переждем! Дождь сейчас кончится!

- Может быть, лучше уедем? - нерешительно спросила она, поднимаясь из-за стола. - Кажется, это надолго...

- Нет-нет. - Эльк, взяв ее под локоть, повел к крыльцу. - Ветер юго-восточный, он сейчас нагонит ясную погоду. Несколько минут, и все изменится. Уж я знаю...

Войдя следом за своим спутником в сени, где крепко пахло прогнившими сырыми досками и плесневым грибом, Александра вновь замешкалась. Этот крошечный дом с черной, словно траурной дверью, с большими тусклыми окнами, глядевшими с укоризной, как подслеповатые

старческие глаза, смущал ее. Он словно следил за ней, стерег каждое движение гостьи, пытался понять, по какому праву она здесь находится. Эльк, проведя Александру в первую комнату, где в полутьме были едва различимы большая кирпичная печка и несколько старинных громоздких комодов, сбегал в машину и вернулся со стопкой пледов:

- Садись в кресло, вот сюда, к печке, укройся... Вот так!

И сам ловко, молниеносно закутал одним пледом ее плечи, другой набросил на колени. Александра, содрогнувшись поначалу от сырого, мертвенного холода деревянного кресла, в котором многие годы никто не сидел, съежилась в мягком шерстяном коконе.

Она следила за тем, как Эльк, присев перед распахнутой дверцей топки, разводит огонь. Отсыревшие дрова, лежавшие штабелем у печи бог знает сколько лет, разгорались неохотно. Но вот вспыхнул крошечный огонек, побежал вверх по груде мятой бумаги, зашипел, задрожал на краю полена, готовясь погаснуть... И вдруг расплылся по всей поверхности дерева, жадно пожирая кору, которая корчилась и чернела от его прикосновений.

Дождь тем временем припустил вовсю. Уже не отдельные капли - длинные водяные плети хлестали тонкие стены и крышу домика, стекла в окнах. Хлопнула неплотно прикрытая входная дверь. Эльк выбежал наружу и спустя несколько минут вернулся с корзиной, совершенно вымокший. С его волос текла вода, он мотал головой и отряхивался всем телом, как собака после купания. Сняв очки, Эльк положил их на полку над печью.

- Это все, что я спас, - улыбнулся он, расставляя остатки пиршества прямо на полу, выложенном почерневшими кирпичами, у печи. - Остальное пропало. Пирог превратился в сладкий суп... Но вино и сыр уцелели.

- Ты ошибся, - сказала Александра, чувствуя, как у нее начинают гореть щеки - не от близости огня, который теперь вовсю трещал и гудел в печи, сердито и задорно стреляя икрами в щели, не то от близости Элька. Тот смотрел не то на нее, не то сквозь нее блестящими близорукими глазами и молчал.

- Ты ошибся, дождь надолго, - повторила она.

Пристальный взгляд Элька вдруг сделался очень тяжелым, давящим. Мужчина медленно выпрямился. Ему на лоб упала прядь мокрых потемневших волос, по высокой скуле побежала дождевая капля, за ней другая... Александра чувствовала, что всего одно слово, одно дружеское замечание разрушит опасную чару, родившуюся вдруг в полутемной комнате, едко пропахшей плесенью, заставит содрогнуться нежилой стылый воздух... И тогда глаза стоявшего так близко к ней мужчины приобретут обычное выражение, он засмеется, скажет что-то шутливое в ответ. Но Александра молчала, следя за тем, как блики огня, пляшущего в топке, падают на лицо Элька, которое все приближалось.

- Нет, - произнес он почти беззвучно, когда их губы оказались совсем рядом, и Александра уже чувствовала его дыхание на своем лице. - Я не ошибся.

Глава 9

Дождь кончился ближе к закату. Стоя на крыльце, стянув на плечах плед, Александра смотрела, как расчищается небо на западе. Сильный ветер гнал тучи в высоту, и под ними все ширилась, обнажаясь, янтарная полоса неба.

Женщина вышла на крыльцо босиком и теперь мерзла, поджимая пальцы ног – сырые, зыбкие, подгнившие доски были ледяными. Она жадно вдыхала морской воздух, изумляясь не столько тому, что произошло, сколько совершенному отсутствию раскаяния или чувства вины. Все случилось просто, естественно, и когда губы Элька коснулись ее губ, она уже как будто знала их теплоту. Сейчас она стояла, привалившись плечом к косяку, кутаясь от ветра в плед, глядя на небо, и не думала ни о чем конкретном. Так бывало с ней в очень редкие счастливые минуты. «Любовь не рассуждает, любовь любит! – вспомнилось ей полузабытое изречение, и женщина мотнула головой, словно отгоняя слово, которое все же ее пугало. – Нет-нет, какая любовь... А даже если и так... Если и так!»

За ее спиной бесшумно, словно тень, появился Эльк. Женщина обернулась. На его лице не отражалось ни смущения, ни, что было бы еще хуже, деланой веселости, которой прикрывают неловкость. Намотав на палец прядь волос, вившуюся над ухом Александры, он слегка шутливо ее дернул:

- Простудишься!

- Что ты... Я люблю холод! – Ее голос прозвучал чуть хрипло, что-то сжимало горло.

Внутренний покой, так изумлявший ее минуту назад, мгновенно разрушился. Причина тому была проста – Эльк застегивал на запястье часы. Только что в мире, где очнулась Александра, не было ни времени, ни места – только расшатанное крыльцо, медовый закат над морем, ослепительный серп полумесяца, мелькающий в разрывах редяющих облаков... И вот обычная жизнь возвращалась, требовательно заявляя о своих правах, отчего права Александры на счастье стремительно уменьшались. «Шестой час вечера, остров Маркен... Полузаброшенный поселок, вдаль от туристических троп. Чужой муж. Да, чужой муж, привезший тебя на свидание в дом своего детства, и совершенно не важно, что ты по каким-то своим личным причинам решила, будто этот человек тебе дорог и близок! Для него все это может быть просто интересным приключением! Откуда ты знаешь, что для него это серьезно? Откуда?»

- Не хочется уезжать, – негромко произнес Эльк, справившись наконец с ремешком часов. – Я так боялся ехать сюда один... Знаешь, возвращаться в те места, где ты был счастлив, не следует. Но сейчас я счастлив, как никогда еще здесь не был!

Александра выслушала эти слова, сделав попытку улыбнуться. Она уверяла себя, что это просто дань вежливости, что Эльк как человек воспитанный попросту не может сказать ничего иного... Теперь она разом испытывала все угрызения совести и сожаления, от которых минуту назад была так необъяснимо свободна. Она уже боялась верить словам, боялась встречать взгляд стоявшего рядом мужчины.

- Придется ехать в Амстердам, прямо сейчас... – Эльк мягко обвил рукой ее плечи – но так мог обнять и брат, и старый друг. – Мы с Дирком обменялись сообщениями. Я написал, что ты согласна на него работать. Он просит, чтобы уже завтра утром ты встретила в Москве с его клиентом...

- Завтра утром... – словно во сне, повторила женщина.

- Да, я понял, что встреча очень важная. Аванс в честь сотрудничества получишь переводом на карту сразу же, как дашь реквизиты. У тебя ведь есть действительная карта?

- Карта... Да! Конечно есть.

Александра коснулась ладонью пылающего лба, словно пытаюсь остановить бешеный поток мыслей. Тут было все – романтическое приключение в заброшенном домике, Варвара, Надя, пропавшее письмо, неведомый отель «Толедо», особняк в Москве, на Китай-городе, где располагалась ее мастерская... Эльк смотрел испытующе, словно пытаюсь угадать ее настроение, а сама Александра упорно избегала его взгляда. Ей было не по себе из-за того, что он так внезапно, без паузы, переменял тон с нежного на деловитый.

Она прошла в дом, сбросила плед, принялась одеваться, постаравшись выбрать для этого самый темный угол. Ее щеки внезапно запылали от прихлынувшей крови, ей сделалось трудно дышать. Стылый воздух гниющего, заброшенного дома словно отравлял ее. Теперь она недоумевала, как могло это убогое заплесневелое логово казаться ей уютным и как она позволила соблазнить себя человеку, которого, в сущности, не знала...

Эльк, уже набросив пальто, стоял возле печки и, нагнувшись, ворошил кочергой дотлевавшие в топке угли. Затем с тяжелым вздохом выпрямился, глядя на огонь, вспыхнувший в последний раз, бросивший на его бледное лицо багровый отсвет.

- Есть, кажется, прямой рейс на Москву около полуночи, – сказал он, обращаясь скорее к печи, чем к Александре, которая заканчивала шнуровать ботинки. – Я отвезу тебя в аэропорт... Сейчас не сезон, билеты должны быть. У тебя есть какие-то вещи или все носишь с собой?

- Только вот эта сумка...

Александра пригладила волосы гребешком, спрятала его в кармашек, застегнула «молнию». Именно в этом кармане она держала пропавшее письмо, за что сейчас горько себя ругала. «Нельзя было носить его в сумке, а сумку бросать без присмотра! То, что письмо украли, свидетельствует о том, что там очень ценные сведения! Отель «Толедо»! Найду ли я когда-нибудь этот отель? Легче, кажется, будет найти саму Надю, но она, исчезая со всех радаров, почему-то решила, что мне нужно обязательно знать про отель «Толедо» и номер сто три А. Почему? Почему?»

- Я обо всем позабочусь! – Эльк произнес эту фразу, которую так часто повторял последние сутки, почти отеческим, покровительственным тоном, в котором Александре почудилось нечто снисходительное. – Как только отыщу Надю, сразу перешлю тебе ее координаты. Итак, едем, немедленно!

От лязга закрывшейся чугунной дверцы художница вздрогнула. В комнате разом потемнело – единственное окно больше не пропускало света, внезапно надвинувшиеся с моря тучи закрыли горизонт, где догорел закат. В стену ударил резкий порыв ветра. Эльк медленным, словно сонным движением пригладила волосы, глядя куда-то в пространство, как будто забыв на миг, где находится. Царапина под глазом в сумерках стала похожа на резкую, глубокую морщину и больше не молодила его, напротив – старила.

- Едем... – Александра безотчетно повторила его движение, убрав упавшую на лоб прядь волос. Горло сжала судорога, рот наполнился горечью. «Скорее бы сесть в самолет! – подумала она. – Я смогу понять, что со мной происходит, когда земля остается внизу. На высоте становится легче, ты – будто не совсем ты! А давать советы другому всегда проще, чем себе...»

Когда машина вновь въехала на дамбу, Эльк издал короткий раздраженный возглас:

- Болван!

- Что такое? – вяло откликнулась Александра. Она сидела, отвернувшись к окну, чтобы не

встречаться взглядом со своим спутником. Ее мучил все более отчетливый стыд.

- Да я ведь хотел купить тебе копченого угря! - с досадой ответил мужчина. - Конечно, он продается и в Амстердаме, но это будет совсем не то! Поверь, совсем не то!

Она негромко рассмеялась, следя за тем, как за стеклом несется почерневшее в сумерках море. Оно казалось мрачным, в нем не осталось и следа от дневной искрящейся радости, так же как в ее собственном сердце. Она пыталась думать о Москве, о новом бизнес-партнере, но никакого энтузиазма не испытывала. Чтобы как-то отвлечься, Александра вновь принялась перебирать содержимое карманов сумки, стоявшей у нее на коленях. Впрочем, для нее уже было ясно, что письма там нет.

- Я найду в отеле, после того как отвезу тебя в Скипол. - Эльк, казалось, прочел ее мысли. - Если там письма не находили, буду трясти прислугу у Стоговски. Да в сущности, письмо не так важно!

- Для меня важно. - Александра ответила почти грубо. - Для меня, понимаешь? Лично мне очень хочется, чтобы оно нашлось.

- Да, я все понимаю, очень некрасивая история. Конечно, если ты не выронила письмо в отеле, а... - Мужчина не договорив, покачал головой, не сводя взгляда с дороги, бежавшей по гребню дамбы. - В аэропорту не забудь мне дать номер карты, я немедленно перешлю его Дирку. Что же еще?... Кажется, все.

Александра, в последний раз обшаривая сумку, наткнулась на слабо звякнувшую, жиденькую связку ключей. Выпрямившись, она взглянула на Элька:

- Надо заехать на Кoningслаан, попрощаться с хозяйкой дома и отдать ключи!

Эльк протянул руку ладонью вверх, не глядя на женщину:

- Я передам.

- Нет, это неудобно! - воспротивилась Александра. Уложив ключи поглубже на дно сумки, она решительно задернула «молнию». - Неловко. Получится, что я отдала ключи незнакомому ей человеку, а она ведь мне доверяет... Пустила пожить.

- Пустые церемонии, - усмехнулся Эльк. - Ты преувеличиваешь чувствительность квартирной хозяйки. Она тебя впустила, потому что хочет сохранить добрые отношения с твоими друзьями, которые ей платят. Но... Как хочешь. Придется теперь потерять минут сорок в Амстердаме. Я вообще не хотел заезжать в город. Мне бы не хотелось отправлять тебя ночным рейсом с пересадкой, а может, и с двумя... Нам нужно застать билеты на прямой!

- Ты очень торопишься отправить меня в Москву... - пробормотала Александра. Она ненароком произнесла эти слова по-русски. Эльк покосился в ее сторону, но не переспросил.

Спустя полчаса машина вновь ехала по пустынным, сумрачно-уютным кварталам Старого Юга. Уже совсем стемнело, и вдоль кирпичных одноликих фасадов домов зажглись однотипные фонари старинного тяжеловесного образца. Тут и там мелькали огоньки праздничной иллюминации - в преддверии Дня Святого Николая их становилось все больше. Пока машина стояла на перекрестке, пропуская трамвай, Александра любовалась сценами в крошечных магазинчиках, выходивших на площадь. В кондитерской было столпотворение: взрослые и дети торопились запастись сладкими гостинцами к празднику. Витрина была сплошь уставлена

подсвеченными подносами с шоколадными арапчиками в красных шапках, имбирными лошадками и марципановыми поросятами. В булочной тоже было не протолкнуться. Крошечная девочка, которой родители доверили держать бумажный пакет с покупками, почти целиком засунула в него голову – так ее увлекло содержимое. Не решаясь без спросу что-то съесть, она наслаждалась тем, что вдыхала аромат горячей выпечки. Машина тронулась с места, пересекла перекресток и уже ехала по Конингслаан, а художница все еще видела перед собой маленькую фигурку в красной курточке на фоне сверкающей огоньками витрины.

Эльк остановил машину напротив дома Лиз де Бак, с трудом отыскав свободное место в ряду автомобилей. Взглянул на часы:

- Главное, не задерживайся. Сейчас могут быть пробки...

- Какие тут пробки! – философски заметила женщина, открывая дверцу. – Я на несколько минут...

- Я с тобой, – внезапно произнес Эльк. Хлопнув дверцей, он запер машину и оглядел улицу. – Если позволишь, конечно...

В этот момент Александра обратила внимание на то, что сперва ускользнуло от ее взгляда – у ворот парка Вондела, совсем рядом с особняком Лиз де Бак, стояли полицейская машина, карета «Скорой помощи» и еще какой-то фургончик, похожий на служебный транспорт. Эльк смотрел туда же, настороженно нахмурившись:

- Главное, не задерживайся. Сейчас могут быть пробки...

- Какие тут пробки! – философски заметила женщина, открывая дверцу. – Я на несколько минут...

- Я с тобой, – внезапно произнес Эльк. Хлопнув дверцей, он запер машину и оглядел улицу. – Если позволишь, конечно...

В этот момент Александра обратила внимание на то, что сперва ускользнуло от ее взгляда – у ворот парка Вондела, совсем рядом с особняком Лиз де Бак, стояли полицейская машина, карета «Скорой помощи» и еще какой-то фургончик, похожий на служебный транспорт. Эльк смотрел туда же, настороженно нахмурившись:

- Что-то случилось!

- Да, похоже. – Александра впервые видела полицейскую машину в районе Старого Юга. – Идем же, если мы и правда торопимся!

- Мы торопимся. – Эльк, встряхнувшись, галантно предложил ей руку, переводя через улицу, хотя Александра вовсе не нуждалась в подобной поддержке. – Я не заинтересован в том, чтобы ты ближайшие сутки путешествовала по пяти транзитным аэропортам. Утром у тебя встреча в Москве, помни!

Александра открыла дверь особняка Лиз де Бак своим магнитным ключом и тут же отступила, едва не столкнувшись с хозяйкой. Та как раз выходила, торопливо запахивая пальто и одновременно разговаривая по телефону. Подняв глаза на Александру, женщина возбужденно воскликнула:

- Хорошо, что вы вернулись! Полиция спрашивала о жильцах, а у меня даже нет копии вашего паспорта!

- Паспорта? - Александра оглянулась на своего спутника. Тот слегка поклонился Лиз де Бак, всем своим видом демонстрируя вежливую отстраненность от темы разговора. - Мой паспорт? Но я уже уезжаю, вернулась только передать вам ключи!

- У меня голова кругом! - призналась Лиз, прикладывая к взъерошенной макушке ладонь. - Наверное, придется задержаться, полиция хотела вас видеть... Половины жильцов тоже нет, перед праздником разъехались. Это так ужасно, впервые у нас такое! В парке, под нашими окнами, в канале, нашли труп женщины.

- Боже мой... - Александра вновь оглянулась, ища у Элька поддержки, и тот, поняв ее движение, на этот раз приблизился.

Он быстро обменялся с хозяйкой виллы несколькими фразами по-голландски. Его лицо заметно искажилось, словно от приступа зубной боли. Скривив губы, Эльк повернулся к Александре:

- Очень неприятная история. Уже была полиция... Я боюсь, как бы тебя все это не задержало. Ты должна немедленно ехать в аэропорт!

- Сперва поговорите с полицией! - настойчиво произнесла Лиз де Бак. - Я им сказала, что у меня вчера появился новый жилец, и они очень хотели вас видеть.

Эльк что-то произнес сквозь зубы по-голландски. Лиз де Бак метнула в него негодующий взгляд, явно хотела ответить, но сдержалась и вновь обратилась к Александре по-английски:

- Мне оставили телефон, но они еще здесь, видите, у парка? Идемте! Вас долго не задержат, думаю.

Александра спустилась с крыльца в сопровождении хозяйки виллы и своего спутника, которые негромко о чем-то переговаривались. У входа в парк все еще стояли полицейская машина, патрульный мотоцикл, карета «Скорой помощи» и черный микрофургон без опознавательной маркировки. Полная девушка в синей форме запирала двери фургона снаружи. Ее круглое красное лицо хранило важное, сосредоточенное выражение. Лиз сразу прошла к мужчинам, стоявшим возле полицейской машины, и обратилась к ним, указывая на Александру. Художница стояла чуть поодаль, с сильно бьющимся сердцем. Она отчаянно волновалась, сама не понимая причины такого сильного нервного возбуждения. Эльк, чувствуя ее настроение, взял Александру за руку:

- Это пустяки, формальность. Просто зададут несколько вопросов. Никто не имеет права тебя задерживать.

- Конечно, - ответила Александра, слегка вздрогнув, когда пальцы Элька коснулись ее ладони. Она облизнула пересохшие вдруг губы. - Надо было послушаться тебя и сразу ехать в аэропорт. А если меня задержат и все сорвется?

Эльк не успел ответить - Александру позвали к машине. Разговор велся по-английски. Она предъявила паспорт, ответила на несколько формальных вопросов о цели своего визита в Амстердам, о сроках пребывания. Особенно Александра подчеркнула, что должна улететь в Москву этим вечером. Лиз де Бак сделала, на взгляд художницы, даже слишком любезное заявление: она сообщила инспектору, что давно знакома с Александрой. «Давно? Она видела меня два с половиной года назад, в течение нескольких минут... Видно, Лиз очень ценит Диану

и Юру, раз так выгораживает меня!» Александра выслушала сомнительное признание хозяйки виллы с невозмутимым видом и слегка улыбнулась ей в знак благодарности. На вопрос, была ли она вчера вечером дома, художница ответила отрицательно и уточнила:

- Я была в гостях рядом, на Эммаплейн. Вернулась не очень поздно, в половине одиннадцатого.

- Вы не слышали криков в парке? - Инспектор, смуглый высокий мужчина с ярко-голубыми глазами, был похож одновременно на индуса, на голландца и на все остальные национальности одновременно. Взгляд у него был усталый, голос равнодушный и негромкий. По-английски инспектор говорил раскованно.

- Нет, ничего не слышала, - чистосердечно ответила Александра. - Я некоторое время постояла на крыльце, прежде чем войти в дом... Был очень тихий вечер.

- А ночью? Ночью вы не слышали шума? Куда выходят ваши окна?

- Окна спальни как раз выходят на парк, - ответила Александра. - Но я очень крепко спала, так что могла и не слышать никакого шума...

- Я тоже ничего не слышала, - услужливо добавила Лиз де Бак.

Полицейский, который все время держал паспорт Александры в руках, вновь раскрыл его, зачем-то перелистал, просматривая визы, и протянул ей:

- Спасибо.

Александра спрятала паспорт в карман сумки, взглянула на Элька. Тот стоял чуть позади, сунув руки в карманы пальто, слегка раскачиваясь с носка на пятку. Вид у него был скучающий. Бледное лицо сильно осунулось, русые волосы растрепались. Когда налетал порыв ветра, Эльк слегка втягивал голову в плечи, машинально, словно задумавшись о чем-то далеком и неприятном. Внезапно Александра испытала приступ жалости к этому человеку. Это было необъяснимо - Эльк всегда вызывал у нее восхищение, уважение, интерес и тщательно подавляемое, тайное желание близости. Жалость, острую и беспричинную, она испытывала к нему впервые. Он стоял совсем рядом, но казалось, находится очень далеко.

- Я могу уехать сегодня вечером? - спросила Александра.

- Одну минуту! - ответил полицейский, отворачиваясь и роясь в картонной коробке, стоявшей на заднем сиденье машины. Обернувшись, он протянул Александре небольшую розовую пластиковую карточку, запечатанную в прозрачный пакет с наклеенной бумажной этикеткой. - Посмотрите на фотографию, на всякий случай. Не видели вчера вечером эту женщину? На Эммаплейн, может быть? Или здесь, на Конингслаан?

Это были водительские права образца стран Евросоюза. В левом нижнем углу, под синим флагом со звездным кругом, располагалась черно-белая фотография размером с почтовую марку. Уже стемнело, но полицейская машина стояла прямо под фонарем, и Александра сразу увидела, кто изображен на фотографии. Она коротко вскрикнула, отчего полицейский отдернул руку с пакетом, впрочем, тут же вновь предъявив права ошеломленной женщине:

- Вы видели ее вчера?

- Да! - растерянно вымолвила Александра, оглядываясь на часовщика с Де Лоир. Тот, вырванный из своих грез ее вскриком, тревожно смотрел на художницу. - Это Варвара, Эльк!

Это Барбара ван дер Мекк!

- А, так вы с ней даже знакомы?! - воскликнул чрезвычайно оживившийся полицейский.

Его напарник, до сих пор державшийся поодаль, немедленно подошел, одергивая форменную куртку. Из окна кареты «Скорой помощи» выглянула девушка-врач, вопросительно поднимая жидкие русые брови. Все смотрели на Александру, а у нее было такое чувство, словно тротуар сделался мягким, как свежий марципан. Эльк уже стоял рядом, его рука поддерживала ее под локоть, иначе художница могла бы не удержаться на ногах. Мир слегка накренился - вечерняя улица, плавный ряд фонарей, серый бархат сумеречного неба...

Антиквар с Де Лоир также взглянул на права, замер на миг и быстро заговорил по-голландски, то кивая на Александру, то указывая в сторону Эммаплейн. Инспектор с напарником слушали его, не перебивая. Оборвав речь на полуслове, Эльк обернулся к женщине:

- Плохо! Теперь тебе придется задержаться до завтра... Они настаивают.

- Что с ней случилось? - Александра не сводила взгляда с запертых дверей черного фургончика, за которыми, как она подозревала, находились носилки с телом. Ее бил крупная дрожь, руки и ноги заледенели, больше всего на свете хотелось погрузиться в горячую ванну. - Как она оказалась в парке? Она ведь тоже шла на вечер к Стоговски!

- Потом, потом, - бормотал Эльк, мягко, но настойчиво увлекая ее в сторону. Отведя женщину на такое расстояние от полицейских, что слышать их те уже не могли, он тихо заговорил. Александра была так ошеломлена, что до нее не сразу дошел смысл его слов. Поняв наконец, она нахмурилась:

- Я ничего не должна говорить о Барбаре? Но почему?

- Да потому что они тебя задержат! Неизвестно насколько! - У Элька от волнения побелели губы, он нервно морщился, поглядывая в сторону полицейской машины. - И что ты им хочешь рассказать? Что она шла к Стоговски? Я сам скажу. Что еще? Вся историю вашего знакомства? Ты представляешь вообще, к чему это может привести?

- Боже мой, - прошептала женщина. - В это невозможно поверить. Зачем она свернула в парк? Что с ней случилось?! Как она оказалась в канале?

- Вечером в парке с одинокой женщиной может случиться что угодно. - Эльк снова бросил быстрый взгляд в сторону полицейских. Те вполголоса совещались, также поглядывая в их сторону. Лиз де Бак, не примыкая ни к той, ни к другой группе, стояла чуть в стороне неподвижно, зябко стянув на груди полы расстегнутого пальто. - Да, это безопасный район. На моей памяти ничего здесь не случилось. Но видно, времена изменились...

Александра приложила ладонь ко лбу:

- Ужасно кружится голова. Значит, я никуда этим вечером не лечу...

- Боюсь, ты останешься в городе до завтра как минимум. - Эльк с тревогой вглядывался ей в лицо. - Видела бы ты себя... Надо что-то принять, не знаю, аспирин, может быть... И лечь в постель.

- Какой аспирин! - устало бросила Александра. - И какой смысл ложиться, все равно не усну.

Мы обязательно должны тут стоять, пока они разговаривают?

Она указала взглядом на полицейских. Эльк покачал головой:

- Да нет, конечно. Мы же не задержаны. Потом с нами свяжутся. Я сейчас скажу им пару слов. Все будет нормально!

Последнее заявление так резануло слух Александры, что у нее даже прекратилась головная боль. Она вопросительно взглянула на мужчину:

- Нормально? Я завидую твоему чувству юмора!

Эльк не преувеличивал: ему и в самом деле пришлось обменяться с полицейскими всего парой фраз. Он предъявил свои документы, что-то записал в телефоне, кивнул, довольно небрежно, не глядя, салютовал инспектору резко поднятой рукой и вернулся к Александре:

- Можем идти. Завтра утром, в десять, надо явиться в управление, но это формальность. Я за тобой заеду. Предлагаю закончить вечер как-то позитивно. Сходим куда-нибудь? Или на катере покатаемся?

- О чем ты, Эльк... - еле смогла выговорить Александра.

Тем временем служебные машины одна за другой отъехали от ворот парка. Теперь ничто не нарушало обычного сонного покоя Кониингслаан. Сонно сияли жемчужные фонари, неторопливо стрекотали велосипеды, иногда медленно проезжала дорогая машина. Над домом британского консула слабо покачивался вывешенный на флагштоке «Юнион Джек», что означало - консул сейчас в городе. Подошла наконец Лиз де Бак, которой на прощание также пришлось обменяться несколькими словами с инспектором.

- Кошмар! - резюмировала женщина, поднимая широкий, мужской подбородок. Ее голубые глаза при этом смотрели спокойно, нельзя было прочесть никаких особенных эмоций и во взгляде Элька. - Предлагаю пойти ко мне, пропустить по рюмочке вишневки. Впервые в нашем районе такое происшествие! Времена меняются к худшему.

- Я только что говорил то же самое, - любезно заметил Эльк. - Ну что, Саша?

- Я не могу сейчас ничего пить, - не слишком вежливо ответила Александра. - Я себя ужасно чувствую. Пожалуй, мне надо пройтись...

- Как хотите! - после краткой запинки ответила Лиз. По всей видимости, она немного обиделась, хотя взгляд ее остался открытым, дружелюбным, а в голосе звучало сочувствие. - Я поняла, что вы ее знали? Ужасно. Я, к счастью, нет...

- Мы прогуляемся. - Эльк, не спрашивая согласия Александры, потянул ее в сторону Эммаплейн, прочь от ворот парка. - Спасибо, *мевроу*... Надеюсь, встретимся при более приятных обстоятельствах!

Лиз благожелательно кивнула и направилась к своему особняку, окна которого уютно светились в сумерках. Темными оставались только окна верхних этажей. Александра взглянула на них, обернувшись, и поняла, что ей вовсе не хочется возвращаться под гостеприимный кров Лиз де Бак. Ей так безмятежно спалось этой ночью, так тихо было в парке за окном, калориферы источали дремотное тепло, и даже часы тикали осторожно, словно боялись ее потревожить... «А под самыми моими окнами, в канале, лежал труп Вари!»

Александра испытывала острое чувство вины перед покойной, хотя не причинила ей никакого вреда за всю историю знакомства. Теперь она винила себя за то, что плохо думала о Варваре, критиковала ее манеры и вкусы, беспощадно высмеивала ее недостатки. «Пусть только про себя, но все же...»

- Это убийство? - обратилась она к Эльку.

Он, продолжая поддерживать свою спутницу под локоть, мягко, но настойчиво вел ее в сторону площади. Вдали промелькнул сине-белый трамвай, идущий в центр с окраины. Из глубины квартала донесся колокольный звон - в церкви начиналась вечерняя служба. Из булочной на углу вышла пожилая женщина, осторожно прижимавшая к груди бумажный пакет с покупками. За ней из распахнутой двери вырвалась дурманящая горячая волна сладких ароматов кофе и ванили. Женщина пошла навстречу Эльку и Александре, тихонько напевая себе под нос. Поравнявшись с ними, она неожиданно заговорщицки улыбнулась - тепло и обезоруживающе, как умеют улыбаться только амстердамцы, неизвестно почему вообразившие, что они проникли в вашу сердечную тайну. Александра с изумлением почувствовала ответную улыбку на своих губах. Только что она говорила о смерти, и казалось, еще долго не сможет улыбаться, но вот - случайный привет незнакомого человека вернул ей эту способность. Художница в очередной раз поразила тому, как странно все переплетено в этом городе, полностью подчиняющем людей своей двусмысленной магией. Женщина с пакетом прошла мимо, дверь булочной, звякнув колокольчиком, медленно закрылась. Внезапно налетевший порыв ветра грубо смял заледеневшие желтые нарциссы, стынущие на перекрестке в деревянном ящике с землей. Эльк шумно вздохнул.

- Это убийство? - повторила Александра. - Что тебе сказали?

- Ничего. Завтра, надеюсь, узнаем больше, - ответил мужчина, сохраняя фаталистическое спокойствие. - Хотя я не горю желанием услышать подробности. Она, наверное, пошла к Стоговски после аукциона пешком, выбрала дорогу через парк. Решила подышать воздухом...

- Или кто-то пригласил ее в парк на свидание, - внезапно перебила его художница. Эльк, остановившись под фонарем, удивленно вглядывался в ее лицо:

- Почему ты так решила?

- Она собиралась с кем-то поговорить о Наде... Так она мне сказала на аукционе, на прощание. Да ведь и ты при этом был!

- Я этого не помню, - покачал головой Эльк. Свет фонаря, падая сверху на его лицо, оставлял глаза в глубокой тени, зато царапина выступала особенно отчетливо. - Честно говоря, я просто оглушен этой новостью. Конечно, мы не были друзьями, не были даже партнерами по бизнесу. И все же столько лет рядом на Де Лоир... Никто еще не знает, думаю.

- Куда мы идем?

Опомнившись, Александра обнаружила, что они остановились прямо напротив особняка Елены Ниловны. Светились окна только на первом этаже. Белые муслиновые занавески были раздернуты, и отчетливо виднелись вишневые обои гостиной, где вчера собиралось общество.

- Я хочу предупредить Стоговски о том, что случилось, - решительно заявил мужчина. - Они с Барбарой дружили.

- А полиция не будет в претензии, что мы ее известили? - осведомилась Александра. Она

подняла взгляд – круглое окно чердачной комнаты было темно. Оно смотрело подслеповато, как близорукий глаз, в нем отражался свет фонаря, горевшего напротив дома.

– Какие могут быть претензии? – свободно отозвался Эльк, отворяя калитку. – Я никому не давал обязательств хранить молчание. И потом...

Уже стоя в дворике, он обернулся, делая пригласительный жест, и с усмешкой добавил:

– Я рискну поспориться со всей полицией города, но не со Стоговски! Она будет очень зла, если узнает, что я все знал и не предупредил ее. А она узнает!

Хотя на этот раз их не ждали, горничная, все та же молоденькая блондинка, открыла им дверь немедленно, с самым радостным видом. Эльк обменялся с девушкой несколькими приветственными фразами в шутовском тоне, и горничная умчалась докладывать об их приходе. Помогая Александре раздеться, антиквар пояснил:

– Я ведь вчера здорово погнул колесо на ее велосипеде! Хотел заплатить за новый, но она отказалась и взяла денег только на ремонт. И то тайком от хозяйки.

– Тайком? – Женщина оглядывала знакомую обстановку передней. Здесь ничего не изменилось со вчерашнего вечера, лишь исчезли груды одежды на вешалках да дверь в зимний сад в дальнем конце была полуоткрыта. Она слегка покачивалась от сквозняка, оттуда тянуло ночным холодом. – Почему тайком?

– Госпожа Стоговски строго запрещает прислуге брать вознаграждение от гостей, – пояснил Эльк. – В моем случае речь идет не о чаевых, а о возмещении ущерба, но девушка все равно опасается.

– Госпожа Стоговски строго запрещает прислуге брать вознаграждение от гостей, – пояснил Эльк. – В моем случае речь идет не о чаевых, а о возмещении ущерба, но девушка все равно опасается.

Он добавил короткую фразу по-голландски и тут же ее перевел:

– Плох тот хозяин, который не кормит сам свою собаку. Грубо, но верно. Такого порядка, как в этом доме, я нигде в Амстердаме не видел. Наверное, и не увижу...

Антиквар говорил со сдержанной насмешкой, сквозь которую сквозило восхищение. В этот миг на лестнице показалась горничная. После короткого обмена фразами Эльк повернулся к Александре:

– Оказывается, у Стоговски гости, это очень кстати! Здесь Анна с отцом. Обсудите с Дирком свои дела, раз уж вылет сорвался...

Александра больше не задавала вопросов – она молча двинулась вслед за своим спутником вверх по крутой лестнице и вошла в его сопровождении в маленькую синюю гостиную.

Елена Ниловна сидела в том самом вольтеровском кресле, где вечером потеряла сознание Анна. На этот раз великолепных драгоценностей на дряхлой хозяйке дома не оказалось, и ее облик лишился из-за этого устрашающей, inferнальной нотки. Теперь это была просто очень старая и очень хрупкая женщина. Она куталась в серый плед, на голове был накручен пестрый шарф, какие вяжут экономные хозяйки из остатков шерсти. Иссохшие ноги, торчавшие из-под

подола фланелевого платья, были обуты в мягкие туфли из овчины и стояли на истертой бархатной скамеечке.

Камин был вычищен от золы и топился вовсю. Рядом с ним стояла Анна в своем скромном траурном платье, босиком. Девушка курила, пуская струйки дыма в очаг, откуда их тут же уносило потоком тяги. Ее отец сменил траурный костюм на повседневный вариант: джинсы и черный свитер. Все дружно приветствовали вошедших.

Елена Ниловна немедленно обратилась к Александре по-русски:

- Вот молодец, что пришла! Я вчера на тебя обиделась, так и знай. Это что, в Москве так принято - уходить, не прощаясь? Я не люблю этого!

- Нет-нет! - Александра виновато улыбнулась, подходя к старухе и склоняясь над креслом. Она собиралась только пожать протянутую ей навстречу слабую морщинистую руку, но Елена Ниловна неожиданно резко подалась вперед и с силой, которую невозможно было предположить в этом иссохшем теле, обняла русскую гостью:

- И не вздумай убегать опять, не предупредив! У меня для тебя есть дело! Заработаешь, и неплохо!

Элк тем временем шептался с Дирком и Анной. Все трое сгрудились у камина, сблизив головы. Поймав брошенный в ее сторону внимательный взгляд Дирка, испуганный - его дочери, Александра поняла, что им уже известно о случившемся. Елена Ниловна тем временем окончательно разнежилась. Забыв о других гостях, она говорила по-русски:

- Ты мне сразу понравилась, дорогая. Ты немножко сумасшедшая, правда?

- О, ну если вы так считаете... - несколько растерянно рассмеялась Александра. На душе у нее скребли кошки, смех вышел сдавленным. - Вообще я всегда старалась совершать только разумные поступки, но получалось неважно...

- Ну-ну, я людей вижу насквозь! Ничего ты не старалась! - оборвала ее старая дама. Она говорила резко, но доброжелательно, тусклые глаза неотрывно смотрели на художницу, словно о чем-то безмолвно спрашивая.

Троица у камина тем временем закончила совещаться. Элк, чьи обычно бледные щеки слегка зарумянились не то от волнения, не то от близкого открытого огня, подошел к креслу, где покоилась хозяйка дома.

- Саша, ты уже все рассказала? - спросил он по-английски. Александра молча покачала головой. Елена Ниловна страшно встревожилась. Вцепившись в подлокотники узловатыми пальцами, она хищно всматривалась в лица стоявших рядом людей.

- Что? В чем дело? - Начав по-русски, она тут же перешла на голландский.

Стоговски спрашивала, Элк послушно отвечал с видом первого ученика в классе, вызубрившего урок. Дирк с Анной подошли ближе, но в разговор не вмешивались. Девушка поймала взгляд Александры и улыбнулась ей уголком губ. Вид у нее был безмятежный, словно вчера не ее били по щекам, приводя в себя, тащили вниз по лестнице под руки и в бессознательном виде усаживали в машину к врачу. Ни тени смущения - удивительная прозрачность спокойных синих глаз, на дне которых мелькали отраженные язычки пламени, легкий румянец на высоких скулах. Ее отец выглядел расстроенным и встревоженным, Анна

же вела себя так, словно ничего исключительного не происходит.

Наконец страшная новость была сообщена Елене Ниловне во всех интересовавших ее подробностях. Старуха глубоко вздохнула, из ее впалой груди вырвалось хриплое клокотание. Она взглянула на Александру и заметила по-русски:

- Вот как бывает. Старое живет, а молодое умирает. Ей ведь было всего пятьдесят два года! - И, обведя взглядом лица стоявших рядом людей, мрачно присовокупила: - Ты, Саша, одна тут расстраиваешься из-за того, что Варька умерла. Этим все равно. Ты не смотри, что они стоят с постными рожками! Они родных отца-мать в богадельню спровадят, а на похоронах будут глаза платочком утирать... Я эту публику очень хорошо знаю. Ты что же, с этим сошла?

Без всякого стеснения она ткнула пальцем в Элька. Часовщик, не понимая, о чем речь, на всякий случай натянуто улыбнулся. Александра, чувствуя, что у нее начинают пылать щеки, сдержанно ответила:

- Всего нет. У нас просто общие дела...

- Расскажи эту сказку кому-нибудь еще, - отрезала старуха. - Такие вещи я вижу сразу. Не связывалась бы ты с ним! И какие у вас могут быть дела, хотелось бы мне знать! Варька вчера рассказала о тебе много хорошего, а покойница ни о ком хорошо не говорила! Так что сейчас я этих выставлю вон, а мы с тобой посеCRETничаем...

Елена Ниловна не выглядела сильно расстроенной, более того - ее глаза заметно оживились, на бескровном лице появились краски. Казалось, известие о смерти Варвары ее воодушевило, придав сил. Вошла горничная, неся на подносе чашки и кофейник. Она поставила поднос на каминную полку, и Анна, все еще улыбаясь уголком рта, принялась разливать кофе. Александра приняла чашку, но пить не могла. Ей казалось, что происходит нечто неестественное, скверное. Люди, собравшиеся в маленькой синей гостиной, пили кофе, болтали, понизив голоса из приличия, словно в дань уважения памяти покойной... Но Анна уже смеялась, ее отец с аппетитом грыз печенье острыми мелкими зубами, и Эльк держался со своей обычной непринужденностью. А у Александры перед глазами все стояла маленькая розовая карточка с фотографией Варвары. «Она говорила обо мне хорошо за глаза... Варвара ни о ком никогда не говорила хорошо!» Мысль, что она не ценила должным образом расположение погибшей, угнетала художницу.

- В смерти самое ужасное то, что ничего нельзя исправить! - словно прочитав ее мысли, заметила Елена Ниловна, покачивая тюрбаном, скрученным из шарфа. - Я многих, очень многих хоронила, так что устала горевать... А ты не расстраивайся. Всем нам будет лучше там!

И многозначительно указала пальцем на потолок. Потом, разом потеряв интерес к теме смерти, перевела взгляд на купленную вчера «Мастерскую художника»:

- Что скажешь? Мне твое мнение интересно.

- Великолепно, по-моему, - осторожно ответила Александра.

Старуха тускло улыбнулась, словно ответ ее нимало не удовлетворил:

- Брось, это пустые слова. Как считаешь, может картина быть подлинником? Александра, поколебавшись, проговорила:

- Варвара в этом сомневалась...

- Варя, прости господи, была дура! - твердо заявила Елена Ниловна. - Даже в своих табуретках не разбиралась, не то что... Ну, твое мнение? Может этот лоскуток быть настоящим?

Несмотря на угнетенное состояние духа, Александра улыбнулась:

- Если это подделка, то очень убедительная... А остальное можно сказать только после экспертизы. Но Бертельсманн ведь всегда предоставляет паспорт за подписями экспертной комиссии? Это входит в стоимость услуг, я слышала?

- Еще бы не входило! - фыркнула Елена Ниловна, натягивая плед почти до подбородка. Она мерзла, по всей видимости, хотя в комнате было очень тепло. - Бертельсманн дерет три шкуры с живого и с мертвого. Конечно, паспорт имеется, но чего стоят эти заключения! Они все купленные. И шумиху тамошние господа умеют устраивать, разжигать покупателей. Они этим кормятся! Будь спокойна, тут веками учились обманывать нашего брата! Вот, купила Хальса, посоветовали *добрые люди*... - Последние слова Елена Ниловна выговорила с таким зловещим выражением, что Александра не позавидовала этим *добрым людям*. - Теперь сама дивлюсь, зачем взяла... Как считаешь, за сколько его можно в Москве продать?

«Вот мы и подошли к делу!» - подумала Александра. Делая вид, что она поглощена разглядыванием шедевра Франса Хальса, художница медленно смаковала остывающий кофе, не чувствуя ни вкуса, ни запаха.

- Ты же была на аукционе, видела, какая возня поднялась вокруг картины! - Елена Ниловна бросила быстрый взгляд на остальных гостей. Те вновь шушукались, образовав группку в углу гостиной, поодаль от разговаривавших по-русски женщин. - Можно отлично заработать! Эй! Ты что, спишь?

- Ты же была на аукционе, видела, какая возня поднялась вокруг картины! - Елена Ниловна бросила быстрый взгляд на остальных гостей. Те вновь шушукались, образовав группку в углу гостиной, поодаль от разговаривавших по-русски женщин. - Можно отлично заработать! Эй! Ты что, спишь?

Александра, вздрогнув, перевела на нее взгляд:

- Я думаю... Попробую предложить в Москве нескольким людям. Ничего сейчас гарантировать нельзя, правда...

- В случае чего процент обычный, - бросила Елена Ниловна. - Я никому не плачу больше десяти! - Я обычно получаю пятнадцать-двадцать... - несмело возразила Александра. Старуха раздраженно вздернула тощие плечи:

- Милая моя, если ты докажешь, что с тобой можно иметь дело, - поторгуемся! Пока же, ничего от тебя еще не увидев, не могу предложить больше десяти процентов. И то делаю это из уважения к покойной Варе... Иначе дала бы семь!

Эльк, оставив своих друзей, вновь приблизился. На этот раз он обратился к Стоговски по-английски - в этом доме, как в портовом баре, смело мешались все языки:

- Извините, что поднимаю эту тему, но Саша должна уехать завтра в Москву, а хотелось бы прежде выяснить, что случилось... Вчера, когда она была у вас в гостях, из ее сумки пропало письмо.

Антиквар произнес все это на едином дыхании, самым невинным, нейтральным тоном. Александра не успела вставить ни слова – Эльк повернулся и вновь отошел к камину.

Реакция Стоговски была поразительная – ее лицо помертвело, голова запрокинулась на спинку кресла, словно мышцы шеи разом ослабли. Тусклые глаза по-прежнему остались непроницаемыми, давным-давно утратив способность выражать эмоции, но увядший рот выразительно скривился. Повисла тягостная пауза, нарушаемая только треском сыроватых дров в камине. Елена Ниловна глубоко вздохнула – раз, другой... Внезапно выпрямившись в кресле, старуха уставилась на Александру колючим, зорким, пронзительным взглядом и осведомилась по-русски, громко и резко:

- Что за письмо? В нем были деньги?

- Нет, просто записка, ее написала моя подруга, которая жила тут, в Амстердаме, – смутившись, ответила женщина.

- Кому нужна эта записка? – парировала та. – Может, ты выронила?

- Нет, этого не могло быть, – упрямо ответила Александра. – Письмо исчезло, когда я была у вас в гостях. Моя сумка осталась в передней... Я никого не обвиняю, но что случилось, то случилось.

- Ты что-то темнишь! – после краткой паузы заявила старуха. Ее взгляд словно обыскивал лицо Александры, и та невольно прятала глаза. – Что за письмо? Чем оно так ценно? Там документы? Какие-то важные сведения?

- Там всего несколько слов, – покачала головой Александра. – *«Отель «Тоledo», номер сто три А»*.

Елена Ниловна сдвинула жидкие клочковатые брови:

- И что же это за отель? Никогда не слышала о таком.

- Я тоже хотела бы узнать, что это за отель! – Александра была очень разочарована, видя, что название не произвело на Елену Ниловну никакого впечатления. – Судя по всему, было важно, чтобы я нашла его. Но никто не знает, где он. Эльк сказал, возможно, отель мог сменить название...

В этот миг в дверях появилась горничная с новым кофейником. Старуха сделала ей знак, девушка приблизилась. Елена Ниловна заговорила по-голландски, тихо, неторопливо, монотонно, как будто совсем без эмоций. Но лицо молоденькой блондинки, простое и приветливое, разом изменилось. Девушка слушала изумленно, жалобно подняв брови домиком, округлив розовые губы, словно пытаясь выдуть мыльный пузырь. Группа у камина притихла и прислушивалась к монологу Елены Ниловны. Наконец старуха замолчала и красноречивым жестом указала на столик возле камина. Девушка, прямая как струна, прошла к нему, поставила кофейник и молча удалилась, прикрыв за собой дверь. Александра с ужасом увидела застывшие в ее коротких голубых глазах слезы.

- Если это из-за меня, то не стоит... – проговорила она.

- В моем доме пропала вещь гостя, – ледяным, менторским тоном оборвала ее Елена Ниловна. – Я не потерплю этого. Пусть ищет письмо. Где угодно, хоть в мусоре. Не найдет – уволю, и потом ее не наймут в этом городе ни в одну приличную семью. Я за этим прослежу!

- Но понятно же, что девушка письма не брала! - воскликнула Александра, угнетенная тем, что из-за нее разыгралась такая драма. - Оно ей не нужно! К тому же письмо было написано по-русски! За что так жестоко наказывать девочку?

- А это уж мое дело, как и за что наказывать прислугу! - отрезала Елена Ниловна. Она говорила все еще негромко, но ее тон сделался угрожающим. Тусклые глаза смотрели на Александру мертво, с жутковатой внимательностью, как глаза засушенной стрекозы. - Я все-таки постарше тебя, *моя дорогая*...

Это «*моя дорогая*» было словно сплетено из колючей проволоки. Александра поежилась, ощутив колющий жар в груди и в позвоночнике. К ним приблизились все трое. Эльк шутливо поддел Александру под локоть:

- Сплетничаете?

- Если бы! - ответила Александра. - Эта история с письмом... Горничную хотят уволить!

- В самом деле?... - с досадой протянул Эльк. - Но мы с тобой еще не заглядывали в отель, ты могла его выронить! - И тут же, словно забыв о своих словах, легким тоном добавил: - Я собираюсь тебя похитить, Саша! Дирк предлагает кое-что обсудить... Разговор серьезный. Поедем, поужинаем где-нибудь втроем?

- А я? - немедленно спросила Анна.

- Ты сейчас же вернешься домой, выпьешь молока и ляжешь спать! - шутливо ответил Эльк.

Дирк шепотом бросил дочери что-то куда менее приятное, судя по тому, как изменилось выражение лица Анны. Оно вдруг сделалось жестким, и Александра с удивлением поняла, что эта красавица может выглядеть отталкивающе. Впрочем, спорить Анна не стала. Слегка пожалв изящными плечами, она отвернулась и отошла к окну, словно ее вдруг что-то заинтересовало на улице. Елена Ниловна кивнула, заметив по-английски:

- Вы поезжайте в ресторан, а Сашу я пришлю позже, на такси. Адрес оставьте горничной. Анну тоже до дома довезут.

С ней никто не спорил, хотя угол рта у Элька заметно дернулся. Мужчины попрощались и галантно расцеловали морщинистые руки хозяйки. Дирк приветливо улыбался Александре, она отвечала заготовленной улыбкой... Но хотя от этого человека зависело ее дальнейшее московское существование, художница отчего-то была не в силах радоваться. Она вдруг, словно воочию, увидела Варвару. Та встала рядом, на фоне синей стены, увешанной картинами, в своем неизменном голубом бархатном пиджаке, в рубашке с жабо из пожелтевших кружев, в которые была наискось воткнута булавка с рубиновой головкой, похожей на каплю крови. Варвара не трещала по своему обыкновению, а молча чего-то ждала, слегка склонив голову набок, отчего ее лицо наполовину закрыли волосы. Видение было настолько отчетливым, что Александру передернуло, словно от близости чего-то чуждого, жуткого в своей явности.

- Ты тоже мерзнешь, - заметила ее движение Елена Ниловна. Они остались одни - Анна пошла проводить мужчин. - И я зимой сама не своя. Не хотелось бы умереть зимой... - Старуха испустила скрипучий смешок. - Жить лучше с молодым мужем, а помирать лучше летом! - заключила она, даже как будто не совсем в шутку. - Ты-то не замужем? Не отвечай, по глазам вижу, что одна. На Элька не рассчитывай, он никогда не разведется. Этот слишком долго не решался жениться, все высчитывал. У него сердца нет, это деловой человек, автомат. Не люблю таких. По мне, пусть мужчина будет дурак дураком, женится пять раз, глупостей

натворит, пусть пьет, пусть врет – все можно простить, главное, чтобы добрый был! А мне всю жизнь попадались умные подлецы... – Она хохотнула. – Да сядь, что стоишь! Я не люблю, когда рядом что-то маячит...

Александра молча придвинула стул и присела рядом с креслом, где покоились эти циничные, хихикающие мощи, завернутые в плед. Елена Ниловна продолжала:

– Поговорим о делах! О мужчинах вовсе говорить не стоит, это пустой разговор, для дурочек. Мужчины все одинаковые, поверь моему опыту. Есть чуть лучше, чуть хуже, но без них можно прожить, а без денег нельзя. Как ты считаешь?

– Согласна. – Александра невольно улыбнулась. – Деньги мне сейчас очень нужны.

– Ну вот. – Выпростав из складок пледа руку, старуха с удовлетворением похлопала собеседницу по колену. – И мне нужны. Мое предложение ты услышала – попробуй продать этого Хальса. Разрешаю сфотографировать... Да, впрочем, возьми у меня каталог Бертельсманна, Хальс там со всеми регалиями и экспертными заключениями. У тебя ведь нет каталога?

– Он мне сейчас не по карману, – призналась Александра. – С удовольствием возьму, конечно.

– Насчет суммы договоримся, очень дорожиться не стану, мне хочется наверняка продать! – Елена Ниловна говорила ласково и спокойно, словно по писаному. Казалось, она заранее продумала каждую фразу. – Вот я всегда так – сперва мне нужно, уж так нужно, пополам готова порваться, только бы свое получить! А потом и глаза бы не смотрели. Потому и замужем была столько раз!

Александре вспомнились слова Варвары о том, что всех мужей Елена Ниловна умудрялась хоронить, неизменно вступая в права наследства.

– Хальса я купила из сентиментальных соображений... – Елена Ниловна разглядывала картину, о которой шла речь, с таким деревянным бесчувствием, что ее признание в собственной сентиментальности казалось насмешкой. – У меня к нему особенные чувства. Он – совершенство, ведь так, Саша? Он всегда был безупречен. И в дни славы, богатства, и в дни забвения. В богадельне, в Хаарлеме, почти забытый, нищий, больной, он создавал портреты, достойные его лучших дней... Он до конца оставался Франсом Хальсом, великим Франсом Хальсом, независимо от того, платили ему за картину золотом или парой чулок и кисетом табака! Понимаешь, о чем я?

Голос старухи неожиданно потеплел, в глазах, обращенных теперь к Александре, блеснула искра, пробившаяся из-под многолетних наслоений бесчувственного пепла. Художница кивнула:

– Да. Он великолепен...

– Так продай эту картину, – неожиданно заключила Елена Ниловна. – Теперь что касается смерти Вари...

Переход был таким неожиданным, что Александра на миг почувствовала себя оглушенной.

– Обо мне в Амстердаме говорят плохо, меня здесь ненавидят... – спокойно продолжала Елена Ниловна. – Это потому, что мне должны многие, а я – никому! И я не позволяю себя надувать.

Ты тоже будь начеку с этими двоими! – Она сделала жест в сторону открытой двери. – За ужином не пей много, слушай, а не болтай. Это – мошенники. Я их знаю как облупленных.

– То есть... с ними нельзя иметь дела? – пробормотала ошеломленная Александра.

Елена Ниловна скривила губы на сторону, словно от зубной боли:

– Да наоборот! С мошенниками на пару можно отлично заработать, это от честных одни проблемы! Но будь настороже. Обо мне они будут говорить только гадости. Признайся, Эльк уже постарался?

Александра отрицательно помотала головой. Елена Ниловна рассмеялась:

– Деточка, ты для меня – открытая книга! Наболтал, конечно. Да мне все равно. Я лучше первая тебе кое-что скажу насчет Вариной смерти, чтобы эти стервятники не насплетничали! Ты ведь знаешь, Варя была вся в долгах, отдавать было уже нечем, кредитор подал на нее в суд? Этот кредитор – я!

И Елена Ниловна причмокнула, словно отведав что-то необычайно вкусное и сочное. Она с удовлетворением наблюдала за ошеломленным лицом собеседницы.

– Я подала на нее в суд, потому что Варя окончательно запуталась и не могла расплатиться, – продолжала она после короткой многозначительной паузы. – Собственно, я могла это сделать несколько месяцев назад, но осенью появилась надежда, что Варя заработает... Я сама натолкнула ее на одно дело с верными людьми. Но она потеряла хватку, всего боялась. А в нашем деле робость вредна... Иногда смертельна!

Старуха закивала, словно восхищаясь собственными глубокомысленными высказываниями:

– Ты видела, милая, когда-нибудь, как волки едят в зоопарке? Не ножом и вилкой, нет. Когтями, зубами рвут! Так вот, она сунулась к волкам с ножом и вилкой, и у нее ничего не вышло. Терять деньги глупо, вот я и подала в суд. Да, я нанесла ей удар... Но последний удар, как видишь, нанес кто-то другой! – Елена Ниловна сделала отрицательный жест указательным пальцем, что-то зачеркивая в воздухе. – Я защищала свои интересы. Я уже стара, надеяться мне, кроме денег, не на что. У стариков нет друзей, запомни! Иначе не гнило бы столько нашего брата по богадельням и больницам! Ну что ты так смотришь?

Александра, не осознавая, что она смотрит как-то особенно, часто заморгала. Старуха рассмеялась:

– К чему я все это тебе говорю, душа моя... Сейчас за ужином тебя начнут обрабатывать. В том числе на мой счет. Спросят, какое поручение я тебе дала. Этим двоим все надо знать! Ты им скажи, не бойся. Я разрешаю. Пусть их перекосят от злобы! – Елена Ниловна с удовлетворением кивнула. – Они начнут тебя отговаривать, рассказывать про меня ужасы. Могут даже приплести судебный процесс против Вари... А могут...

Старуха сощурилась, сверля замершую слушательницу пронзительным взглядом из-под вялых век.

– Могут сказать, что я способствовала ее смерти. Меня в чем только не обвиняли... Даже приписывали смерти всех моих мужей! Слышала об этом?

– Успела услышать краем уха, – призналась Александра. – Знаете, я оглушена смертью

Варвары. Но после того, что вы мне сейчас сказали, ясно одно: кто бы ее ни убил, виноваты не вы. Так что рассказывать мне о вас теперь можно что угодно.

- Почему же ты так решила, милая? - ласково осведомилась старуха.

- Вам ее гибель невыгодна, - спокойно пояснила художница. - Кто с вами теперь расплатится?

- Умница! - победоносно кивнула старуха. - Я в тебе не ошиблась. Ты самую суть поняла.

- А на что же она занимала деньги, в секрете от мужа? - спросила Александра, решив, что между нею и хозяйкой особняка уже возникли некоторые доверительные отношения. - Она не говорила?

- Как же, что-то врала! - легко откликнулась старуха. - Торговля мебелью сейчас в застое, она решила переключиться на фарфор. Осенью здесь, в Амстердаме, творились интересные дела. Как из-под земли появилось несколько больших собраний, о которых никто прежде не слышал. Я-то по фарфору не эксперт, да я вообще не эксперт... И не коллекционер, честно говоря!

Старуха мелко, тускло рассмеялась, словно рассыпав бусы из фальшивого жемчуга.

- Но авторитетные экспертизы показали, что фарфор настоящий. Вот, например, вчерашние «Дети садовника» - из этой же истории! Откуда они вдруг взялись? Неизвестно. Как из воздуха! А какие замечательные отзывы! Правда, одного эксперта я в грош не ставлю, за деньги подпишет что угодно. Я все понимаю, кризис, только нужно ведь и меру знать... - Елена Ниловна тяжело вздохнула. - Все стоит денег, милая, и ложь тоже... Но дороже всего стоит смерть! А двое остальных экспертов уже мертвы. Этим даже я бы поверила... Жаль. - Елена Ниловна вновь вздохнула, покачав головой. - Завидовать грешно, а грешить мне уже поздно, но я позавидовала вчера Дирку. Настоящая серия или поддельная - мне все равно, но деньги прокрутились большие, и Дирк наварит еще, или я его не знаю. Будь с ним осторожна, слышишь?

И Александра, вконец оглушенная этими наставлениями, клятвенно пообещала быть осторожной. Елена Ниловна послала ее кликнуть горничную. Девушка прибежала на зов незамедлительно. Ее лицо порозовело от слез, глаза смотрели беспомощно. Она выслушала Стоговски, исчезла, тут же вернулась с большим каталогом аукциона Бертельсманна. На Александру девушка старалась не смотреть. Стоговски бросила еще пару фраз, и девушка словно растворилась в сумраке и тишине большого дома.

- Не увольняйте ее, прошу вас! - проговорила Александра, с благоговением перелистывая роскошный увесистый каталог. - В сущности, письмо могло потеряться где угодно.

Елена Ниловна, глубоко утонув в кресле, закрыла глаза. Притворялась хозяйка особняка задремавшей или в самом деле ее сморила старческая слабость, было непонятно. Александра склонялась к мысли, что это хорошо разыгранный спектакль. Сунув каталог под мышку, она бросила прощальный взгляд на картину Хальса. В мягком свете, сочившемся сквозь золотистые хрустальные плафоны, полотно выглядело более чем настоящим. Впрочем, это ни в чем не убеждало художницу. Она привыкла к тому, что подделки зачастую выглядят убедительнее оригиналов.

Глава 10

Горничная ждала ее за дверью гостиной. Тихо, не поднимая глаз, девушка сообщила по-английски, что такси ждет. Но Александра медлила.

- Мне очень жаль, - сказала она, так и не придумав, чем утешить девушку. Художница страшно жалела о ретивости Элька. - Надеюсь, письмо найдется.

Горничная встретилась с ней взглядом и тут же отвела его. Она явно колебалась, и Александра, видя это, не торопилась спуститься по лестнице.

- Вы что-то видели вчера вечером?

Художница задала этот вопрос, даже не повинувшись мгновенному порыву - слова будто выскочили сами. Девушка покачала головой, но быстрое дрожание ее век убедило Александру в том, что вопрос попал в цель. Горничная что-то знала и боялась сказать.

- Кто-то рылся в моей сумке, вы видели это! - Теперь Александра говорила утвердительно.

- Не-ет... - протянула девушка. Смотреть на нее было жалко, но художница не сдавалась:

- Видели! Вы боитесь назвать этого человека? Послушайте... Сделаем так. Вы скажете мне, кто это, а я скажу вашей хозяйке, что письмо нашлось. Никто ничего не узнает! Тот человек тоже!

- Нет-нет, - быстро ответила горничная. Ее влажные глаза блестели от слез и волнения. - Я ничего не видела. Вас такси ждет.

- Вам нечего бояться! - уверенно заявила Александра. - Хорошо, я попробую сама. Это Анна? Девушка, которая сейчас была в гостях?

Она сама не знала, почему назвала Анну. Перед ее внутренним зрением мелькнуло лицо белокурой девушки, бесстрастное и наивное. Сейчас эта неземная непроницаемость казалась художнице маской. «Фальшивые шедевры часто бывают убедительнее настоящих...»

- Вам нечего бояться! - уверенно заявила Александра. - Хорошо, я попробую сама. Это Анна? Девушка, которая сейчас была в гостях?

Она сама не знала, почему назвала Анну. Перед ее внутренним зрением мелькнуло лицо белокурой девушки, бесстрастное и наивное. Сейчас эта неземная непроницаемость казалась художнице маской. «Фальшивые шедевры часто бывают убедительнее настоящих...»

- Нет! - воскликнула горничная. Ответ был мгновенным и по всей вероятности, правдивым. Девушка была слишком молода и слишком взволнованна, чтобы умело, расчетливо лгать.

- Но кто-то же взял письмо? Женщина? Мужчина?

Не выдержав, девушка отвернулась и принялась карабкаться по лестнице в мансарду. Дверь наверху на этот раз была отперта. Александра, поколебавшись всего секунду, положила увесистый каталог на нижнюю ступеньку и последовала за горничной.

Комната, в которой она оказалась, переступив порог, была обширной, но словно сдавленной с двух сторон крутым кровельным скатом. В дальнем конце виднелось единственное круглое окно, то самое, в котором вчера вечером Александра заметила так взволновавший ее знакомый силуэт. Вдоль скошенных стен тут и там стояли коробки, ящики, чемоданы. Горничная, оглянувшись с затравленным видом, сделала отрицательный жест, словно показывая, что

ничего говорить не станет. Она схватила большую плетеную корзину, стоящую возле перевернутой гладильной доски, и поставила ее посреди мансарды. Намеренно не глядя на Александру, девушка расхаживала из стороны в сторону, снимая белье, сушившееся на струнах под потолком, и укладывая его в корзину. Женщина, остановившись у входа, следила за ней молча, пока у нее не лопнуло терпение. Это случилось через минуту.

- Значит, вы так боитесь этого человека, что предпочитаете потерять место?

- Я не понимаю, - ответила девушка, повернувшись спиной. Ее голос прозвучал глухо. Она нервными движениями складывала негнущуюся, перекрахмаленную и пересохшую скатерть. Полотно ломалось на сгибах с хрустом, как галета. - Не понимаю.

- Понимаете! - отрезала Александра. - И боитесь. Или вам запретили говорить? Хотя бы - мужчина или женщина?

Осененная внезапной догадкой, от которой у нее запылало лицо, она сипло выдавила:

- Эльк Райнике?!

Александра как наяву видела сейчас крошечный дворик перед входом в особняк Стоговски, себя у калитки, Элька на крыльце. «Он вынес мне куртку и сумку, когда я захотела уйти. Он вынес вещи, а эта девушка шла за ним по пятам, с зонтом... Она могла заметить...»

Горничная обернулась. Свет единственной лампы, висевшей на коротком проводе под потолком, падал на ее лицо сверху, отчего лоб казался непомерно выпуклым, а глаза ушли в тень. Красноречивее всего на этом лице были сейчас губы - они поджались, сурово вытянувшись в нитку.

- Эльк Райнике? - повторила девушка, словно не веря своим ушам. - Нет, конечно. Нет! Я никого не видела.

И вновь склонилась над корзиной, уминая уложенное белье.

- Но послушайте... - Александра начинала терять надежду. - Вы же сами себя выдаете, когда говорите, что это не Анна и не Эльк Райнике. Значит, вы знаете, кто это был!

- Не знаю, - упрямо ответила та.

- Раз не хотите говорить, то будете уволены, и я не смогу этому помешать. Очень жаль.

- Вас ждет такси! - вновь напомнила девушка, закрывая наполненную корзину крышкой и рывком поднимая ее с пола.

Держа свою ношу на весу, чуть перегнувшись набок, она теперь смотрела прямо в глаза художнице, внимательно и хмуро. От ее дежурного доброжелательства не осталось и следа. Александре вспомнилось, что говорил об Амстердаме Эльк. «Этот город молниеносно меняет маски... Это кружит голову, раздражает нервы. Многие ненавидят Амстердам за многоликость!» Александра глубоко вздохнула, словно просыпаясь от тяжелого сна:

- Простите. Я поеду, вы правы, такси ждет уже слишком долго.

Губ девушки коснулась тень улыбки. Глаза не улыбнулись - они смотрели все так же пристально, тяжело. Александра, не находя в себе решимости повернуться, уйти, а значит,

отказаться от шанса что-то узнать, еще раз обвела взглядом мансарду. В Москве, в доме на Китай-городе, в ее собственной мастерской не было никаких удобств. Углы там заросли паутиной, повсюду громоздился хлам, щелястые дощатые стены были насквозь прогрызены крысами, источены жучком... И все же там было по-своему уютно, на всем лежала печать человеческого присутствия. А это помещение казалось нежилым – ни тахты, ни кресла, ни стула. Негде было даже присесть на минуту.

- Кто-нибудь здесь живет? – спросила художница, берясь за дверную ручку. Она бросила взгляд вниз. С этой позиции хорошо была видна открытая дверь синей гостиной. Оттуда не доносилось ни звука.

- Никто! – Перехватив корзину поудобнее, девушка покачала головой.

- А вчера здесь была какая-то женщина, – возразила Александра.

- Вы ошибаетесь! – Горничная была захвачена врасплох этим утверждением. На этот раз испуганной она не выглядела, но была озадачена. – Здесь никто не живет. Сюда поднимаюсь только я, иногда!

- Женщина с такой вот прической! – Александра собрала над ушами короткие хвостики из волос, показывая, какая прическа была у тени в окне. – Это была та женщина, которая привезла в гостиную торт? В черном костюме, из кондитерской? Может, она переодевалась здесь?

Горничная смотрела на нее ошеломленно и испуганно. «Я кажусь ей помешанной! – догадалась Александра. – Она же попросту меня боится!»

- Нет-нет, – проговорила девушка, ставя корзину на пол и копаясь в накладных карманах короткого холщового передника, повязанного поверх джинсов. – Вот, видите ключ? Хозяйка только час назад дала его мне, чтобы я сняла белье. Вчера никто не отпирал чердак!

И она прокрутила на пальце кольцо, на котором был прицеплен ключ.

- Но кто-то здесь был! – возразила Александра. – Я видела кого-то в окне! Здесь горел свет! Возле окна стояла женщина... Она курила... Я очень хорошо ее видела!

Горничная смотрела на Александру так, словно с трудом понимала английский. Возможно, ее и впрямь смущало произношение гостыи – она пристально, с напряжением во взгляде следила за ее губами, когда художница говорила. Александра повторила:

- Здесь кто-то был! Кто мог вчера отпереть эту комнату?

- Если хозяйка дала кому-то ключ... – Произнеся эти слова, горничная вдруг запнулась, словно испугавшись чего-то. – Спросите у нее!

Осознав наконец свое бессилие, Александра сдалась:

- Хорошо, проводите меня, пожалуйста.

Радостно поставив корзину на пол, девушка поспешила выполнить ее просьбу. Уже в холле, набрасывая куртку, Александра предприняла попытку оставить горничной десять евро на чай. Та испуганно спрятала руки за спину:

- Нет-нет, прошу вас, нет! Я ничего не могу взять!

- Это такой пустяк! - настаивала художница. Она чувствовала себя очень неловко, мелкая бумажная купюра словно обжигала ей пальцы. - Тем более у вас неприятности из-за меня... И вчера Эльк Райнике сломал ваш велосипед тоже из-за меня...

- Мой велосипед?! - Горничная повторила эти слова, округлив глаза так, что стала похожей на сову, ослепленную ярким светом. - Велосипед?!

- Ну да, велосипед! - уже в отчаянии воскликнула Александра, невольно повысив голос. - Эльк Райнике брал у вас вчера велосипед, чтобы съездить по моему делу, и погнул колесо...

Она осеклась, видя, что окончательно сбита с толку девушка качает головой.

- Нет? - севшим голосом выдавила Александра. - Он не брал ваш велосипед?

- Я не понимаю, о чем вы говорите, - сказала горничная, не сводя с нее опасливого взгляда. - У меня никто не брал велосипед. Он не сломан.

В наступившей тишине особенно громко прозвучал стук извне - кто-то настойчиво, отдельно стучал в стекло входной двери. Девушка, что-то пискнув, поторопилась открыть. С крыльца заглянул коренастый мужчина в кожаной куртке, восточной наружности.

- Ваше такси! - с явственным упреком произнесла девушка, обернувшись к Александре. - Вы едете?

- Да. Конечно... Еду!

- Минуту! - бросившись к лестнице, горничная крикнула, обернувшись: - Вы забыли альбом!

Ее шаги быстро застучали по ступеням и стихли наверху. Женщина, слабо улыбнувшись мрачному таксисту, растерла ладонью занывший вдруг висок. Этот дом, одновременно респектабельный и богемный, традиционный и оригинальный, как и сама его хозяйка, производил на нее гнетущее впечатление и уже во второй раз вызывал острый приступ мигрени. Что-то двойственное, путаное было в этом доме на Эммаплейн, не отличимом от домов по соседству, таких же солидных, тихих, с замкнутой единообразной линией островерхих фасадов. Отсюда хотелось как можно скорее уйти.

Девушка вернулась молниеносно. Она протянула Александре каталог, присела, изобразив что-то вроде книксена, о чем-то спросила таксиста и шире распахнула дверь перед Александрой:

- Адрес я ему сказала!

Поблагодарив ее, Александра как во сне спустилась с крыльца. Она вдохнула холодный воздух, и горьковатый запах тумана, притекшего из парка, освежил ее мысли, которые словно болели. Закат давно догорел, над Старым Югом стояла ночь. Таксист распахнул перед ней дверцу, Александра уселась, прижимая к груди каталог.

Водитель попался молчаливый, и это было кстати. Художница чувствовала себя скверно и была совсем не расположена поддерживать пустой диалог на общие темы. Машина ехала в сторону центра, вокруг становилось все больше огней и прохожих, мелькали черные каналы с отраженной в них праздничной иллюминацией. «Что со мной? - спросила себя Александра,

глядя в окно, изумляясь той горечи, которая вдруг заполнила ее сердце. – Сегодня мы с Эльком были на Маркене... Разве я не думала никогда, что *это* случится? Думала! Лицемерно отмахивалась от этих мыслей и все же думала. Почему же я сейчас так несчастна? Откуда этот мрак на душе?» Художница пыталась отвлечься мыслями о предстоящей сделке с Дирком, представляя, как поправит свои финансовые дела, вспоминая о Москве... Но перед глазами у нее упрямо стояла Варвара такой, какой она была на аукционе – раскрасневшаяся, с бокалом белого вина в руке, с язвительной улыбкой на губах. Александре не верилось, что навсегда умолк ее изнуряюще монотонный стрекот, похожий на яростный крик цикад. «Она обещала что-то узнать о Наде... Она зачем-то пошла в парк и погибла как раз под моими окнами... Случайность? Эммаплейн рядом, в двух шагах.

Варвара могла свернуть в парк без всякой цели... Но ведь она даже не знала, что я живу в этом доме!»

Машина остановилась на перекрестке, пропуская трамвай и длинную череду велосипедистов. Александра, очнувшись, увидела за окном подсвеченный боковой фасад громадной готической церкви. Машина поравнялась с площадью Дам и была сейчас совсем неподалеку от того места, где вчера проходил аукцион. «Амстердам такой маленький, и люди ходят здесь одними и теми же тропами, сколько раз я убеждалась в этом!» Машина тронулась, гроздя светящихся гирлянд, развешанных на оголенных ветвях деревьев, замелькали за окном, слившись в огненную кружевную полосу. «Вот и она случайно погибла у меня под окнами... Если бы я была дома, могла бы что-то видеть и слышать! Будто сама судьба ее подтолкнула к этому месту. Как ни мал Амстердам, но это совпадение удивительно!»

Такси свернуло направо, проехало по большой торговой улице и вынырнуло у здания вокзала. Здесь, на Дамраке, горели тысячи огней – праздничная иллюминация усыпала фасады зданий вдоль канала, борта прогулочных катеров, отражалась, дробясь, в зыбкой черной воде. Затем такси остановилось рядом с церковью Святого Николая, чьи башни, подсвеченные снизу, нарядно и весело рисовались в черном небе. Готическая громадная розетка между ними светилась изнутри – в церкви шла подготовка к главному городскому празднику года.

Александрю ждали – она немедленно увидела Элька, стоявшего на тротуаре у входа в притиснутый к церкви узенький дом, в два окна по фасаду. Мужчина поспешил расплатиться с таксистом и подал руку Александре, помогая ей выйти. Она не сразу решилась взглянуть ему в глаза, когда машина уехала и они остались на тротуаре вдвоем. С момента их возвращения с Маркена прошло всего часа два с небольшим, но вместились в эти два часа столько, что все случившееся на острове во время шквального дождя казалось теперь сном.

Эльк улыбался одним углом рта, словно через силу, а не от души. Вид у него был усталый, взгляд тяжелый. Александра ощутила почти физическую боль, посмотрев ему в глаза. Трудно было поверить, что на Маркене, в крошечном домике с чадающей, отсыревшей за годы бездействия печкой он был совсем иным.

– Как ты долго! – Взяв Александрю за руку, он повел ее к соседнему подъезду, на стеклянных дверях которого виднелась маленькая табличка с расписанием часов работы ресторана. – Старая ведьма тебя очень задержала. О чем вы говорили?

– Так... – рассеянно ответила женщина. – Ни о чем. О Франсе Хальсе.

– Что? А, да, конечно, ее картина... – Эльк словно механически нанизывал слова друг на друга, казалось, его мысли далеко. – Я хочу тебя предупредить, Саша, что Дирк настроен на самое серьезное сотрудничество и собирается задействовать большие деньги. Так что со всем

соглашайся!

- Как? - Александра остановилась у двери, медля переступить порог. - Заранее соглашаться? Я никогда так не делаю...

- Мне ты веришь? Мне, лично мне?

Эльк смотрел ей прямо в глаза. Желтый свет изпод козырька бара падал ему на лоб, стекал по тонкой линии переносицы, очерчивал резкую линию губ. Лицо в этом свете казалось восковым, серые глаза - стеклянно-пустыми. Внезапно Александра ощутила прилив ужаса и раскаяния. Она не знала этого человека, не понимала его взгляда, ее уничтожали его невозмутимость и напористый деловой тон. Страница, где шумел зимний дождь на Маркене, топилась печь и горел медовый закат над морем, была перевернута. На следующей странице, четко разграфленной, виднелись только цифры.

- Конечно! - сказала Александра, высвобождая руку, чтобы удобнее перехватить тяжелый каталог. - Тебе я верю абсолютно!

И словно в ответ на ее слова с колокольни церкви Святого Николая сорвалось и упало на мостовую девять тяжелых бронзовых звуков.

Крошечный ресторанчик, приютившийся в тени соборных башен, был в этот поздний час набит битком. Заведение выходило прямо на Дамрак, круглосуточно кипящий народом. Сказывалась близость вокзала и квартала красных фонарей, к которому вплотную примыкало кафе. Все столики были словно мухами облеплены туристами, преимущественно мужского пола, уже очень нетрезвыми. Слышались громкая речь на всех языках, смех, отрывистые возгласы. Александра никак не ожидала, что Эльк пригласит ее для важного делового разговора в такое непритязательное заведение. Но они прошли через зал, не остановившись. Эльк хозяйским жестом откинул занавеску из бамбуковых бусин, впустив свою спутницу в узкий, словно кишка, коридор, где сильно пахло жареной колбасой. Из коридора они попали в комнату, где громоздились пустые жестяные бочонки из-под пива. На полу мылся раскормленный рыжий кот в золотом ошейнике. Он лишь на миг оставил свое занятие, взглянув на гостей, и продолжил намывать лапу с видом приветливого равнодушия, которое хранили и люди и животные в этом квартале.

И вновь коридор, внезапно вильнувший влево, дверь в конце, узкая, хлипкая, сбита из листов толстой фанеры и украшенная ярким плакатом с рекламой китайского сливового вина. Здесь было очень тихо, шум ресторанного зала остался далеко позади. Сразу за дверью оказался канал - узкий, черный, немой. В нем слабо отражались огни фонарей, висящих на глухих стенах домов. Здания стояли над самой водой плечом к плечу, между ними нельзя было просунуть даже иголку. Они походили на заговорщиков, твердо решивших хранить тайну. Затем - несколько шагов по оживленной бурлящей Зеедик, мимо ресторанов и кабаре, откуда лились свет и музыка, и вновь - темнота, узкий проход между домами, ледяные пальцы Элька, крепко сжимавшие ее горящую, как в лихорадке, руку. Вновь канал, уже другой, шире, на берегах которого кипела жизнь, и черная вода была полна кровавых отсветов красных фонарей... И опять Зеедик, крошечный дворик позади ресторана, прикованный к крыльцу велосипед... Александре казалось, что они кружат на одном и том же месте.

Прошло всего минуты две, но они растянулись, исказились, шли по законам параллельного мира, где время течет по-своему. Александра не задавала вопросов спутнику, привыкнув в некоторые моменты жизни полностью доверяться судьбе. Сейчас был именно такой момент - она слепо ощущала приближение чего-то важного. Страх перед неизвестностью женщина не

испытывала. Александра боялась только конкретных вещей – нищеты, выселения из мастерской, авиакатастрофы. Бояться неведомого было не в ее обычае. «Но я спрошу про велосипед горничной, – повторяла она про себя. – Это ему придется объяснить...» Мысль о велосипеде Александра старалась не додумывать до конца – перед ней тут же вставало бледное лицо Элька со свежей царапиной под глазом. Он пил водку, стоя у стола, стопку за стопкой, словно стремясь оглушить себя...

- Пришли! – Эльк поднялся на крыльцо и отворил дверь. Та была не заперта.

За дверью оказалось тесное помещение вроде кладовки, слева мелькнула кухня с целым рядом начищенных сковородок на кирпичной стене. Заведение было необитаемо в этот предпраздничный вечер, когда рестораны на Зеедик ломались от посетителей. Они вошли в довольно просторный зал – просторный по меркам этих старинных кварталов, где все было микроскопическим, где дороже золота ценился каждый сантиметр земли, отвоеванной когда-то у моря.

Вошедших встретили полутьма, прохлада и тишина. Стойка бара с поблескивающими бутылками и бокалами пустовала, входная дверь на улицу была заперта, стулья составлены вверх ножками на столы. Лишь в углу, над столиком у окна-витрины, горела лампочка в шелковом розовом абажуре. Ее мягкий свет полукругом падал на истертый кожаный диванчик, с которого навстречу вошедшим поднялся Дирк.

- Очень рад!

Мужчина с улыбкой протянул руку Александре и поздоровался с ней второй раз за вечер с механической подчеркнутой любезностью. Она склонила голову, ответила что-то дежурное и присела к столу. Ее интриговала необычная обстановка. За окном виднелась знаменитая, никогда не спящая улица. Развевались радужные флаги, неторопливо фланировали туристы и зеваки, рассматривая витрины, входя в бары, толпясь у зазывно освещенных кабаре, предлагавших развлечения на любой вкус. Все это кипело, сверкало, двигалось в каком-то метре от столика, за которым устроились трое людей. Их можно было увидеть с улицы, но никто даже не смотрел в сторону запертого кафе, так много было на Зеедик ярких приманок и настежь распахнутых дверей.

- Мы решили встретиться здесь, чтобы все обсудить, а поужинаем в другом месте, столик уже заказан! – предупреждая вопрос, который Александра не собиралась задавать, сказал Эльк, усаживаясь рядом с ней и сцепляя руки в замок. Он нервничал, слишком часто улыбаясь, беспрерывно переводя взгляд с Дирка на Александру. – Думаю, сложных моментов не возникнет...

- Да, я тоже надеюсь! – Дирк, в отличие от своего приятеля, взволнованным не выглядел. Он смотрел прямо в глаза Александре, его улыбка была безупречно корректной.

Они сидели в самом сердце квартала красных фонарей, чей свет тут и там лежал на влажной черной мостовой, словно раскаляя камни под ногами снующей взад-вперед возбужденной толпы. Художница уже привыкла к тому, что в этом городе не считается зазорным назначать свидания в подобных местах. И все же прежде она считала высший свет Амстердама, к которому, безусловно принадлежали ее собеседники, отделенным от мира распутной Зеедик хотя бы тонкой, условной стеной. Так, всего лишь стеной в полкирпича, зачастую разделялись здесь квартиры, в которых обитали обычные семьи с детьми, и витрины, в которых сидели девушки, ожидавшие клиентов. В мире Старого Юга, в мире Элька гордились своими

родословными, жили в собственных домах, там по торжественным случаям мужчины надевали смокинги, дамы – бриллианты. Там ходили на концерты фортепианной музыки и закрытые выставки. В этом мире считалось высшим шиком сочетать несочетаемое, мешать Рубенса и Поллока, Рембрандта и Баскию – так или иначе, все компоненты этой возбуждающей смеси стоили огромных денег. Возможно, обитатели Старого Юга вовсе не разбирались в искусстве, и дамы на концертах и вернисажах принимали заученные позы, как девушки в красных витринах, раз их вынуждала к этому одинаковая жестокая необходимость – продать себя подороже... Но кому было до этого дело, если приличия были соблюдены! В мире Зеедик предлагаемые наслаждения были грубее, цены ниже, нравы проще. Но Александра начинала думать, что никакой грани между этими мирами на самом деле нет или она пролегает вовсе не там, где сперва казалось.

– Мое предложение состоит в следующем... – продолжал Дирк. – Недавно я стал обладателем довольно крупной коллекции фарфора, составленной авторитетным коллекционером. Пока он не умер, никто не знал, чем он владел. Наследники были потрясены, открыв завещание...

– Это случается! – кивнул Эльк.

«И довольно часто...» – подумала Александра, предпочитавшая следовать совету Елены Ниловны – больше слушать, меньше говорить.

– Итак, у меня сейчас редкий старый «мейсен» на продажу. Оставить себе я его не могу и не хочу, мне нужны деньги, – продолжал Дирк. – Коллекция исключительная. Сертификаты подлинности, безупречное состояние. Даже жаль, что я ничего не собираю. Я прежде всего торговец. Мне бы очень хотелось попасть на российский рынок, потому что здешний рынок...

– Убит, – закончил за него фразу Эльк, доставая из пачки зубочисток, забытых на столе, одну, быстро откусывая кончик и нервно ломая зубочистку пополам.

Александра никогда не видела его таким взвинченным. «Он, безусловно, в доле!» Теперь она думала о сидящем рядом мужчине без всякой нежности. Чувство, которое ей так нравилось лелеять долгие месяцы, которое она берегла и скрывала, как краденую драгоценность, погибло, не вынеся соприкосновения с реальностью. Александра была готова засмеяться в голос, такой смешной она казалась сама себе. На Элька она смотрела вскользь, избегая взгляда глубоких серых глаз с янтарными искрами, которые прежде так ее волновали. Зато в маленькие, черные, крысиные глаза Дирка она смотрела прямо и спокойно. Он был ей совершенно понятен.

– Так вот, я хочу, чтобы вы были моим представителем в Москве, и с этой целью готов по первому вашему сигналу прислать с сопровождением вот эти вещицы!

Отвернув полу вельветовой куртки, Дирк положил на стол бумажный конверт:

– Здесь несколько фотографий. Понимаю, удобнее пересылать в электронном виде, но я опасаясь делать такие рассылки. У меня очень неприятный опыт... Взломали почту, и была нарушена конфиденциальность сделки.

– Я тоже не люблю модернизма! – отшутилась Александра, открывая конверт и доставая снимки обычного формата. – Ах, «Дети садовника»!

– Да, вчерашние, – кивнул Дирк, откидываясь на спинку кожаного диванчика и зябко потирая руки. – Вы ведь были на аукционе, видели.

- Издали... - подтвердила Александра. - Неужели вы продаете?

- Все двадцать три пары! - встрял Эльк. - Одна тысяча семьсот сороковой год! Подлинник, не реплика! Уникальный случай!

- Я ведь покупал изначально для перепродажи, - пояснил Дирк. - И тут - вы... Это очень кстати! Таких совпадений не бывает. Я верю в судьбу и в то, что мы все хорошо заработаем!

- Я абсолютно точно знаю, что продам «Детей садовника» в Москве за ту цену, которую назовете вы сами! - кивнула Александра, медленно перебирая снимки, на которых были запечатлены очаровательные фигурки ребятишек с цветами, фруктами и садовыми инструментами. - Я знакома с человеком, который обожает эту серию, мечтал иметь ее всю... Но это казалось несбыточной мечтой! Он собрал всего несколько пар.

- Любая мечта может стать правдой, - спокойно ответил Дирк, глядя через витрину на улицу. - Есть еще и другая серия Кендлера на продажу, пока не полностью. Но мне обещали достать всю. Надеюсь, получится... Посмотрите, она там, дальше.

Александра уже дошла до фотографий другой серии мейсенского фарфора. Ближе поднеся их к свету розовой лампы, она, сдвинув брови, рассматривала снимки.

- По снимкам нельзя судить, но... Какой это год? - выговорила она наконец. - Неужели?...

- «Обезьяний оркестр», одна тысяча семьсот пятьдесят третий год, - наклонился через стол Дирк, постукивая кончиком пальца по пачке снимков. - Первые модели. Тут пятнадцать фигур, еще четыре скоро достанут, обещали точно. Итого предлагаю все девятнадцать первых фигур Кендлера.

- Откуда вы берете такие редкости?! Я никогда не слышала, чтобы у кого-то были все девятнадцать первых обезьянок! - выдохнула Александра.

- Ты же вчера видела аукцион, Саша, - вновь вмешался Эльк. - В Амстердаме можно достать все. Это вопрос денег.

- О, я уже поняла... - протянула женщина, и внезапно ее сердце забилось так часто, что ей сделалось трудно дышать.

На последней фотографии была запечатлена обезьяна в зеленоватом камзоле и лиловых панталонах, с бубном в занесенной над головой лапе - точная копия той, что осталась в Москве, в квартире Надежды. И хотя не было ничего невероятного в том, что эта фигура тоже предлагалась на продажу, Александре вдруг показалось, что в прохладном кафе сделалось очень душно.

- Ну, это вы знаете, что за штука! - кивнул Дирк, заметив ее реакцию. - Возьмете или не интересуетесь?

- Да, конечно возьму! - Женщина перевела дух и очень пожалела о том, что в пустом ресторане нельзя попросить чашку кофе. От волнения у нее слегка кружилась голова. - Просто я не ожидала этого предложения. Обезьянки с бубном давно все на руках... Я ее обязательно продам!

- У меня их шесть, - спокойно ответил Дирк. Откинувшись на спинку диванчика, он внимательно следил за лицом сидевшей напротив женщины. - Это то, что я могу предложить

прямо сейчас. И в ближайшем будущем – еще несколько.

В зале ресторана стало так тихо, что взрыв смеха, раздавшийся по ту сторону витрины, показался Александре оглушительным. Она вздрогнула, взглянув на улицу. В доме напротив распахнулась дверь, оттуда вывалилась шумная компания. Подвыпившие мужчины, остановившись на тротуаре, бурно веселились, почти полностью перегородив Зеедик. Эльк взглянул в ту же сторону, его тонкое лицо исказила брезгливая гримаса, ноздри напряглись. Дирк невозмутимо продолжал:

- Разумеется, сертификаты подлинности прилагаются.

- Да, да... – пробормотала Александра. – Но... Несколько фигур – это сколько конкретно?

- Скажем, еще десяток, – небрежно ответил Дирк. – Больше я выпустить на рынок не смогу.

- Фигурок с бубном всего было сделано триста штук, – тихо сказала женщина. – А вы предлагаете мне сразу такую огромную партию...

- Разумеется, сертификаты подлинности прилагаются.

- Да, да... – пробормотала Александра. – Но... Несколько фигур – это сколько конкретно?

- Скажем, еще десяток, – небрежно ответил Дирк. – Больше я выпустить на рынок не смогу.

- Фигурок с бубном всего было сделано триста штук, – тихо сказала женщина. – А вы предлагаете мне сразу такую огромную партию...

- Я вообще против того, чтобы предлагать больше одной фигуры! – вмешался Эльк. – Неразумно. Это подозрительно, в конце концов!

- Ну а я не вижу ничего неразумного в том, чтобы продать фарфор, который лично мне не нужен, – отрезал Дирк. – Это мне решать! А вам, Александра, решать, какими партиями и кому. Вы будете моим представителем в России, и я вам полностью доверяюсь.

И так как художница молчала, не без иронии добавил:

- Хотя вы, кажется, не в восторге!

- Я... удивлена, – после короткой паузы произнесла Александра. Теперь она избегала встречаться взглядом с маленькими черными глазами сидевшего напротив мужчины. Тусклые, непроницаемые, они не выражали совершенно никаких мыслей и эмоций. По спине женщины пробежала дрожь. Эльк, сидевший почти вплотную к ней, вероятно, ощутил это. Он спокойно, мягким движением накрыл ее руку своей ладонью:

- Все будет в порядке. Документы безупречны. Сам фарфор – также. У тебя ведь с собой каталог Бертельсманна?

- Да, – едва шевельнув губами, выговорила она.

Склонившись над столом, Эльк свободной рукой раскрыл каталог и перелистнул десяток страниц.

- Я неважно вижу в этих очках, – признался он, смущенно улыбаясь. – По-моему, вот «Дети

садовника»! Да, Дирк?

Тот, едва взглянув, кивнул:

- Да. Кстати, Александра, достаточно посмотреть на экспертные заключения по этому фарфору, чтобы понять, на каком уровне все оформлено. Меня, честно говоря, немного удивляет ваше скептическое настроение. Неужели то, что хорошо для Бертельсмана, плохо для вас?

- Я совершенно не это имела в виду, - осторожно ответила женщина, придвигая к себе каталог. - Я осознаю, что вы предоставляете внушительные гарантии.

Эльк, самовольно завладев левой рукой Александры, так и не отпустил ее. Она ощущала легкое, ободрительное, чуть заметное пожатие его пальцев, тонких, ледяных. Мужчина смотрел на нее выжидательно, на его губах едва обозначилась улыбка.

Опустив голову, Александра принялась читать экспертные заключения. Они были набраны курсивом, шрифтом среднего размера, но имена экспертов (всего их оказалось трое) были выделены и хорошо различимы даже при тусклом свете. Два первых имени, проставленных после лота «Дети садовника», были мужские, голландские. «*Петер Моол... Хендрик ван Тидеман...*» За ними следовало третье, женское. И хотя не было ничего невероятного в том, что это имя здесь оказалось, некоторое время Александра сидела, не сводя взгляда со страницы.

- А, ты заметила? - Пальцы Элька сжались чуть сильнее. - Твоя подруга, Надежда, тоже давала заключение на этот фарфор. Я тебе говорил, что она работала с Бертельсманом. Ты ведь сказала, что она отличный эксперт?

- Надежда никогда не выносила ошибочных заключений, - подняла взгляд Александра. Она смотрела не на Элька, а на его приятеля. Дирк безразлично кивнул. Казалось, он не на шутку уязвлен ее колебаниями.

- Она часто говорила, что если ошибется хоть раз - уйдет из профессии, - продолжала Александра, вновь опуская глаза и поворачивая каталог так, чтобы на страницу падал свет с Зеедик. - И никогда не бросала слов на ветер. Уйти из профессии для такого человека - это все равно что умереть. А кто остальные два эксперта?

- Хендрик ван Тидеман - очень крупный авторитет! - услужливо придвинулся Эльк. Его колено, случайно или намеренно, коснулось бедра женщины, и она слегка вздрогнула. Он не подал виду, если и заметил это. - Ты видела его вчера на аукционе, да и у Стоговски он был. Ван Тидеман уже очень немолод, конечно... Но у него громадный опыт, и как эксперту ему в Амстердаме сейчас нет равных.

- А кто второй? - Александра встретила испытующий взгляд маленьких черных глаз Дирка. - Петер Моол?

- Мой отец, - невозмутимо ответил тот. - Вот он действительно был самым крупным экспертом в Нидерландах. Жаль, что не смогу вас познакомить - отец умер в октябре. Шестнадцатого октября...

- Вот как... - прошептала женщина.

Вероятно, она сильно изменилась в лице, потому что Дирк привстал с диванчика, чуть не задев головой низко висящий абажур:

- Что с вами?!

- Сейчас! - Эльк также вскочил и направился к стойке бара. С минуту он чем-то гремел и звенел, затем резко хлопнула пробка, раздалось шипение. Дирк, обернувшись, раздраженно что-то крикнул.

- Ты просто устала... Мы все устали сегодня! - Эльк вернулся к столу, неся в одной руке открытую бутылку шампанского, другой прижимая к груди три бокала. - Нам не мешает немного отдохнуть и отметить начало сотрудничества!

Александра смотрела, как перед ней ставят бокал, как в плоской стеклянной чаше вздымается и опадает пена и в прозрачной, кипящей острыми пузырьками влаге отражаются огни улицы. Шумная компания, стоявшая под окном, схлынула. Мимо медленно проехал на велосипеде седобородый старик с большим, лохматым, тоже седым псом, невозмутимо сидящим в деревянном лотке, укрепленном под самым рулем. В другое время художница заинтересовалась бы этой парой, но сейчас равнодушно проводила велосипедиста пустым взглядом. В ушах у нее звучал надтреснутый голос Елены Ниловны: «Одного эксперта я в грош не ставлю... За деньги подпишет что угодно. А двое остальных уже мертвы!»

- Отчего ты не пьешь? - осторожно коснулся ее локтя Эльк. - У тебя такое лицо, будто ты думаешь о чем-то ужасном...

- Голова разболелась! - Она отодвинула бокал с шампанским. - Простите, я пить не могу. Значит, Надя составляла экспертное заключение на «Детей садовника». Это хорошо, но... Кому эта серия принадлежала раньше? До поступления на аукцион? Мне ведь могут задать этот вопрос в Москве... Речь идет о больших деньгах, вы понимаете. Я должна буду ответить на все возможные вопросы!

Дирк, к которому она обращалась, кивнул, поднося к тонким, словно вырезанным ножом губам бокал:

- Да, конечно. Никаких тайн между нами быть не может, раз мы партнеры. Коллекция, которую я продаю, принадлежала моему отцу.

- Погодите! - Александра на миг стиснула виски ладонями, стремясь унять внезапно возникшее головокружение. - На аукционе вы торговались за коллекцию, которая и так досталась вам по наследству?

Мужчины переглянулись с видом снисходительного превосходства. Эльк ласково пояснил:

- Ну, это иногда делается. Ты свой человек, тебе можно признаться, что мы немножко нарушили закон. Налог на наследство может сильно превышать налог на покупку, если идет речь о подобных ценностях. Да, мы выставили этот фарфор по фиктивному поручению.

- И ваш покойный отец сам дал экспертное заключение на свою собственную коллекцию? - Александра прямо, в упор, смотрела на Дирка. Тот, не дрогнув, ответил:

- Что же тут странного? Вполне допустимая вещь. А Тидеман был его лучшим другом! Можно придаться и к этому. При желании можно придаться к чему угодно! Я вас понимаю...

- Но в Москве никаких вопросов по поводу экспертов не возникнет, - заметил Эльк.

Александра сидела молча, глядя в одну точку, покусывая нижнюю губу.

- Да, в Москве вопросов будет меньше, - проговорила она наконец, прервав молчание, которым, похоже, тяготилась одна. Мужчины спокойно пили шампанское, разглядывая прохожих за стеклом. - Тем более там есть и экспертное заключение Надежды Пряхиной, а ее авторитет на московском рынке высок. Хотелось бы только увидеться с ней самой. Лично!

- Я прилагаю все усилия, чтобы ее найти! - немедленно ответил Эльк. - Сейчас она в отъезде.

- Когда мы с тобой ходили в отель, где она остановилась, ты сказал, помнится, что раз ее так долго нет, Надя может быть уже мертва! - резко, неожиданно для себя самой, напомнила ему женщина.

Эльк отмахнулся:

- Тогда я ничего о ней не знал! Даже не знал, что она была занята у Бертельсманна. Просто предположил. Что с тобой творится? Почему ты так нервничаешь? Из-за Барбары?

Александра, не выдержав напряжения, рассмеялась. Под низким потолком, пересеченным балками, ее голос прозвучал истерично, незнакомо - ей самой показалось, что смеется кто-то другой и очень далеко. Женщина резко оборвала смех и повернулась к Эльку:

- Действительно, о чем переживать! Варвару всего лишь убили. Да, представь, переживаю, очень сильно.

- Поверь, я тоже! - сердечно произнес Эльк, прижав руку к ладану пальто.

- И я, - откликнулся Дирк. Правда, он обошелся без театральных жестов и голос его по-прежнему был невозмутим. - Барбара была хорошей женщиной. Мы с ней иногда сотрудничали. В последнее время у нее были одни неприятности. Еще предстоит понять, убили ее или она сама свела счеты с жизнью. Развод, суды... Есть от чего потерять голову. Я пытался ей помочь, но это было бесполезно. Все началось не вчера... Она оказалась без денег уже осенью. Муж настаивал, чтобы она ликвидировала бизнес... Но Барбара не хотела уходить с рынка.

- Это все творилось на моих глазах. - Эльк залпом допил шампанское и вновь наклонил бутылку над краем бокала. Стекла его тяжелых очков слегка затуманились, взгляд стал мягким и далеким. - Я смотрел, как она теряет покупателей, видел то, что будет с моим бизнесом через год. Мебель в таких случаях умирает первой... Часы держатся дольше. Самое беспроектное - фарфор!

- Я не фанат фарфора, поэтому часто спрашиваю себя - почему? - Александра, захваченная темой, невольно сменила скептический тон на доверительный. - Даже когда рынок целиком замерзает, фарфор все равно продается.

- Мистика! - серьезно ответил Дирк. - Так или иначе, это единственный бизнес, который сейчас имеет смысл развивать. Это я говорил Барбаре год назад, прошлой зимой... Хотел поддержать ее, дать заработать. Но только потерял с ней время и деньги. Она говорила мне, что может организовать выход на московский рынок - он уже тогда меня интересовал. Я передал ей несколько вещей для реализации, она отослала их в Москву... И они пропали! Барбара не вернула ни фарфор, ни деньги. Может быть, она никуда их не отсылала, а продала здесь! Это очень печальная история... Тяжело видеть, как порядочный человек на твоих глазах превращается в мошенника! Это занимает не так много времени, как можно предположить.

- Я все-таки думаю, это было самоубийство! - неожиданно прервал его речь Эльк. Он разлил по бокалам остатки шампанского и настойчиво коснулся руки Александры: - Выпей немного, ты почувствуешь себя лучше!

На этот раз она послушалась. Почти бессознательно подняла бокал, приложила к губам холодный стеклянный ободок. Шампанское было очень сухое и обожгло ей язык. Голова, где только что бушевала буря, неожиданно прояснилась.

- Барбара должна была отослать какие-то вещи в Москву? - переспросила Александра. - Можно узнать, что именно? И через кого их собирались продавать? Она ведь сама туда не приезжала, насколько я понимаю?

- Конечно нет, - покачал головой Дирк. - У нее был посредник в Москве. Очень жаль, что я не знаю, кто, я бы попробовал вернуть фарфор. Там была, в частности, вот эта обезьяна с бубном!

Мужчина постучал пальцем по фотографии, лежавшей в стопке сверху. Александра медленно расправила плечи и откинулась на спинку жесткого стула. Теперь она глядела в стену, поверх головы сидящего напротив мужчины, словно подсчитывая что-то в уме. Ее не торопили - время в этом полутемном помещении текло по своим законам, совсем иначе, чем на улице. Ноздри щекотал тонкий, едкий запах застарелой, въевшейся в кирпичи стен плесени, которая, сколько ее ни вытравливай купоросом, все равно выступит из-под штукатурки. Тишина, повисшая в зале, была сырой и словно липкой.

- В принципе, мне все понятно, - сказала наконец Александра. - Хотелось бы только знать, как и почему среди экспертов, дававших заключение на «Детей садовника», оказалась Надежда Пряхина? Кто ее рекомендовал?

- Барбара! - тут же ответил Дирк, и его ответ совпал с ответом Элька - мужчины произнесли это имя почти одновременно.

- Барбара ван дер Мекк! - повторил Дирк уже соло. - Я попросил ее найти авторитетного русского эксперта еще весной. Я оплатил все - проезд, проживание, пакет документов, нашел и другую работу для приглашенного лица. Двое голландских экспертов, один русский - это хороший набор, чтобы выходить на Москву.

- Да, но из них доступен только один! - напомнила Александра.

- Надю мы найдем, - пообещал Эльк. Его бокал был уже пуст. Сняв очки, он тщательно протирал стекла носовым платком. - Обязательно! Она где-то в Нидерландах, думаю.

- Я тоже склоняюсь к этой мысли, - негромко ответила художница.

- В любом случае свидетельству моего отца вы можете полностью доверять, - тоном, не терпящим возражений, заключил Дирк. Он аккуратно сложил фотографии стопкой, уложил их обратно в конверт и протянул его Александре: - Да! Его же свидетельство стоит и на «Обезьяньем оркестре». Это вам, мевроу!

И шутливо улыбнулся, подчеркивая свое преувеличенно вежливое, старомодное обращение. Александра взяла конверт, спрятала его в сумку. Встала, слегка толкнув стол, так что шампанское выплеснулось из ее бокала на столешницу.

- Я попробую этим заняться! - сказала женщина, застегивая куртку. - В любом случае это самое крупное предложение о сотрудничестве из всех, которые мне делали!

- Вы понимаете, процент будет выше, чем обычно при таких сделках. - Дирк также поторопился встать, теперь его дежурная улыбка сделалась лучезарной. - Кризис! Мне важно даже не то, сколько удастся получить за вещь... Важно продать больше. У отца оказалось огромное собрание, при его жизни я даже не представлял, насколько... Он стал очень скрытен в последние годы. Возраст! Жил в двух шагах от Стоговски, кстати.

Словно опомнившись, Дирк оттянул рукав куртки и взглянул на часы:

- О, мы заболтались! Идемте ужинать! Это недалеко, на улице Святого Антония.

- Саша, надеюсь, ты голодна? - осведомился Эльк. - Я - как волк!

- Я отлично пообедала сегодня, - ответила женщина, невозмутимо встречая его взгляд. - Но с удовольствием поужинаю!

Дирк тем временем возился у входной двери, отпирая заевший замок. Прядь черных волос упала ему на взмокший лоб, он негромко ворчал:

- Тут все такое старое... Это, кстати, мое наследство - ресторан принадлежал отцу, а до него - его отцу! В последнее время бизнес шел неважно, отец болел, но не желал ничего менять. А мне это не интересно. После его смерти ресторан ни разу не открывался. У Анны дикие идеи насчет того, что тут можно устроить... Какой-то экологический бар... Есть!

Распахнув дверь на Зеедик, он склонился в комическом полупоклоне, жестом пропуская вперед женщину:

- Прощу вас! Отсюда до ресторана, где мы будем ужинать, всего несколько минут.

Выйдя на мостовую, Александра съезжилась от ночного холода, резко охватившего ее плечи, словно наглый подвыпивший прохожий. Шел одиннадцатый час - самое бурное, горячее время на Зеедик. Все рестораны были полны, шоу - в разгаре. Магазины, кофешопы, крошечные бары, куда могли втиснуться два-три человека, чтобы выпить кружку пива, - все было запахнуто настезь, сияло огнями, шумело, улыбалось, всюду можно было войти на правах своего человека, купить себе немного удовольствия, забвения, немного отдыха от дневных забот и страхов. Это был мир красных фонарей, фальшивый мир короткого, жгучего сна, о котором по пробуждении не рассказывают никому. В этом сне не существовало ни настоящих грехов, ни настоящих опасностей. «Всего на пять минут! - говорило здесь каждое смеющееся лицо, каждая неоновая вывеска. - Зайди! Посмотри на меня! Послушай! Это же просто сон!» Здесь, падая в пропасть, можно было проснуться в собственной постели, и оттого пропасть не страшила, а манила, как занятный аттракцион.

По тротуару двигалась толпа, особенно многочисленная накануне главного городского праздника. Здесь можно было увидеть искателей приключений, туристов и просто местных жителей, вышедших прогуляться перед сном. Чтобы не мешать прохожим, Александра перешла мостовую и остановилась у дома напротив, ожидая, пока Дирк справится с тугим замком. Теперь ему никак не удавалось запереть строптивую дверь. Эльк стоял рядом с ним, негромко разговаривая по телефону. Он не сводил при этом взгляда с Александры и улыбался, словно удерживая ее улыбкой на привязи.

Она ответила ему такой же ничего не значащей улыбкой. Обвела взглядом серый кирпичный фасад здания, в котором располагался ресторан. Дом, построенный давным-давно, был очень узким - всего в два окна по фасаду. Зато в глубину такой дом мог простираться метров на пятьдесят, вплоть до следующего грахта. Здесь было пять этажей. Кое-где светились окна, за

которыми шла самая обычная вечерняя жизнь, не имеющая ничего общего с узаконенным распутством Зеедик. В одном из окон Александра разглядела двоих мужчин, разговаривающих на фоне книжных полок. В другом – целую субтропическую оранжерею, освещенную длинными лампами с подогревом. То был крошечный прообраз утраченного Эдема, Эдема, загнанного в ящики с землей, райского сада, о котором забыли Адам и Ева, бредущие по красноглазой Зеедик поодиночке, каждый – за своим собственным искушением.

Александра взглянула на Дирка – он все еще возился с замком, упершись в дверь коленом. Волосы у него были взлохмачены, лицо покраснело. Стоявший рядом Эльк, как всегда, корректный и насмешливый, наблюдал за его бесплодными усилиями с дружелюбной отстраненностью. Он все еще прижимал к уху телефон. Александра заметила прямо над его головой надпись, выложенную на фоне серой кирпичной стены контрастными шашечками соломенного цвета. Сощурившись, она прочла ее.

«Отель «Тоledo».

Не веря глазам, она вновь и вновь обводила взглядом фасад. Перед ней была одна из тех старинных вывесок, ровесниц здешних зданий, которые что-то означали в год постройки дома, в те времена, когда домовладелец считал, что строится на века и на века устраивает в доме отели и рестораны. Эти вывески, ставшие частью туристического аттракциона, ровным счетом ничего не означали теперь.

«Отель «Тоledo».

Не веря глазам, она вновь и вновь обводила взглядом фасад. Перед ней была одна из тех старинных вывесок, ровесниц здешних зданий, которые что-то означали в год постройки дома, в те времена, когда домовладелец считал, что строится на века и на века устраивает в доме отели и рестораны. Эти вывески, ставшие частью туристического аттракциона, ровным счетом ничего не означали теперь.

«Отель «Тоledo», – перечла Александра. Переведя взгляд правее, она увидела табличку с номером дома на углу, примыкающем к соседнему фасаду. *«103 А»*.

Глава 11

Когда Дирк справился с дверью и вместе с Эльком подошел к Александре, она стояла, опустив глаза, прижав ладонь ко лбу. Эльк встревожился:

– Что случилось?

– Страшно болит голова, – отрывисто ответила женщина. – Я устала. Ужин придется отменить.

В ответ раздались разочарованные возгласы. Мужчины ни за что не желали согласиться с ее решением. Дирк заявил, что отговорки не принимаются:

– Я себе не прощу, если вы уйдете!

– Саша, в самом деле, подумай! – Эльк выглядел очень расстроенным. – Мы сейчас пройдемся по свежему воздуху, все пройдет! Ресторан очень хороший, место тихое...

Но Александра стояла на своем. Она высказала сожаление, что пила шампанское – от него у

нее всегда разыгрывается чудовищная мигрень. О своих актерских способностях она всегда была мнения невысокого. Но вероятно, ее лицо и в самом деле было искажено словно от боли. Дирк сдался первым:

- Ну, очень жаль... Ужин за мной, естественно. Да! И я ведь должен взять ваш номер карты...

- После, после... - пробормотала Александра, пожимая его протянутую руку. - Нет, Эльк, я отлично доберусь на трамвае, не провожай!

Но ей не удалось от него отделаться. Наспех простившись с приятелем, Эльк устремился за ней. Не успела Александра сделать несколько шагов в сторону площади Дам, как часовщик нагнал ее. Подстроившись под ее торопливые шаги, Эльк пошел рядом, заглядывая ей в лицо:

- Так! Что случилось?!

- Ничего, - не поворачивая головы, ответила Александра.

- Прекрасно! - иронически протянул Эльк. - У тебя такое лицо... Тебе не понравился Дирк? Но он отличный партнер...

- Я так не думаю, - отрезала художница. Она внезапно остановилась, и Эльк замер тоже. Прямо над ними горела вывеска бара - на Зеедик невозможно было найти ни клочка тени. В этом зеленоватом искусственном свете Александра хорошо видела вопрошающие глаза Элька. - Я боюсь, мне придется отказаться от его заманчивого предложения.

Эльк испугался. Она отчетливо видела страх, метнувшийся на дне его глаз, всегда как будто слегка улыбающихся. Дернув углом рта, мужчина снял очки, провел стеклами по лацкану пальто, вновь их надел:

- Подожди. Это несерьезно. Ты шутишь?

- У меня нет настроения шутить. Я не знаю в точности, почему погибла Варвара... Но Надя умерла из-за этого отличного партнера! Я отказываюсь! Не хочу быть третьей жертвой!

- Да что ты говоришь! - Вне себя от волнения, Эльк бесцеремонно схватил ее за локоть и буквально втолкнул в дверь бара. Зазвенели колокольчики за притолокой. Внутри были полутемно, двое мужчин пили пиво у стойки и болтали с хозяйкой. Эльк рывком усадил Александру за крошечный столик в углу, обернулся к стойке, крикнул что-то и сел рядом.

- С чего ты взяла... - начал он и запнулся, словно подавившись воздухом. Откинулся на спинку стула, сделал глубокий вдох, пытаясь вернуть утраченное душевное равновесие.

- Объясни! - потребовал он. Его губы заметно дрожали. Барменша принесла им две чашки кофе и удалилась за стойку, напевая что-то себе под нос. - Объясни, почему ты решила, что Надя умерла? Откуда такая уверенность? Я же тебе говорю, что она жива!

- Ты врешь.

Александра произнесла эту фразу очень спокойно. Эльк не отреагировал. Он ждал, словно не услышал ничего особенного. Художница смотрела на него с нарастающей, душной злостью.

- Позволь кое-что уточнить. - Она боролась со спазмами, сжимавшими горло. Перед ее внутренним зрением стояла надпись, выложенная кирпичиками на серой стене. - Отец твоего

друга, Петер Моол, умер шестнадцатого октября? Не помню, говорила я тебе или нет, но Надя звонила в Москву в этот самый день. Это был единственный звонок за полгода.

- Что это доказывает? - Эльк заглянул в свою чашку, словно надеялся там прочесть ответ на вопрос. - Что твоя подруга умерла?

- Она тесно общалась с Петером Моолом?

- Нет! - Эльк решительно покачал головой и тут же сузил глаза, замер, принял недоумевающий вид. - Понятия не имею.

- Ты все-таки с ней знаком, - негромко заключила Александра. - Не надо врать, пожалуйста, ты себя выдал. И Дирк ведь признал, что Надя на него работала. Как ты мог ее не знать?

Эльк пожал плечами.

- Она ставила подписи на заключениях к фарфору, - продолжала Александра. - Петер Моол, Хендрик ван Тидеман и она. Хорошая тройка для выхода на русский рынок... Который имелся в виду, насколько я понимаю, еще год назад! В квартире Нади в прошлом декабре появилась обезьяна с бубном. Она и сейчас там стоит. Варвара не продавала ее здесь, она отослала фарфор в Москву, как и было условлено. Но Надя не стала его продавать! Знаешь почему?

Эльк поднял брови. Судя по всему, он решил отделяться в трудных моментах посредством мимики. Александра напрасно ждала его ответа. Ей пришлось говорить одной:

- Потому что обезьяна с бубном оказалась подделкой. Правда, прекрасного качества! Она не сразу смогла ее определить.

Эльк смотрел на нее с прежним выражением вежливого участия. Очевидно было, что он готов выслушать самые ужасные вещи все с той же замерзшей на губах полуулыбкой.

- Но мне Надя почему-то не сказала, откуда взялась эта фальшивая фигурка, - раздраженно бросила Александра. - Может быть, она была бы еще жива...

На этот раз Эльк не выдержал:

- Ну что за идеи? Она жива!

- Ты видел ее после шестнадцатого октября? Почему она звонила именно в день смерти Петера Моола? Ее что-то напугало? Она говорила, что у нее намечается большая сделка, чтобы никто ее не искал... Она имела в виду аукцион? «Детей садовника»? Или что-то еще?

Одно веко Элька слегка, еле уловимо дернулось - и это было все.

- И какой смертью умер отец Дирка? - беспощадно продолжала Александра. В ушах у нее шумело, горло сжималось. - Варвара говорила, что его могли отравить...

- Очень интересно! - Губы Элька заметно побелели. - Она наверняка даже сказала, кто это сделал.

- Да. Хендрик ван Тидеман был у него в гостях, и вскоре после этого Петер Моол умер.

- Видишь, как опасно ходить в гости! - отрезал Эльк. Напоровшись на возмущенный взгляд сидевшей напротив женщины, он попытался объяснить цинизм своего замечания: - Прости,

нервы. Я тоже не железный. Все так и было: отец Дирка долго болел, жил в инвалидном кресле. Ему было уже под девяносто лет. Старый друг его навестил, когда ему стало совсем плохо. И он в тот же день умер. Шестнадцатого октября, совершенно верно. Но, как сама понимаешь, никто его не убивал!

- Надя знала о его смерти?

- Во всяком случае, узнала она не от меня, - с досадой бросил Эльк. Он поднес к губам чашку и тут же, не пригубив, со звоном поставил ее на блюде. - Я не общался с ней. Пожалуйста, не смотри на меня такими глазами!

- Я просто думаю... Сопоставляю. - Александра не сводила с него пристального взгляда. - Надя звонит домой шестнадцатого, в день смерти Петера Моола. Об этой смерти ходят странные слухи... Она и Моол ставили свои подписи на экспертных заключениях к «Детям садовника». Третьим был Тидеман, которого обвиняют в смерти Моола...

- Кто обвиняет, кто?! - взорвался Эльк. Он повысил голос, и на них оглянулись сидевшие у стойки мужчины. Барменша также бросила взгляд поверх голов посетителей. Эльк сразу ссутулился, словно пытаясь сделаться незаметным, и заговорил быстро, вполголоса: - Твоя подруга, Барбара? Ты же знаешь, она обо всех говорит плохо!

- Надя звонит домой в день смерти Моола, говорит, что для меня есть письмо... Письмо как будто не имеет смысла. И тем не менее его крадут у меня из сумки, на вечере у Стоговски.

Эльк скривил губы:

- Это ты так решила. Мы еще не были в отеле.

- Скажи, зачем эта комедия? Зачем ходить в отель, если ты сам взял письмо у меня из сумки, когда я бегала к Анне, несла ей воду... Я все вспомнила, ты мог это сделать тогда. Да и не только тогда. Ведь только ты знал, что письмо там.

Эльк молчал. Александра не в силах была больше смотреть на него и отвернулась к витрине. За стеклом медленно текла полуночная жизнь Зеедик. В толпе мелькали лица со всех краев света, как в те времена, когда в порт Амстердама прибывали корабли, груженные колониальными товарами. Туристов сразу было видно по зачарованному, расслабленному виду. Внезапно у кого-то на руках звонко залаяла крошечная собачка - ее сверлящий тонкий голосок проник даже через витринное стекло.

- То есть я рылся в твоей сумке, так? - переспросил Эльк.

- Думаю, да. Думаю, устроил всю эту историю с обмороком Анны специально, чтобы иметь время украсть письмо.

Мужчина шумно вздохнул:

- Ты сходишь с ума... Я не сержусь на тебя, ты потрясена смертью Барбары. Анне действительно стало плохо. Я же рассказывал тебе, что у нее проблемы со здоровьем. То же состояние было у нее в октябре, после смерти деда. Мы не могли привести ее в себя и отправили в клинику. Это нарколепсия, один из видов каталепсии. После нервного срыва девушка реагирует именно так. Если добавляется еще и немного алкоголя... Хорошо, можешь мне не верить.

- В октябре у нее был нервный срыв после смерти деда, а что такого исключительного случилось вчера? - бросила Александра. - Ладно, мне все равно, что ты ответишь. Анна в тебя влюблена, по всей видимости, и делает все, что ты ей прикажешь.

- Бред.

На этот раз она взглянула ему в лицо. Эльк сидел, выпрямившись, кусая нижнюю губу. Его взгляд стал колючим.

- Не говори о том, чего не понимаешь, - бросил он наконец. - Хорошо. Ты думаешь, я украл письмо, пускай будет так. Но зачем я это сделал?

- Чтобы я не могла доказать, что оно было.

- А что в нем такого? - пожал плечами Эльк. - Видишь, ты не можешь ответить. В таких обвинениях самое ужасное, что ничего нельзя доказать. Я говорю, что не делал этого, - ты мне не веришь. Это кошмар. Хорошо, не сотрудничай с Дирком. Выбрось в мусор свои деньги. Считай, что Надя мертва, если тебе пришла в голову такая фантазия. Но не говори, что я рылся в твоей сумке!

- Никаких фантазий, - процедила Александра. - Она точно умерла.

- Кто тебе сказал?!

- Стоговски!

- Стоговски?! - Эльк, не веря, впился взглядом в ее зрачки. Затем приоткрыл рот, словно пытаясь вдохнуть побольше воздуха. - Она... так сказала?!

Александра рывком подняла с пола сумку и вытряхнула оттуда каталог Бертельсманна, услужливо раскрывшийся на нужном месте.

- Заключение на «Детей садовника» давали Моол, Тидеман и Надя. - Художница придвинула каталог к Эльку, торопливо поправлявшему очки. - Двое из них уже мертвы. Это сказала мне Стоговски только что на прощание.

Эльк низко склонился над страницей:

- Тут какая-то путаница. Не забывай, сколько лет старухе...

- Хочешь сказать, что Стоговски выживает из ума? - парировала Александра. - После того, как советовал мне ее опасаться?

Эльк с озадаченным видом покачал головой:

- Я даю тебе гарантию, что на этот раз она перепутала. Из трех экспертов мертв только один - Петер Моол.

- Когда ты видел Надю, в таком случае? - Мужчина промолчал, но Александра и не ждала ответа. - Хорошо, пусть не ты забрал ее письмо. Пусть не ты, а кто-то другой... Хотя кто о нем знал, кроме тебя?

Эльк не перебивал. Он снял очки и аккуратно положил их на край стола. Запрокинул голову, опустил веки, словно готовясь принять удар. Вид у него был отстраненный и собранный

одновременно.

- Значит, ты не брал письмо, Стоговски перепутала и Надя жива, – продолжала Александра, борясь с нарастающим бешенством. Она была готова ударить мужчину по лицу, невыразительному и неприятно загадочному, словно запечатанный конверт без надписи.

- Похоже, ты не рада этому, – сдержанно ответил Эльк.

- Но Варвара... Барбара погибла вчера. Этого ты отрицать не можешь. – Александра словно не слушала его язвительного уточнения.

Мужчина взглянул на часы:

- И уже утром нам придется явиться в полицию по этому печальному поводу. Не мешало бы выспаться, чтобы иметь ясную голову...

- Ты, по всей видимости, уже знаешь, что будешь говорить? – заметила Александра.

- Главное, чтобы ты не рассказывала там о своих фантазиях. – Теперь на лице Элька явственно читалось беспокойство. – Я очень жалею, что не могу прямо сейчас найти твою подругу, чтобы ты успокоилась. На слово ты мне не веришь... Я клянусь, что она жива!

- И когда ты ее видел?

- Вчера! У Стоговски! – Эльк говорил зло, отрывисто, бросая каждое слово через силу. – Да, ты не ошиблась, именно она стояла в окне. Она ждала там одного человека для делового разговора. Я видел ее лицом к лицу, вот как тебя сейчас. Правда, всего одну минуту. Но это была она.

Александрю передернуло:

- И снова ты подсовываешь мне дешевую, наглую ложь! Кто еще ее видел?

- Дирк.

- О, Дирк... – иронично протянула женщина. – Его честность неоспорима. Кто еще?

- Стоговски.

- И все гости Стоговски, наверное, тоже были при этом деловом разговоре, – бросила Александра. В висках у нее болезненно колотилась кровь. – Там, в мансарде, никого не могло быть, я узнавала! Ты предлагаешь мне поверить в собственную иллюзию, с которой я уже рассталась.

- Черт... – Эльк взъерошил волосы обеими руками и беспомощно взглянул на собеседницу: – Что ты еще хочешь мне приписать? Может быть, это я убил Барбару?

Последние слова он произнес уже в полный голос. Барменша, явно понимавшая по-английски, обернулась и, не скрывая любопытства, смотрела на них. Мужчины, которые пили пиво, успели уйти, теперь в крошечном баре осталось всего два посетителя – Александра и ее спутник.

- Ты сказал мне вчера, у Стоговски, что взял велосипед у горничной, съездить через квартал, навестить старого знатока фарфора. Больного, в инвалидном кресле... – Александра сделала глоток из своей чашки, и остывший кофе показался ей нестерпимо горьким. – Но оказалось,

что он умер два месяца назад. Твои собственные слова.

Эльк, словно бессознательно следуя ее примеру, также отпил кофе, поморщился и с изумлением заглянул в чашку.

- Отвратительно. Просто ужасно.

- Ты о чем? - Александра была озадачена его искренней интонацией.

- Я об этом кофе. Правда, ничего другого я и не ждал. Туристическое место!

- А я думала, ты о своем алиби. - Облокотившись о стол и сцепив руки в замок, она смотрела на мужчину. - Ведь тебе придется объяснять, куда ты вдруг исчез с вечеринки и почему вернулся с расцарапанной щекой? Где изорвал дождевик? По какому поводу хлестал водку? Ведь авторитетный коллекционер фарфора, умерший два месяца назад, это, как я понимаю, дед Анны? Петер Моол? Ты как-то вдруг забыл о его смерти... Ну конечно, стоит ли особенно стараться из-за меня! Мне можно рассказать что угодно! Я ведь не смогу проверить! Но полиция захочет узнать, у кого ты был, и проверит! Может быть, ты умеешь воскрешать мертвых? И Петер Моол даст показания в твою пользу?

Она видела, что Эльк даже не пытается оправдываться, вновь заняв позицию отстраненного внимания. Это бесило ее особенно сильно, и она становилась грубой. Теперь Александре казалось, что ее всегда раздражал этот высокомерно поднятый подбородок Элька, пристальный взгляд из-под полуопущенных век, морщинки в углах рта - словно едва намеченная ироничная улыбка.

- Да, улыбайся! - против воли резко заметила она. - Но в полиции твое алиби не пройдет. Да и горничная не подтвердила, что ты брал у нее велосипед. Ты его не брал, велосипед цел. И ты не ездил к покойнику за советом, разумеется. Придумай что-то другое, до утра время еще есть.

- Зачем? - откликнулся наконец часовщик. Он даже не шевельнулся, продолжая наблюдать за Александрой, которая была так взвинчена, что не находила себе места. - Ты все расскажешь за меня, как я вижу. Послушать тебя - это я был в парке, убил Бар бару. Она, наверное, дралась со мной... При этом поцарапала мне щеку... Порвала плащ... да и разбила очки...

- Кстати, ты нашел в парке стекло? - быстро спросила Александра.

- Нет! - так же молниеносно, с досадой, ответил мужчина. Запнувшись, поднял веки. Их взгляды встретились.

В этот момент над открывшейся дверью зазвенели колокольчики. В бар втиснулась большая компания - немецкие туристы, продрогшие, шумные, счастливые. Они хохотали, толкали друг друга локтями, теснясь у стойки, барменша шутила с ними, нажимая никелированные ручки, нацеживая пиво. Музыка из динамика над кассой стала громче - играла веселая гармошка, бил барабан, женский голос ритмично, отрывисто, на одной ноте, выкрикивал куплеты народной песни. Запахло сырой одеждой, зазвенели бокалы.

- Дождь идет, - сказал Эльк, отворачиваясь от туристов. - Ну что же... Скажешь в полиции, что я убил Барбару?

- Нет! - отрезала Александра. Ее голос дрожал, хотя она сдерживалась изо всех сил. - Я ничего не видела и ничего говорить не собираюсь. Пусть ищут сами.

Она говорила, почти не думая, повинуюсь велению минуты, и сама едва понимала смысл сказанных слов. На мужчину же они произвели глубокое впечатление. Подавшись вперед, он попытался взять ее руку. Александра сжала пальцы в кулак, показывая, что это прикосновение ей будет неприятно.

- Спасибо, - тихо сказал Эльк, убирая руку и отодвигаясь вместе со стулом от стола. - Видит Бог, я не хотел, чтобы она погибла! У меня и в мыслях не было... Я видел ее мертвой, признаюсь тебе... Но не убивал ее, хотя ты мне и не веришь. Не убивал!

- Спасибо, - тихо сказал Эльк, убирая руку и отодвигаясь вместе со стулом от стола. - Видит Бог, я не хотел, чтобы она погибла! У меня и в мыслях не было... Я видел ее мертвой, признаюсь тебе... Но не убивал ее, хотя ты мне и не веришь. Не убивал!

- Пожалуйста, молчи! - перебила женщина. У нее в глазах стояли слезы, и она упорно смотрела в окно, чтобы Эльк ничего не заметил. - Опять ложь! Ты отвел меня к Стоговски, сам ушел, вызвал ее в парк...

- Нет-нет, все было не так! - в свою очередь перебил Эльк. - Это Барбара позвонила мне, пока ты осматривала номер в отеле, где жила Надя. Это Барбара хотела срочно поговорить! Это она предложила встретиться в парке, перед тем как идти к Стоговски!

Александра с удивлением услышала свой смех, донесшийся словно издалека. К этому моменту ее нервы были напряжены уже до такой степени, что она не боялась услышать самое страшное признание от человека, с которым недавно была близка.

- А встретиться и поговорить было необходимо... - Эльк потер ладони, затем пригладил волосы, оглянулся на туристов, окончательно оккупировавших крошечный бар. К счастью, они так шумели, что пара у окна не привлекала ничего внимания.

«Если не слушать, о чем мы говорим, можно принять нас за любовников, которые решили разорвать отношения!» - подумала Александра.

- Она собиралась нарушить одно важное обязательство, - продолжал Эльк. Он постепенно обретал свою обычную самоуверенность. - И я по-дружески просил ее не делать этого... Я предупреждал!

- По-дружески... Как интересно! - Она продолжала смотреть в окно. - Значит, когда я была наверху, в номере, вы говорили по телефону. О чем, позволь узнать?

- Совершенно ни о чем, тем более она все еще находилась на аукционе. Собственно, у меня с ней никаких дел не было, она нарушила обязательства перед Дирком. Ничего не хочу от тебя скрывать: ты ведь теперь знаешь, что она рекомендовала твою подругу Дирку. Так вот, она получила вознаграждение как посредник и не должна была больше вмешиваться в их дела. А она вдруг решила вмешаться. Потребовала еще денег. Занялась шантажом... Это просто непорядочно!

- Да-да, - кивнула Александра. На этот раз она взглянула на рассказчика. Тот удивленно поднял брови.

- Согласна, обязательства нарушать нельзя, - пояснила Александра, решив воздерживаться впредь от иронии, которая Эльку либо казалась непонятной, либо он делал вид, что не понимает ее. - Тем более она ведь получила деньги за услугу. Я правда так думаю.

- Не знаю, в чем была причина! - вздохнул Эльк. По всей видимости, он слегка успокоился. - У Барбары были одни неудачи в последнее время. Она стала неадекватной. Я просил ее по телефону, чтобы она бросила свою затею, никто ей больше ничего платить не будет... Но она увидела, за какую цену продали «Детей садовника», и это ее с ума свело. Она могла говорить только об этом! И требовала, чтобы я организовал ей встречу с Дирком, еще до вечеринки у Стоговски. Иначе, говорила она, устроит скандал на глазах у всего общества. В гостях...

- А скандал, как я понимаю, касался подлинности заключений, которые были выданы на «Детей садовника»? - уточнила Александра. - Точнее, заключения-то были подлинными. В отличие от фарфора, по всей вероятности...

- Именно так, Саша.

- Я рада, что ты говоришь со мной честно, - сказала она с усилием. На душе у нее становилось все тяжелее.

На улице тем временем пошел проливной дождь. Зеедик немедленно опустела. В лужах плавали огни вывесок, сиявших сквозь водяную пыль нежно, смягченно. Туристы у стойки бара также смотрели в окно, очевидно, сокрушаясь оттого, что не могут продолжить прогулку. Барменша, тихонько напевая, нацеживала очередной бокал пива. Поймав взгляд Александры, она улыбнулась ей заговорщицки, тепло.

- Именно так, и она прекрасно знала, что вмешиваться в это дело нельзя, - продолжал Эльк. - Никто этого терпеть не будет. Дирк сейчас не в том финансовом положении, чтобы платить шантажистам. И потом, шантажистам вообще никогда не надо платить. Она требовала, чтобы я организовал их встречу. Я был вынужден перезвонить ему... Смешно, да? Они находились в одном здании, но прямой контакт был невозможен. После истории с пропавшим фарфором он был очень на нее зол. И то, что она так удачно пригласила в Амстердам Надю, дела не изменило. Дирк давно пожалел, что связался с Барбарой... Она слишком требовательна, и ей нельзя верить!

- Она погибла, - напомнила Александра. - Теперь она честнее нас всех вместе взятых, потому что никогда уже не соврет.

- Я созвонился с Дирком, передал ему, где и когда его будет ждать Барбара. Она хотела встретиться в парке Вондела, позади виллы по адресу Кониингслаан, 40.

- Это мой адрес! - вырвалось у Александры. - Я сказала его Варваре на аукционе...

- Она угрожала, что в случае отказа все расскажет тебе. Да и решилась на такой шаг только потому, что приехала ты, мне кажется. Это каким-то образом воодушевило ее.

- То есть я косвенным образом виновна в ее смерти, это ты хочешь мне внушить? - бросила Александра, зябко стягивая на груди полы куртки и вновь отворачиваясь к окну. - Тогда обвини меня и в смерти Нади заодно.

- Надя жива! - Последние слова Эльк почти выкрикнул и, опомнившись, тут же заговорил шепотом, не обращая внимания на то, что в их сторону сразу повернулось несколько голов. - Она жива, я не знаю, чего ради Стоговски сказала, что из трех экспертов двое умерли. Умер только Моол... И естественной смертью, уверяю тебя!

- А Варвара?

- С ней все вышло плохо... хуже некуда... - пробормотал Эльк. Это воспоминание явно причиняло ему настоящую боль. - Дирк согласился с ней встретиться. Анна поехала к Стоговски одна, без отца. Мы с тобой пошли туда пешком из отеля... Остановились у твоего дома - Барбара назначила встречу Дирку в нескольких метрах от этого места, в это самое время, только со стороны парка. Но ты сама слышала, как было тихо!

- Значит, в это самое время... - Александра произнесла эти слова и не услышала своего голоса. Перед ней вновь мелькнуло лицо Варвары, блеснул кровавый рубиновый огонек в ее жабо из пожелтевших кружев. Она поймала себя на том, что невольно старается поверить Эльку. - Когда мы пришли к Стоговски, Анна была там. А ее отца не было. Все верно. Но потом исчез ты, и очень надолго! Так что... почему я должна поверить, что это был не ты? И как она погибла, вообще?

Дождь перестал. На улице вновь появились прохожие. Туристы у стойки оживились, расплачиваясь и собираясь продолжать осмотр значных мест. Эльк нахмурился, в упор посмотрев на Александру, затем взглянул на часы:

- Как поздно... И как страшно все обернулось. Не думай, что мне не жалко Барбару...

- Как она погибла?

- Я все знаю со слов Дирка. - Он говорил еле слышно, углом рта, не сводя взгляда с туристов, теснящихся у двери. - Когда он появился у Стоговски, без Барбары, я сразу понял, что они поссорились окончательно. Подошел к нему, спросил... Дирк говорил совершенно спокойно, должен признать! Они поспорили, она попыталась выцарапать ему глаза, бросилась в лицо молча. Как дикая кошка... Он ее оттолкнул и ушел. Судя по всему, сказал он, она поскользнулась на берегу канала и упала в воду - он слышал плеск. Дирк попросил меня сходить за ней, вдруг она сломала ногу...

- И ты пошел? - подняла брови Александра.

- Дирк - мой старый друг и деловой партнер. Я пошел.

Теперь бар опустел. Барменша тоже исчезла в комнатке за стойкой - оттуда доносилось звяканье стекла. По всей видимости, она уже пришла к выводу, что эта пара за столиком у окна обосновалась здесь до закрытия, то есть часов до двух ночи. В квартале красных фонарей, где все было таким старинным и в то же время не было ничего постоянного, привыкали друг к другу за час, как за год, и расставались навсегда за секунду, без сожалений, с улыбкой.

- Я взял в прихожей дождевик, пошел в парк. Нашел Барбару на том месте, где он указал. - Эльк ссутулился, пожививаясь, словно ему вдруг сделалось холодно. - Фонарь горел довольно далеко, мне не было видно лица... Немного света падало из окон виллы, где ты остановилась - на втором этаже горели все окна. Я не трогал ее, только склонился над ней, позвал... Она была без сознания или мертва. Я поскользнулся, вцепился в куст, рядом с которым она лежала. Земля была мокрая от дождя... Упали очки. Я еле нашел их, изорвал дождевик о ветки, поцарапал щеку. Мне было очень страшно, Саша, что меня вдруг застанут с трупом. Вдали слышались голоса - у входа, где горели фонари. Я нашел очки, они были в грязи. Сунул в карман, пошел к выходу.

- И... все?! - спросила Александра, когда он замолчал.

- Не совсем. - Дирк смотрел в окно. Его губы нервно, произвольно кривились. - Я столкнул труп в воду, просто подтолкнул ногой, и она съехала по мокрой траве, как по маслу...

Александра закрыла лицо руками. С минуту она не находила в себе сил встать, двинуться, что-то сказать. Ее обожгло жаром, воздух сделался колким, и каждый вдох причинял боль. Она медленно отняла руки:

- Ты - чудовище. И я не верю тебе, что Надя жива. Она оставила для меня в октябре записку, написала, что могла, а могла она немного, за ней следили. Но она оставила мне знак, чтобы я была настороже. Она не звала на помощь, не надеялась, что ее найдут, но меня постаралась предупредить. Предостеречь от сотрудничества с тобой и твоим другом!

- Нет-нет, - покачал головой мужчина. - Это какие-то фантазии!

Александра взглянула на него с ненавистью:

- Нет? Ну конечно нет. На дне какого канала она лежит, среди выброшенных велосипедов? Ее ведь так и не нашли. Потому что не искали! Она просто потерялась тут. Варвара - дело другое, у нее здесь семья, бизнес. А Надя... Что такое Надя? Она и работала без разрешения на работу, конечно! И была вынуждена подписывать то, что ей подсовывали! А потом вы избавились от нее, как и от Петера Моола!

Эльк попытался перебить, но Александра резко поднялась из-за стола:

- Отель «Толедо», 103 А! Знаешь, что такое «Отель «Толедо»? В другой раз, когда будешь со своим приятелем Дирком обрабатывать очередную жертву в его наследственном ресторане, взгляни внимательнее на фасад!

Она вышла из бара, не оборачиваясь, и двинулась к площади Дам, все убыстряя шаг. Было далеко за полночь. Впереди показались подсвеченные башни Святого Николая, в лицо ударил морской ветер, стиснутый до этого стенами тесно стоящих домов. Александра остановилась и обернулась. Она почти не сомневалась в том, что Эльк поспешил за ней следом, но ошиблась - его тени не оказалось среди других ночных теней знаменитой Зеедик, бывшей улицы воров, убийц и матросских «венер».

Когда Александра на такси вернулась к месту ночлега, близился первый час ночи. Вновь разошелся дождь, по мостовой бежали ручьи. Вода всхлипывала, просачиваясь сквозь решетки водостоков. Респектабельная улица спала. Расплатившись с таксистом, Александра запрокинула голову. На втором этаже светилось два окна - кто-то из жильцов еще бодрствовал. Она вошла в холл, стараясь не шуметь, и сразу столкнулась с Лиз де Бак. Хозяйка явно ее поджидала.

И Лиз де Бак была не одна. Александра никак не ожидала увидеть здесь горничную Елены Ниловны, с которой так неудачно побеседовала вечером, и все же сомневаться не приходилось - это была она. Девушка смотрела на нее исподлобья, смущенно, отчего Александра и сама почувствовала неловкость.

- Ну вот, вы все же вернулись! - приветствовала Лиз де Бак гостью. - А это - к вам. Я не знала, как поступить, девушка очень хотела вас дождаться.

- Конечно, я вернулась. - Александра прикрыла наконец за собой дверь. - Вы думали, я уеду тайком?!

Она попыталась улыбнуться, в знак того, что шутит, но шутка была слишком похожа на правду, и улыбка погасла. Ей именно хотелось исчезнуть из этого уютного дома, никогда больше не

появляться на этой улице. Вчерашнее свежее утро, когда Эльк ждал ее у крыльца, чтобы увезти на Маркен, осталось где-то очень далеко, словно все происходило год назад. Александра чувствовала себя пустой, измотанной. Эта девушка из особняка Елены Ниловны, которая, уж конечно, принесла ей какие-то очередные плохие новости, явилась совсем некстати.

- Я вас оставлю, - дипломатично заявила Лиз. Вскоре ее шаги стихли на лестнице, застланной ковром. Тогда горничная заговорила, торопливо и сбивчиво, не дожидаясь вопросов, словно боясь, что ее выставят за дверь.

- Вы оказались правы! Наверху кто-то был вчера! - заявила она без предисловий. Александра оторопела:

- Как вы узнали?

- Окурок! Вы сказали, что какая-то женщина была наверху и курила, и я решила поискать окурок, когда вы уехали в ресторан. И нашла! Под окном, в самом углу! - Округлив глаза, девушка показала Александре пластиковый пакетик, внутри которого действительно виднелся скрюченный окурок сигареты. Она явно подражала тому, что видела в детективных фильмах. - Я не курю, хозяйка тоже! Никого из гостей вчера наверху не было! И потом, никто бы не решился там курить, ведь вокруг сохло белье! Останется запах...

- Вот как... - Александра, растерявшись, не нашла других слов. - Да, действительно, останется запах...

- Я хотела снять белье в тот день, когда у хозяйки был прием, но она не отдала мне ключ... - Горничная волновалась все больше, ее округлые щеки покрылись красными неровным пятнами. - А сегодня вечером белье уже пересохло...

Александра смотрела на нее, ожидая продолжения, но девушка вдруг замолчала, словно наткнулась на невидимую преграду.

- Я рада, что не ошиблась, - проговорила наконец художница. - Ведь я, без сомнения, видела, что вчера, наверху, кто-то стоял у окна и курил... Спасибо, что зашли. Я рада узнать, что мне не показалось. Достаточно этой непонятной истории с письмом...

Александра, падавшая с ног от усталости, красноречиво взглянула на часы, висевшие напротив входной двери. Девушка перехватила ее взгляд и смутилась еще больше, если это только было возможно.

- Но я не это хотела сказать... - проговорила горничная, косясь на циферблат. - Я сейчас уйду, не беспокойтесь! Я вышла из дома без спроса, хозяйка не любит, когда так делают. Я пришла рассказать вам о письме.

- Та-ак... - неопределенно протянула Александра. Мучившая ее усталость разом прошла, сердце часто заколотилось.

- Когда я нашла окурок, мне стало ясно, что вы правы - в доме происходит что-то странное... Я вас не обманывала, просто не могла рассказать... - Девушка сделала глубокий вдох, словно набираясь решимости. - Я видела вчера, как ваша сумка была в чужих руках. Но меня за это не уволят, вы не бойтесь. Сумку держала сама хозяйка. Но я не знаю, брала ли она письмо! - торопливо добавила девушка, избегая пристального взгляда Александры.

- Вот как... - после паузы проговорила художница. - И конечно, вам она не сказала, зачем

взяла мою сумку. А когда это случилось?

- Она взяла сумку перед тем, как отправиться к гостям... - призналась горничная. Ее простоватое круглое лицо стало совершенно пунцовым. - Я вышла в холл и увидела, что хозяйка сидит перед вешалкой, на коленях у нее - сумка, та самая, которую вы мне передали... Я видела, как она застегивала ее. Потом отдала Рите - это старшая горничная, и та повесила сумку обратно на крюк. Это все. На меня они даже не посмотрели, хотя видели, что я вошла. Я... Только младшая горничная.

Александра кивнула. Теперь она ощущала странное спокойствие - ей казалось, что теперь ее не заставил бы содрогнуться даже выстрел над ухом.

- Значит, когда хозяйка ругала тебя за пропавшее письмо, сегодня вечером, при гостях, это была комедия?

Девушка низко склонила голову.

- Большое спасибо, что пришла и рассказала мне все. - Александра приблизилась к девушке и дружески потрепала ее по плечу. Она видела, что та готова расплакаться от стыда и волнения. - Можно дать тебе совет? Наверное, это очень хорошая работа, и дом госпожи Стоговски - это уважаемый солидный дом. Но все-таки уволься оттуда как можно скорее, слышишь?

Горничная тяжело, прерывисто вздохнула, поднимая наполненные слезами глаза:

- Зачем она взяла у вас письмо? Александра покачала головой:

- Не знаю. Некоторые люди слишком многое себе позволяют. Ну, иди, уже очень поздно. Район, как видишь, стал совсем не таким безопасным, как раньше.

Девушка содрогнулась.

- Да, я пойду... - пробормотала она. Приблизившись к двери, остановилась, нерешительно натянув обеими руками концы цветастого шарфа, словно пытаясь определить, какой из них длиннее. - Такой сегодня тяжелый день. Вы уже знаете? Умер господин ван Тидеман.

Александра сперва оперлась рукой о спинку стоявшего рядом кресла, затем присела. У нее сильно закружилась голова.

- Хендрик ван Тидеман? - уточнила она. - Как же так? Когда?!

- Я сама не поверила, когда узнала... - кивнула девушка. - Он был такой милый человек, очень добрый. И еще крепкий! Вчера пел песни со всеми... Когда гости ушли, задержался еще, пил с хозяйкой чай. Нам час назад позвонили. Хозяйка уже спала, Рита была в кухне. Я взяла трубку. Сказали, что господин Тидеман умер. Потом было еще два таких же звонка... Пришлось выключить до утра телефон, Рита решила, что эта новость может подождать. Хозяйка очень расстроится... Они много лет дружили.

- Но что случилось?!

- Оказывается, он умер еще утром, просто не проснулся, - с искренним расстройством, удивительно шедшим к ее простоватому лицу, сообщила девушка. - Или днем... Он жил один. А узнали только что, у него нет прислуги, нет родственников. Ктото из знакомых весь день не

мог дозвониться, решили взять запасные ключи у хозяина дома, где Тидеман снимал квартиру, и проверить, все ли в порядке. Умер во сне...

Девушка тяжело вздохнула и присовокупила, явно повторяя слышанную от кого-то фразу:

- Умер, как счастливчик.

Александра смотрела в одну точку, сдвинув брови. Гостя, поколебавшись еще секунду, отворила дверь и, тихонько попрощавшись, исчезла. Шелест дождя на миг сделался сильнее, затем щелкнул автоматически закрывшийся замок, в передней стало тихо. Александра заставила себя подняться и принялась карабкаться к себе, наверх, по крутой лестнице, застланной ковром.

На площадке третьего этажа, перед дверью квартиры Дианы и Юрия, ее ждала Лиз де Бак. Хозяйка даже не пыталась делать вид, что оказалась здесь случайно.

- Что-то еще случилось? - прямо спросила она.

- Нет... В общем, ничего особенного, - замедленно ответила Александра, сжимая ключи. - Сегодня скончался один общий знакомый, девушка зашла сообщить.

- Боже мой... - протянула хозяйка. - Еще один знакомый! Ужасный день. Отчего он умер?

- Он умер утром, во сне... Ему было уже очень много лет. - Александра вложила ключ в замок. - Я не близко его знала... Завтра мне рано вставать, надо ехать в полицию. Голова кругом.

- Когда проснетесь, спускайтесь ко мне на чашку кофе. - Лиз де Бак коснулась ее плеча. - А хотите, я вас разбужу, только скажите, во сколько. Да, это все очень тяжело, но надо помнить о том, что всегда наступает новый день!

...В прихожей, взглянув на свое отражение в зеркале, Александра не сразу узнала собственное лицо. Оно показалось ей таким жалким, измученным, чужим, что женщина испытала острую жалость к себе. Минувший бесконечный день принес ей столько шоковых ощущений, что у нее не осталось сил даже на то, чтобы заплакать. Женщина разом видела внутренним зрением все лица этого дня, они теснились, путались, наслаивались одно на другое. Покровительственная усмешка Елены Ниловны, ее растерянная розовощекая горничная, крысиные умные глаза Дирка, безмятежно улыбающаяся голубоглазая Анна, полицейский, предъявляющий водительские права Варвары, Лиз де Бак... Все эти лица внезапно заслоняло лицо Элька в доме на Маркене, его серые глаза, чуть сощуренные, затуманенные далекой мыслью. За ним тут же являлось лицо Варвары, Александру искал и тут же находил ее беспокойный взгляд, темные, глубоко посаженные глаза спрашивали о чем-то, но губы были неподвижны.

Ополоснув лицо ледяной водой, Александра прошла в комнату, где провела предыдущую ночь, и упала на постель. У нее едва хватило сил раздеться и натянуть на себя одеяло. Наступила зыбкая минута предсонья, ей казалось, что она ни за что не уснет, хотя хотелось спать смертельно, тяжело, непреодолимо. «Анна заснула так внезапно, у нее... нар-ко-лепсия... - по слогам припомнила Александра. - Она понервничала из-за того, что Варвара решила шантажировать ее отца. Дирк наверняка ей рассказал. Но улыбалась мне так, словно ее ничто на свете не беспокоит!»

Под окном, на канале, закричали проснувшиеся утки. Что-то потревожило их - велосипедист

ли, проехавший слишком близко к стае, или ветка дерева, сломавшаяся под дождем и упавшая в воду. Александра содрогнулась от мысли о том, что прошлую ночь провела совсем рядом с Варварой – ее тело, скрытое прибрежным кустарником, лежало прямо под окнами, в десятке метров. Простыня показалась ей скользкой и влажной, пальцы стиснули ткань, пытаются нащупать мокрую траву, зацепиться за песок, перед падением в черноту, наполненную плеском воды, молчанием, последним головокружением. Александра соскользнула в сон, все еще борясь с дневными призраками. Последним лицом, которое она увидела, было лицо Нади.

Глава 12

Дождь продолжал идти все утро. Распогодилось только к полудню, когда Александра вышла из здания полицейского управления. Разговор занял меньше времени, чем она ожидала. Александра готовилась передать всю историю своего долгого знакомства с Варварой, но ей задавали чисто формальные вопросы, касавшиеся в основном вчерашнего дня. Кроме того, на ее взгляд, неоправданно плотно интересовались целью ее визита в Амстердам. Также поступила просьба назвать двух-трех знакомых Александры, граждан Евросоюза, или постоянно проживающих на территории Нидерландов. Она назвала Диану с Юрием и, чуть поколебавшись, Элька Райнике.

- А еще кто-нибудь? - спросили ее.

- Елена Стоговски. Она проживает на Эммаплейн...

Инспектор удовлетворенно и, как показалось Александре, уважительно склонил голову. Дальнейший разговор занял несколько минут. Александра отвечала, чувствуя себя преступницей, боясь, что ее глубоко спрятанное смятение станет очень заметно при первом неудобном вопросе. Выдавать Элька и рассказывать о махинациях Дирка она не собиралась. Солидарность была тут ни при чем, так же как и страх перед ними. «Варвара погибла из-за того, что решила шантажировать партнера, это очевидно! - твердила про себя Александра. - Ее не воскресить, и ничего тут не исправишь. А если я скажу хоть слово, мне придется объясняться очень, очень долго. Долго и безуспешно. И слушать будут не меня, а успешных уважаемых людей. Которые платят здесь налоги и пользуются влиянием!» Александре вспомнилась нетопленная захламленная мансарда в особняке под снос, куда ей предстояло вернуться. Грошовой заказы, за которыми предстояло еще побегать по всей Москве. Вчерашний отказ сотрудничать с Дирком. Уже за это утро она несколько раз успела выругать себя за то, что была так категорична, отказывая, и столько же раз изумиться своему малодушию. Безденежье душило ее. Перспектив не предвиделось никаких.

- Это все, - сказал наконец инспектор, разворачивая к ней бумаги. - Подпишите здесь. И еще здесь.

«Остается только Елена Ниловна... - в смятении думала Александра, подписывая свои показания. - Вся надежда теперь на нее...» Но стоило ей представить морщинистое безжизненное лицо госпожи Стоговски, мысленно встретить испытующий взгляд ее младенчески молочных глаз, услышать ее тусклый голос, произносящий неизменно циничны, язвительные речи, как надежда переставала казаться заманчивой. «Скорее бы уехать... Подумать только - уже все эксперты, давшие положительные заключения на «Детей садовника», мертвы. Трое из трех! Петер Моол, Надя и этот зловещий Тидеман с пухом на макушке. Боже, а я сижу тут и рассказываю полицейскому о том, что ничего не знаю о финансовых затруднениях Варвары, и строю предположения о том, куда она собиралась перед

тем, как идти к Стоговски!»

- Когда вы планируете возвращаться в Москву? - спросил ее полицейский, наливая себе чашку кофе из термоса. Это был не тот инспектор с внешностью восточного типа, которого Александра видела вчера у парка Вондела, а другой - крепкий, коренастый, с красноватым простым лицом, настоящий крестьянский тип старых Нидерландов, так часто воспеваемый живописцами золотого века.

- Вероятно, сегодня вечером, - ответила Александра.

- Тогда не буду вас особенно предупреждать, чтобы вы были осторожны по вечерам. - Он дружелюбно улыбнулся поверх дымящегося кофе. - А то случается всякое, особенно сейчас. Видите, ваша знакомая жила здесь много лет, чувствовала себя в безопасности и пошла вечером через парк одна. И вот что случилось! Погибла из-за телефона и нескольких пустых кредиток, которые при ней были. Да, еще пропала булавка с красным камнем, которую она носила. Ценность невелика, но именно булавка, скорее всего, привлекла преступников.

Внимательнее взглянув в лицо Александре, инспектор перестал улыбаться и нахмурился:

- Что с вами? Вам плохо?

- Да, мне трудно об этом слышать, - вымученно проговорила Александра. - Вечером я постараюсь уехать.

- Жаль, что не останетесь на День святого Николая! - заметил инспектор. И по голосу было слышно, что это не дежурная фраза, ему действительно жаль.

На его столе, помимо компьютера и папок с бумагами, стояла круглая коробка имбирного печенья и завернутый в целлофан марципановый поросенок оглушительно-розового цвета. В углу большого кабинета, где сидели еще несколько сотрудников, мигала огоньками маленькая искусственная елка, украшенная гирляндами из флажков Амстердама: красных с черной полосой и тремя косыми белыми крестами. Под елкой сидел плюшевый медведь в шарфе.

- Может быть, я немного задержусь, - сказала, поднимаясь, Александра.

Эльк ждал прямо напротив здания полицейского управления. Утром ее разбудил телефонный звонок - звонила по внутреннему телефону Лиз де Бак, сообщая, что Александру ждет внизу ее друг. Художница, стараясь говорить спокойно, попросила передать, что поедет в полицию сама. Когда она спускалась вниз, у нее было предчувствие, что Эльк все же ее подкарауливает. Но он ушел. Не было его ни на улице, ни в здании управления. А сейчас он стоял неподалеку от входа, заложив руки в карманы пальто, разглядывая прояснившееся небо, с самым невозмутимым видом.

Александра приостановилась на миг. Потом повернулась и пошла прочь, стараясь не спешить. Вскоре за спиной послышались нагоняющие шаги, и знакомый голос произнес:

- Вижу, со мной ты говорить не хочешь. Кстати, доброе утро!

- Доброе утро, - бросила она через плечо, не глядя. - Если ты переживаешь, как все прошло - прошло хорошо. Я ничего лишнего не говорила. О тебе не говорила вообще. Мне задали только пару вопросов.

- Я и не беспокоюсь. - Эльк нагнал ее и теперь шел рядом, пытаюсь приноровиться к ее шагам.

Ему было нелегко сделать это из-за больной ноги, он сильно прихрамывал. На этот раз Александра совсем не жалела его. – Мне не нравится, как мы расстались вчера.

– Доброе утро, – бросила она через плечо, не глядя. – Если ты переживаешь, как все прошло – прошло хорошо. Я ничего лишнего не говорила. О тебе не говорила вообще. Мне задали только пару вопросов.

– Я и не беспокоюсь. – Эльк нагнал ее и теперь шел рядом, пытаюсь приноровиться к ее шагам. Ему было нелегко сделать это из-за больной ноги, он сильно прихрамывал. На этот раз Александра совсем не жалела его. – Мне не нравится, как мы расстались вчера.

Художница остановилась. Эльк стоял в шаге от нее, слегка задыхаясь, пытаюсь улыбнуться. Улыбка получалась натянутой. Он снял очки, сощурился и вновь надел их.

– Не гоняй меня так, – попросил он. – Я на машине. Отвезти куда-нибудь?

– Я отлично доберусь сама, куда мне требуется. – Александра смотрела куда-то за его плечо. – Да... Ты слышал новость? Про смерть Тидемана?

– Только что узнал, – кивнул Эльк. – Это все объясняет.

– Все? – Теперь она смотрела прямо ему в глаза. – Что именно это объясняет?

– Стоговски утверждала, будто двое из троих экспертов мертвы, – напомнил Эльк. – Она имела в виду старого Моола и Тидемана, конечно. О Тидемане просто никто еще не знал.

– О Тидемане во время нашего с ней разговора никто не знал вообще, – отрезала Александра. – Его нашли только поздно вечером. Ей начали звонить по этому поводу около полуночи, когда она сладко спала. А она, по-твоему, уже об этом знала? Откуда же?

Эльк внезапно облизал губы кончиком языка. В этом движении было нечто змеиное.

– Никому об этом не говори, хорошо? – сказал он внезапно низким, незнакомым голосом. – Я сам спрошу у Стоговски. А лучше не спрашивать.

– Эльк... – Александра продолжала в упор смотреть на него. – Ты сейчас пытаешься убедить меня в том, что Елена Ниловна каким-то мистическим образом была осведомлена о смерти Тидемана, которого даже еще не нашли мертвым. А она знала, что он мертв, оговорила, сообщила мне, что двое из троих мертвы. То есть ты мне предлагаешь поверить в твои слова о том, что Стоговски – сущий дьявол. Что старая больная женщина, прикованная к инвалидному креслу, имеет отношение к этой смерти. Помню, ты уже говорил, чтобы я была с ней осторожна. Я была осторожна. Теперь я стала очень осторожной, и не только с ней.

– Я сейчас прошу, будь очень осторожна, – произнес Эльк, заметно нервничая. – Думай обо мне все что хочешь, но не откровенничай с ней. Я желаю тебе только добра...

– Стоп-стоп, – прервала Александра. – Тебе вообще не придется ничего говорить, если Надя окажется жива. В этом случае факты будут за тебя. Иначе, понимаешь ли... Иначе...

Она ждала нового потока заверений в том, что Надя жива, была готова к тому, что Эльк повторит неуклюжую вчерашнюю ложь о том, что он видел ее у Стоговски. Но мужчина, обернувшись в ту сторону, где располагалось здание управления, молчал и лишь близоруко

щурился, кого-то выглядывая среди спящих по маленькой площади людей. Александра взглянула в ту же сторону.

- Вот видишь, - мягко проговорил Эльк, беря ее под руку. Это было очень кстати, потому что был миг, когда Александра чуть не потеряла равновесие. - Я сказал правду. Только о Стоговски ни слова, прошу тебя! Я и так уже рискую с ней поссориться навсегда.

Но Александра не слушала его. Она смотрела на хрупкую женскую фигурку, которая, приближаясь, приобретала все более знакомые черты. Она узнавала смешно торчащие хвостики за ушами, выпуклый упрямый лоб и круглые, наивные серые глаза, детское выражение которых так молодило Надю. Та приблизилась вплотную и, что-то бессвязно бормоча на смеси языков, обняла Александру за плечи, неуклюже поцеловала в щеку. Художница не сопротивлялась. Она была ошеломлена.

- Ты жива! - только и сумела произнести Александра, когда Надя отстранилась.

- Как видишь... - Лицо подруги не изменилось совсем, но манера говорить претерпела изменения - голос звучал приглушенно, виновато. - Как видишь. Я очень рада, что ты приехала.

- Постой... Значит, ты жива... - Александра никак не могла собраться с мыслями и твердила одно и то же. Они стояли посреди узкого тротуара, им то и дело приходилось прижиматься к стене здания управления, чтобы пропустить прохожих.

- Ну да! Ты как будто не рада?

Смеялась Надя тоже как-то по-новому, сдавленно и осторожно. С каждой секундой Александра отмечала в старой знакомой все больше незнакомых черт. Например, прежней Наде совсем не свойственно было неприкрытое подобоострастие, с которым та сейчас поглядывала в сторону Элька. Тот держался деликатно и даже скованно - подчеркнуто глядел в сторону, вежливо улыбаясь, пока подруги приветствовали друг друга по-русски. Александра обратилась к нему:

- Я с ума сейчас сойду... Мне придется извиниться! Я ведь думала, что ты вчера соврал мне, чтобы успокоить!

- Как видишь, этот тот редкий случай, когда я сказал правду. - Эльк сохранял натянутое выражение лица и улыбался словно по необходимости. - Я понял, что ты не уедешь отсюда спокойной, если не увидишь Надю. Рано утром я съездил в Хаарлем и привез ее сюда.

- Ты живешь в Хаарлеме? - обратилась Александра к подруге.

Та часто закивала, как будто один кивок был бы недостаточно убедителен:

- Да-да. Я очень виновата перед тобой, что ничего не сообщала о себе... Так сложилось. Я живу в Хаарлеме, работаю в антикварном магазине. Старые книги, гравюры, немного фарфора. Занимаюсь всем, чем придется. Жаловаться не на что!

Эльк взглянул на часы:

- Можно пообедать... Рано, конечно, но после у меня времени не будет. Придется заниматься тысячей вопросов в связи со смертью Тидемана. Старик был совершенно одинок. Я поражен, насколько...

- Его похоронами будешь заниматься ты? - удивленно взглянула на него Александра. - У него совсем нет родных?

- Представь, нет. Но есть Стоговски! - По лицу Элька скользнула недобрая тень. Было понятно, что если бы не стеснявшее его присутствие третьего лица, он бы выразился яснее. - Она попросила меня всем заняться, сама, как ты понимаешь, не в состоянии...

- Она его родственница? - еще больше изумилась Александра.

- Относительно... Она ему очень дальняя родня: ее последний супруг был дальним родственником Тидемана. Да, впрочем, Стоговски в родстве со всеми. - Эльк смахнул с лацкана пальто спикировавший с дерева желтый лист. - Даже с этим флагом! - Он указал на красный флаг с черной полосой и тремя косыми андреевскими крестами, развевавшийся на фасаде управления. - Стоговски в родстве даже с семьей Персейн, а городской флаг носит цвета их герба... Впрочем, она сама расскажет об этом лучше, чем я, если будет в настроении. Итак, мы идем?

- Не обижайся, но я предпочту пообедать вдвоем с Надей. - Александра взяла упорно молчавшую подругу под руку. - Нам есть о чем поговорить.

- Да, конечно, я понимаю. - Эльк устремил на Надю ничего не выражавший, стеклянный взгляд, и Александра подумала, что если бы он взглянул так на нее, ей стало бы очень не по себе. - Увидимся позже, у нашей неизбежной Стоговски! Все дороги ведут в Рим! - Он усмехнулся. - Саша, Стоговски очень обидится, если ты к ней не зайдешь перед отъездом. Кстати, когда ты улетаешь?

- Думаю, сегодня, - с тяжелым сердцем ответила она.

- Помощь с билетом нужна?

- Это лишнее... Я справлюсь!

- Увидимся! - Эльк бегло коснулся щеки Александры губами. Поцелуй был ледяной - ветер, порывами налетающий со стороны моря, казался теплее.

Александра никак не думала, что ей будет нечего сказать подруге, если она все-таки ее найдет. А это оказалось именно так - она смотрела на Надю, ожидая, что та заговорит первая. А Надя отводила взгляд, страдальчески морщась, словно у нее разыгралась лицевая невралгия. Наконец один из прохожих ненароком задел ее плечом. Обернувшись, извинился, Надя взглянула на подругу:

- Мы мешаем здесь, пойдем.

Александра не замечала, куда они идут, некоторое время она просто следовала за подругой, отстав от нее на полшага. Только когда перед ними блеснул черной водой обширный оживленный Сингель, она встрепенулась:

- Куда ты меня ведешь?

Резко остановившись, Надя оглянулась по сторонам:

- В самом деле, давно можно было где-то присесть... Знаешь, у меня такое чувство, что ты мне снишься.

- У меня точно такое же чувство. - Александра невольно огляделась тоже. - Ты смотришь, не идет ли кто за нами?

Возможно, художница угадала - Надя переменялась в лице. Она взбежала по крутым ступеням крыльца и потянула на себя тяжелую дверь пивной:

- Зайдем хоть сюда!

Поднявшись за ней следом, Александра еще раз бросила взгляд на набережную. Ясный, погожий предпраздничный день выманил на тротуары множество людей. Если переулки и маленькие улочки были по-зимнему пусты, то здесь, на одной из центральных городских артерий, кипела жизнь. Медленно, крутя головами, расхаживали туристы, пролетали на велосипедах стайки местных жителей. Возле знаменитого старинного Цветочного рынка, киоски которого теснились на сваях прямо в воде канала, толклось особенно много народа. После ноябрьского спада туристического сезона вновь начался подъем, который должен был продержаться до конца рождественских каникул. Повсюду мерцали фонарики, развевались флаги. Завтра на площади Дам должна была появиться туго связанная, как пленница, огромная елка. Ее привезет жителям города Святой Николай в епископской митре, в сопровождении свиты - разряженных в красный бархат и белые перья «арапов».

В пивной они оказались первыми посетителями. Усевшись, не глядя, за первый же стол, Александра тихонько вскрикнула - ей на колени бесцеремонно вспрыгнула упитанная кошка. С урчанием покрутившись на месте, поприветствовав гостью, кошка с достоинством удалилась за стойку, к хозяйке. Надя вернулась от стойки, сделав заказ:

- Я бы выпила в честь встречи. Никак не могу поверить... - и быстро коснулась плеча Александры, словно пытаясь удостовериться в ее телесности.

- В самом деле, это удивительно... - Александра смотрела прямо в глаза подруге. - Ты знаешь, я никому в душу не лезу. Но раз уж я здесь и вижу тебя, мне хотелось бы знать хоть что-то... Почему ты пропала? Почему не звонила?

- Ты говоришь от имени моей семьи, как я понимаю? - с неожиданной агрессивностью осведомилась Надя. - То есть эти люди любят называть себя моей семьей, когда им что-то от меня нужно!

- Я и не спорю... - Слегка удивленная этим напором, Александра испытующе смотрела на подругу. - Ты всегда делала для них многое. А они для тебя не делали ничего. Рано или поздно это должно было кончиться. Но... Лида очень переживала.

- Мне очень жаль, но Лиде придется взрослеть, - бросила Надя. - Я ее только балую и порчу. И вообще... Времена трудные. Брать на себя ответственность за чужого, уже взрослого ребенка мне не под силу. Я думала об этом, это тяжелое решение. Иначе нельзя.

Александра молча соглашалась с каждым ее словом и не торопила ее - она видела, что Надя говорит искренне. Хозяйка принесла им два бокала белого вина на подносе и с улыбкой поставила крошечную корзинку с печеньем:

- Комплимент!

Смеясь, она что-то сказала Наде по-голландски. Та выслушала с улыбкой и перевела:

- Мы первые посетители, а завтра праздник, и в эту честь нас угощают. Ох, если бы ты знала, Саша, как я устала улыбаться!

Последние слова вырвались у нее словно против воли. Тут же брызнули слезы. Отвернувшись к окну, Надя некоторое время смотрела на улицу. Александра молча ждала, глядя кошку, которая вновь незаметно подкралась и устроилась рядом на скамье, послушать.

- На самом деле все ужасно, - сдавленно произнесла Надя, не поворачиваясь. - Не знаю, как я вернусь в Москву и когда. Но теперь хоть ты приехала... Извини, я реву, давно накипело.

- Чем я могу тебе помочь? - спросила Александра.

- Ты уже помогла. Откликнулась.

- Значит, я правильно поняла, что ты меня хотела видеть, когда сказала сестре про письмо в отеле?

- Я знала, что ты догадаешься! - кивнула Надя. Тяжело вздохнув, она выдернула салфетку из жестяной вазочки, промокнула припухшие глаза и залпом осушила половину бокала. - Давай за встречу! Не думала, что свидимся. Я просто воскресла, когда увидела тебя...

Александра сделала один глоток и поставила бокал. Вино показалось ей кислым.

- Почему ты прямо не написала, чтобы я приехала? - спросила она. - Почему не позвонила мне? С домашними все ясно, хотя жестоко, но понятно. Почему нельзя было позвонить мне?

- По веским причинам, - ответила Надя, допивая вино. - Ты не представляешь себе, какой за мной тут был контроль. В общем, это объяснимо - меня взяли в серьезное дело, где задействованы большие деньги, уважаемые люди... Но они относятся ко мне как к вещи. Хуже - к вещам они питают хоть какое-то уважение!

- Я видела твое заключение на «Детей садовника», - прямо сказала Александра.

- А сам фарфор ты видела? - быстро спросила Надя.

- Мельком. На аукционе. Очень внушительно.

- Да... - упавшим голосом подтвердила та. - Очень.

- Ты была знакома с Петером Моолом?

Вопрос заставил Надю втянуть голову в плечи. Она словно сделалась меньше, хотя и так занимала немного места. Александра отметила, что подруга заметно похудела, съезжилась. «Но словно не снаружи, а изнутри. - Александра машинально погружала пальцы в теплую кошачью шерсть, ища эмоциональной поддержки. - Она просто неузнаваема!»

- Мы были знакомы, - тихо сказала Надя, когда художница уже не рассчитывала услышать ответ. - Прекрасный был человек. Но уже очень старый и больной.

- Как он умер?

- Почему ты спрашиваешь? - Надя сузила заплаканные глаза. - Весь город знает, как он умер. Во сне, от сердечного приступа.

- После того, как выдал заключение на «Детей садовника»? Или подпись на заключении не его?

Испуганно звякнуло стекло – Надя опрокинула на стол опустевший бокал. Бокал не разбился, но кошка, которой не понравился звук, резко встала и ушла, нервно подергивая хвостом. Александра подняла бокал и поставила его на бумажный кружевной кружок:

- Давай без лишних эмоций. После того как я все бросила и на последние гроши примчалась сюда, тебя спасти, с этим дурацким письмом в руках, я имею право на некоторую информацию. Да в общем, я и сама могу восстановить ход событий! Ты уезжаешь в Амстердам, тебя пригласила Варвара по поручению знакомых. Ты занимаешься экспертными оценками старинного фарфора... Не какими-то рядовыми вещами. А исключительными случаями! Даже слишком исключительными, я бы сказала!

Надя подняла руку, что-то выкрикнула, и спустя несколько мгновений к ним подошла хозяйка с открытой бутылкой вина.

- В конце концов, завтра праздник, – серым, безрадостными голосом прокомментировала свой заказ Надя. – Можно выпить еще по бокалу. Ну да. Ты все поняла. Не понимаю только как... Ты же не самый лучший спец по фарфору. Даже я не сразу догадалась.

- Да ведь ты сама сказала, что это подделка, – заявила Александра.

- Я?! – Надя застыла с занесенной над бокалом бутылкой. – Когда?

- В Москве, когда решила не продавать поддельную «Обезьяну с бубном». Она ведь пришла из того же источника, откуда и «Дети садовника». – И так как Надя молчала, Александра продолжила: – В какой-то момент тебе становится страшно. Ты даешь свое заключение на уникальную серию. «Дети садовника» в подобной комплектности, этого года выпуска – невероятная редкость и событие. Там же ставят свои заключения двое других экспертов, Хендрик ван Тидеман и Питер Моол. Питер Моол умирает в своей постели шестнадцатого октября. Эта смерть никому не кажется странной, но тебе, видимо, что-то становится известно, потому что именно в этот день ты звонишь домой, впервые за много месяцев. Ты не позвонила даже тринадцатого октября, хотя это был день рождения Лиды. Лида сходила с ума, ждала звонка, впала в депрессию – а ты выполняла свой план по воспитанию родственников. И кто тебя за это осудит? Но шестнадцатого октября что-то случилось. Если не смерть Петера Моола, то... Скажи, что это было?

Надя молча наклонила бутылку, наполняя свой бокал. Она даже не взглянула на собеседницу.

- И ты звонишь домой, по моему мнению, только ради того, чтобы косвенным образом вызвать меня в Амстердам. Не понимаю все-таки, почему ты не позвонила мне напрямую.

- Мне разрешили позвонить только сестре, – вырвалось у Нади. Опомившись, она сильно покраснела. Поднеся бокал к губам, почти виновато женщина добавила: – Ты не понимаешь... Аукцион действительно был очень важен, они боялись огласки и контролировали каждый мой шаг. Это просто чудо, что я сейчас сижу тут, с тобой, и болтаю.

- Они – это кто? Варвара и...

- Варвара? – Надя отрицательно покачала головой. – При чем тут она? Мы с ней не контактировали после того, как я приехала. Она на меня за это очень обиделась! Ну, ты ее знаешь. По ее мнению, я должна была ежедневно приезжать на Де Лоир и валяться у нее в

ногах, в знак благодарности за посредничество. За которое ей, кстати, хорошо заплатили! – с горечью добавила она. – А так как я этого не делала, Варя изволила считать меня последней тварью. Нет, с Варварой я дел не имела. Дирк не запрещал мне ни с кем общаться, просто просил никому ничего не рассказывать. Это было естественно... Понятно. Потому я и не звонила никому. Но все пошло куда хуже, когда я обратилась к Елене Ниловне... Вот этого делать не стоило, но я совсем растерялась. Мне стало страшно, ты права!

Александра, сдвинув брови, ждала продолжения. Она понимала, что Надя говорит с ней совершенно откровенно, но вероятнее всего, под воздействием нервного возбуждения от встречи и алкоголя. Такая минута могла не повториться.

– Я сделала ошибку, большую ошибку, что побежала к Елене Ниловне. – Надя в несколько глотков осушила бокал. Она говорила теперь заметно быстрее. – Я испугалась и сказала ей, что хочу прекратить сотрудничество с Дирком. И...

Она бросила взгляд на дверь, Александра перехватила его:

– И с Эльком, так? Я никому ничего не скажу, можешь быть уверена.

– Ах, я уверена в тебе, но знаешь, люди так ужасно меняются... – Надя схватила ее руку и какое-то время не отпускала. – Да, меня напугали, сильно напугали. До тех пор, пока я не задавала вопросов, все шло хорошо, мне позволяли зарабатывать, все было на доверии. А тут... Я просто не придумала ничего другого, как обратиться к Стоговски. Потеряла голову. А уж она наложила на меня лапу... Все, что она разрешила мне в тот день, – сделать один звонок домой, сестре, причем сидела рядом в своей коляске и слушала каждое слово. И еще разрешила написать тебе письмо. Относила его в отель уже не я. Старуха отдала письмо горничной, той, здоровенной, смуглой...

Она бросила взгляд на дверь, Александра перехватила его:

– И с Эльком, так? Я никому ничего не скажу, можешь быть уверена.

– Ах, я уверена в тебе, но знаешь, люди так ужасно меняются... – Надя схватила ее руку и какое-то время не отпускала. – Да, меня напугали, сильно напугали. До тех пор, пока я не задавала вопросов, все шло хорошо, мне позволяли зарабатывать, все было на доверии. А тут... Я просто не придумала ничего другого, как обратиться к Стоговски. Потеряла голову. А уж она наложила на меня лапу... Все, что она разрешила мне в тот день, – сделать один звонок домой, сестре, причем сидела рядом в своей коляске и слушала каждое слово. И еще разрешила написать тебе письмо. Относила его в отель уже не я. Старуха отдала письмо горничной, той, здоровенной, смуглой...

– Рите, – машинально уточнила Александра. – Стоговски прочитала твою записку?

– Да, но было видно, что старая ведьма ничего не поняла! – злорадно, с ненавистью произнесла Надя. – Она вся скривилась, будто лимон съела. Я сказала ей, что ты просила рекомендовать тебе дешевый отель, чтобы жить какое-то время, может быть, длительное. Я даже не знала, отнесли ли мое письмо в отель. Не могла это проверить, только надеялась. Не знаю, поняла ли она, что такого отеля нет в Амстердаме. Но я рассчитывала, что если они заманят и тебя, ты догадаешься, как попалась я. И ты ведь догадалась!

– Да! – Александра, как наяву, видела перед собой надпись на серой стене дома. – Я чуть с ума не сошла, когда это увидела. А им было невдомек, они даже не замечали надпись. Это разница

во взглядах – туриста и местного жителя.

– Я надеялась, что не зря пропала, что хоть тебя спасу! Эльк говорил о тебе с Дирком, я как-то слышала. Им нужен был русский эксперт с хорошей репутацией. Если бы избавились от меня, взяли бы за тебя! Ты бы тоже получила очень заманчивое предложение о работе. И ты ведь согласилась бы?

– Разумеется, – с убеждением ответила художница. – Разве я стала бы во все заранее вникать? Времена тяжелые. Соблазн велик... А потом оказалась бы перед фактом...

– И я согласилась! – пробормотала Надя. Язык у нее начинал заплетаться. – Я в тот день думала о смерти... Я видела ее наяву, близко! Очень близко!

Надя сжала пальцы на запястье подруги, сильно, неосознанно. «Останутся синяки!» – мельком подумала художница.

– Так отчего же умер Петер Моол? – спросила она.

– Яд, – просто ответила Надя. – Я бы не узнала, ведь никто так и не узнал, но его внучка проговорила. Довольно эксцентричная девица. Она напилась в день смерти деда и выболтала при мне все. Я как раз была у Моолов... Девчонку после этого сразу отвезли очухаться в психушку, а мне пообещали кое-что такое, после чего я удрала к Стоговски. Ну а та повела свою игру. Я была тогда вне себя. Рассказала ей все, про аукцион, про «Детей садовника», про остальные серии...

– Ты сумасшедшая, – с глубокой убежденностью заметила Александра.

– Да-да! – Надя уже была изрядно пьяна. Ее взгляд остекленел. – Знаю твои принципы на этот счет! Интересы клиента, тайна вклада, несмотря ни на что, и все такое. Ты не хуже меня знаешь, что эта благородная песня насчет честной торговли – только песня. Я же сама всегда говорила, что не грех обманывать богатого коллекционера, который желает быть обманутым. Это просто отток лишних денег. Пусть покупают своих фальшивых Рембрандтов... помоечных Рубенсов... И Франсов Хальсов тоже...

Она потянулась за наполовину опустевшей бутылкой, но Александра поторопилась ее отодвинуть:

– Не пей больше. Что было после того, как ты написала письмо?

– Стоговски меня спрятала, – с безнадежным видом проводив взглядом бутылку, ответила та. – Отправила к своим родственникам в Хаарлем. У нее родня повсюду, и все боятся этой мумии хуже самой смерти. Я сама чуть не стала мумией, не жила и не умирала, можно сказать. Копошилась в какой-то крошечной древней лавчонке, куда никогда никто не заходил. За мной все время следили. Да я и сама ничего не предпринимала – после того как я запачкалась в этих экспертизах, закон в любом случае был бы не на моей стороне. И вот – аукцион у Бертельсманна. Меня внезапно вызвали в Амстердам. Привезли к Стоговски. Она ждала гостей. Рита засунула меня на чердак. Я ждала там, сама не знала чего. Мне казалось, что меня могут убить. Откуда-то появилось четкое сознание, что это мой последний вечер! Что так я и умру среди этих корзинок и коробок, как... моль!

Она истерично рассмеялась, и тут же ее лицо стало серьезным:

– Когда гости разошлись, меня проводили вниз. Кроме Стоговски, я увидела Элька и Дирка. С

ними был и Тидеман.

- Так... - словно во сне проговорила Александра. - Чего они хотели от тебя?

- Дирк и Тидеман хотели бы, конечно, чтобы я исчезла навсегда. Свою задачу я уже выполнила. А вот Стоговски хотела, чтобы ей выплатили долю со сделки, раз уж у нее все карты на руках. Или грозилась заложить их. Грубый шантаж, но она не гнушается ничем! Ведь уже такая древняя, а по-прежнему обожает деньги... Потому и умереть никак не может!

Надя закивала, словно чрезвычайно вдохновленная своей догадкой:

- Да, такие живут вечно, потому что завидуют и хапают чужое! Никто, никто не ожидал такого ошеломляющего успеха «Детей садовника». Чего ты хочешь, ведь там стояло и мое заключение тоже, а я... Я всегда лучше всех разбиралась в фарфоре!

- Оставь шутки на потом! - в сердцах попросила Александра. - И пить я тебе больше не дам!

Обернувшись к стойке, она громко попросила кофе, подняв два пальца. Заскучавшая хозяйка встрепенулась, кивнула и принялась молоть зерна ручной скрипучей мельничкой, прижав ее к высокой груди, обтянутой вязаной кофтой.

- Как приятно снова посмотреть на тебя, - вздохнула Надя. - Хотя ты мной и командуешь. Не сердись, что я много выпила, пойми, мне нужна разрядка... Я пережила страшный стресс. Стоговски предъявила меня этим троим и заявила, что если ей не заплатят, я все расскажу в полиции. Представляешь... Она же практически меня убила! В этот миг я ощущала себя покойницей... Если бы ты видела, как смотрел на меня Моол... А Тидеман! Старик рвал и метал. Он визжал, что ничего ей платить не будет, что его доля и так меньше всех, и даже сказал, что сам заявит в полицию, только бы испортить ей всю игру.

- Он так и сказал?

- Так и сказал, и причем не только это... Но я не все поняла, что они говорили друг другу, у меня ведь по-голландски несколько слов... - Надя потерла лоб, морщась, словно от головной боли. - Не смотри на меня так, Саша, не смотри. Знаю, ты будешь меня осуждать, но другой работы на тот миг не было... И потом, есть такая ужасная вещь, как личные отношения.

- Личные отношения?

- Ну да. Увлекаешься человеком, легче соглашаешься на все, что он тебе предлагает... Сперва говоришь «да», потом думаешь, чем все обойдется. А если у него еще и семья, то прибавляется чувство вины. Тут сложная тема... Не надо в это вникать.

Александра чуть отодвинулась, когда подошедшая хозяйка поставила перед ними две маленькие чашки дымящегося черного кофе. Пар коснулся ее лица, она жадно вдохнула его. Мысли прояснились с ужасающей быстротой. Все, что еще утром казалось туманным, загадочным, внезапно освещалось беспощадно ярким светом.

- Да, не надо, - услышала она собственный, очень спокойный голос. - Тем более что твои личные переживания к делу не относятся. Так чем кончились их переговоры?

- Не знаю... - протянула Надя. - Стоговски было важно предъявить меня, как ты понимаешь. Пригрозить им. А до чего они в итоге доторговались, я понятия на имею. Дирк ушел, хлопнув дверью, Тидеман остался пить чай, Стоговски уговаривала его успокоиться. А Эльк повез меня

обратно в Хаарлем на машине, хотя он слегка выпил в тот вечер. Он вообще был немного странный, как будто не в себе.

- Да, это было заметно, - согласилась Александра. - А что, Эльк часто оказывал услуги Стоговски?

- Конечно, - протянула Надя, заглядывая в свою чашку. - Эльк - ее доверенное лицо. Правая рука. Называй как хочешь. Думаю, если бы он не был женат, она бы его на себе еще и женила! Знаешь, получилась бы чудесная парочка!

- Так за кого он играет? За Дирка или за Стоговски?

- Эльк? - Надя, подняв глаза к потолку, легонько присвистнула. - Только за самого себя. Ну да ладно! Главное, мы с тобой увиделись. Знаешь, это для меня что-то вроде отпущения грехов... Меня начали показывать соотечественникам, значит, я еще имею право на жизнь!

Женщина вновь негромко рассмеялась.

- И это благодаря тому, что ты здесь! - серьезно добавила она. - А ведь я не верила, что ты приедешь! Я здорово изменилась... Уже не так запросто верю во что-то хорошее...

Замолчав, она принялась за кофе. Александра разломала пополам песочное печенье и съела кусочек, не чувствуя вкуса. Ей казалось, что она жует размоченный картон.

- А помнишь, ты говорила, что если хоть раз ошибешься, уйдешь из профессии? - внезапно спросила она, следя за тем, как Надя, ссутулившись, отпивает маленькими глотками кофе.

- А помнишь, ты говорила, что если хоть раз ошибешься, уйдешь из профессии? - внезапно спросила она, следя за тем, как Надя, ссутулившись, отпивает маленькими глотками кофе.

Та подняла голову, глядя на нее озадаченно, словно Александра задала вопрос на незнакомом языке:

- Я это говорила?

- Да не раз и не два. В Москве.

- В Москве... - повторила она. - В прошлой жизни. Знаешь, о чем я подумала? Когда-то я пришла в свою профессию через Варвару. Она много сделала для меня, надо признать. И разве я могла ей отказать, когда она попросила принять на реализацию статуэтку обезьяны? Мне было очень подозрительно ее происхождение. Варвара намекнула, что обезьяна краденая. В последний момент я выяснила, что она поддельная. Варвара знала насквозь всю эту аферу, но не предупредила меня... Она знала, что я не смогу отказать. Это ужасно - быть кому-то обязанной... Приходится терпеть и благодарить. Благодарить и терпеть. Оказывать услуги и получать по морде. Не делай добра - не получишь зла!

Дверь отворилась, в пивную вошла пожилая пара. Хозяйка бросила перетирать полотенцем бокалы, поспешно подошла к гостям и каждого крепко обняла в знак приветствия. Усаживаясь за стол, разматывая шарф, мужчина весело что-то прокричал, обращаясь к открытой двери в подсобное помещение. Оттуда словно из-под земли ответили низким утробным голосом, и вероятно, что-то смешное, потому что все захохотали - оглушительно, искренне, как могут смеяться только очень здоровые люди. Даже по губам Нади пробежала тень улыбки.

- Завтра праздник. - Она взглянула в окно. - Боже мой, как время быстро идет... Оно превратилось в ничто. Год прошел, как сон пустой...

Над Сингелем пронеслась стая ржавых листьев, сорванных порывом ветра. По черной воде канала медленно, с чувством собственного достоинства шел старый грузный катер. Отсюда была видна готическая церковь, чей узкий сизый фасад сжимали в объятиях соседние дома, стоявшие плечом к плечу, как старые друзья или заговорщики. Два острых шпиля церкви преломлялись, отражаясь в воде, усыпанной листьями. По мостовой звенели стаи велосипедистов - то был непрекращающийся поток, направлявшийся в сторону Монетной башни и Цветочного рынка.

- Я надеюсь улететь сегодня вечером. - Александра достала из кармана куртки часы с оторванным ремешком и взглянула на циферблат. - Главное, ты жива... По нашим временам это немало. Скажи, а что ты знаешь о Франсе Хальсе?

- О Франсе Хальсе? - Надя высоко подняла брови, отчего ее глаза показались еще более выпуклыми и круглыми. - Да то же самое, что и ты...

- Я имею в виду определенную картину, ту, что Стоговски приобрела на аукционе. «Мастерскую художника».

Надя прижала ладонь к груди:

- Ничего, Саша. Поверь, ничего. Я бы тебе сказала. Я видела эту картину только в тот вечер, когда меня привезли к Стоговски. Вполне может оказаться подлинником. Сашка, сделай мне еще одно одолжение! - Она сменила тон на умоляющий. - Остайся на несколько дней! Что там у тебя в Москве? Я такая свинья, даже не спросила, как жизнь. Если дела неважные, нуждаешься в деньгах, я могу помочь...

Александра покачала головой:

- Даже не вздумай. Я выкручусь, всегда выкручивалась.

- Но ты приехала из-за меня... - жалобно проговорила Надя. - Только увиделись, и ты сразу уезжаешь, будто не хочешь меня видеть!

Художница улыбнулась:

- Давай считать, что я приехала на День святого Николая, но вдруг вспомнила, что в Москве меня ждет срочная сделка. Давай думать о хорошем!

Дверь вновь открылась - на этот раз в пивную втиснулась большая группа туристов. Сделалось шумно, за стойкой поднялся металлический и стеклянный звон приборов, из кухни потянуло пряным жирным духом жарящихся сосисок. На подмогу хозяйке явился высокий плечистый парень с румянцем во всю щеку, удивительно похожий на нее. Он весело, с шутками, разносил пиво, расставлял приборы, ловко и привычно крутясь в тесном помещении, где теперь яблоку было негде упасть. Вновь явилась кошка, привлеченная наплывом посетителей. Она ничуть не робела и держала себя независимо, как все почти животные в Амстердаме.

Надя взяла бутылку и разлила по бокалам остатки вина:

- Ты даже не выпьешь со мной?

- Хорошо. - Александра взяла бокал. - Давай помянем Варвару.
- Давай, - помедлив секунду, ответила та. - Печально. И... нелепо.
- Что именно нелепо? - спросила Александра, ставя бокал, к которому не притронулась.
- Так погибнуть, - пояснила Надя. Осушив бокал, она с недовольством покосилась в сторону расшумевшихся туристов за соседним столом. - Из-за телефона, бумажника и той дурацкой рубиновой заколки, которую она вечно носила напоказ...
- Это официальная версия, что ее ограбили. - Облокотившись о столешницу, сцепив пальцы в замок, Александра положила на них подбородок, пристально глядя на собеседницу. - Вполне убедительная. Женщина идет вечером одна по парку, и с ней что-то случается. В это так же легко поверить, как и в смерть во сне, когда дело касается старого больного человека. Какое счастье, что мне не пришлось выслушивать официальную версию на твой счет! Кто отравил Моола?

Надя нервно завертела головой, оглядывая публику в зальчике:

- Потихе... Понятия не имею. Это мог быть кто угодно! Понимаешь, ужас именно в том, что это мог быть кто угодно... Его друг, сын, внучка. Это не имеет никакого значения.

Парень, помогавший матери в зале, перегнулся через стойку, повозился, и из динамиков, висевших по углам под потолком, грянула неизбежная в туристических местах народная музыка. Публика убаготворенно зашумела. Открылась дверь, с улицы вошла молоденькая девушка с белой беспородной собачонкой на поводке. Девушка проследовала напрямик в подсобное помещение и уже спустя минуту вернулась без куртки и без собаки, повязывая длинный черный фартук, доходивший чуть не до полу.

- Заметь, совершенно одинаковые лица! - Взгляд подруги, слегка протрезвевшей от кофе, вновь затуманился, поплыл. - До чего они все трое, мать, сын и дочка, розовые и добродушные. Скажи, ты никогда не завидовала таким вот людям?

- Каким - таким? - отрывисто спросила Александра.

- Ну, они владеют этой пивной, и может быть, их предки тоже держали пивную на этом самом месте. Никаких безумных порывов у них за пазухой нет, а есть коммерческие ожидания. Вот сегодня, например, они отлично заработают! Ошибок они не совершают - как при их образе жизни совершать ошибки, ума не приложу. Все дни похожи один на другой, как вареные яйца. Но посмотри, как они счастливы, как искренне смеются... И ведь правы! Они - правы. А мы - нет!

- Каждый из нас прав, и все мы ошибаемся. - Александра придвинула подруге свой бокал: - Пей, я не хочу. Есть еще одно дело в городе... Та же история, из разряда твоего «Отеля «Толедо». Кое-что видно только свежим взглядом, а для завсегдатаев незаметно, давно примелькалось. Вот бы ты мне помогла! Нужно взглянуть на одну фарфоровую тарелочку.

- Разумеется, взгляну, - заплетающимся языком выговорила Надя, принимая бокал. - Не сбрасывай со счетов мой огромный и не всегда позитивный опыт!

И ее улыбка на миг показалась прежней - ироничной, теплой и беззаботной.

Вечерний предпраздничный поток пассажиров схлынул из Схипхола, растворился в чернильном ясном небе, растекся по низинам Ватерланда, укутанным к ночи серым туманом. Зал вылета стал пустынным и задумчивым – такое выражение принимают аэропорты в паузах между часами пик. Рейс, которым улетала Александра, отправлялся незадолго до полуночи.

Она настаивала, чтобы ее никто не провожал, и все же Эльк умудрился успеть в аэропорт. Номер рейса он узнал у Нади, как тут же и сообщил, отыскав Александру в зале.

– Все, все знаю, поздравляю с удачей! – Взяв Александру за руки, он слегка их сжал, вглядываясь ей в лицо. – Удивительно, в самом деле! Тарелка из королевского сервиза Августа Сильного – и в какомто кабаке, на полке в общем зале, где ее сто раз могли разбить, украсть... И где – рядом с Де Лоир, под носом у знатоков! Мы все там обедаем каждый день, а на тарелку обратила внимание только ты одна!

– Не совсем так, – заметила Александра, осторожно высвобождая руки. – Я показала тарелку Барбаре, но та сказала, что это современный китайский хлам.

Эльк лишь поморщился при упоминании имени бывшей соседки по Де Лоир. Вид у него был измотанный. В течение дня они больше не виделись, все его время заняли формальности, связанные с грядущим погребением Тидемана. Зато Эльк несколько раз звонил то Александре, то Наде. По его настоянию (художница подозревала, что для Нади это был приказ) подруги приехали к Стоговски «на чай». Художница так и не смогла заставить себя сделать хоть глоток – у нее перед глазами вставал Тидеман, опирающийся на трость с набалдашником из слоновой кости, с упоением и тревогой наблюдающий за торгами на аукционе. Елена Ниловна, сраженная известием о смерти партнера и дальнего родственника, сказала больно. Она куталась в несколько пледов, совершенно под ними скрывшись, и едва высовывала наружу кончик мертвенно-воскового носа. Голос ее упал до едва различимого шелеста.

– Обязанности светской женщины ужасны, – заявила она, когда явились гости. – Твое сердце может разрываться, ты можешь умирать сама сто раз на дню, но должна принимать визитеров. Сегодня у меня был весь Амстердам. Наверное, эта история уложит меня в гроб! Варя... Тидеман... И почти в один день! А обо мне смерть забыла! Думаете, я не знаю, о чем все думают, когда говорят мне, что умер такой-то... И та тоже умерла... Все думают только одно: «Когда ты тоже уберешься на тот свет, проклятая перечница?!»

Елена Ниловна бесшумно рассмеялась и неожиданно твердым, глубоким голосом заключила:

– Пусть подождут!

В ее присутствии Надя совершенно стушеввалась, превратившись в безмолвную тень с испуганным, маленьким, незначительным лицом. Розовощекой горничной видно не было, за чайным столиком хозяйничала смуглая Рита. Елена Ниловна в нетерпении поглядывала на большие часы в резном футляре розового дерева:

– Моолы давно обещали быть... И Эльк где-то носится... Это просто возмутительно – бросить меня одну в такой день! Представьте, еще и эта девчонка, Ирена, уволилась утром. Ни с того ни с сего! Саша, что ты ерзаешь все время? Куда собралась?

Александра, которая и впрямь не могла усидеть на стуле, встала и протиснулась, решительно

сославшись на срочные дела, которые надо было устроить перед отъездом. Надя смотрела на нее умоляюще, но Александра проигнорировала этот красноречивый взгляд. Напоследок Елене Ниловне сообщили о невероятной находке, только что сделанной в пивной возле рынка антикваров.

- Я сразу обратила внимание на эту тарелку. - Вынув из сумки покупку, бережно завернутую в несколько слоев бумаги, Александра протянула ее для ознакомления Стоговски. - Оказалось, у хозяина есть целый такой сервиз. Кто-то таким образом расплатился с его родителем за обеды, взятые в кредит. Дело было сразу после войны. Великолепный сервиз, королевский фарфор, первый «мейсен»... Взгляните на маркировку!

Елена Ниловна кивнула, водя тусклым взглядом по тарелке, испещренной голубоватыми узорами:

- Очаровательно. И как всегда бывает с подлинниками, не так роскошно, как подделка. Ну, не мне вам говорить это, девушки!

Надя тихонько, вежливо засмеялась. Стоговски даже не взглянула в ее сторону. Она в упор смотрела на Александру.

- Так мы с тобой свяжемся! - заявила она твердо, будто говоря о чем-то раз и навсегда решенном. - Да, моя дорогая, оставаться Франсом Хальсом куда труднее, чем стать Франсом Хальсом. И годы к земле гнут, и бороться, как подумаешь, не за что... Да и слова доброго о тебе никто не скажет. Но как представлю себе, сколько людей ждут часа, чтобы плюнуть в мою могилу, так сразу непонятно откуда берутся силы!

Поманив Александру к себе, она с неожиданной сердечностью поцеловала ее в подставленный лоб:

- Будь здорова, деточка! И не повторяй моих ошибок, не влюбляйся! Ты такая же, как я. Большие несчастья переношишь легко. А пустяки тебя терзают... Такие люди не бывают счастливы в любви!

И художнице показалось, что эти мутно-опаловые глаза, на дне которых давно утонули и растворились все страсти и страдания, на миг сделались прозрачными и пронизательными. Только на миг - их снова заволочла туманная пелена.

- Я позабочусь об отправке сервиза, о страховке, упаковке... Все беру на себя. - Эльк, сильно прихрамывая от усталости, шел рядом с Александрой к выходам, возле которых должна была начаться регистрация. - Ты, надеюсь, не возражаешь?

- Буду очень признательна. В конце концов, я найду случай, как тебе все это возместить. - Остановившись, Александра взглянула на табло с номерами рейсов. - Ну, давай прощаться.

- Еще есть время, не спеши. - Сняв очки, Эльк повертел их в руке, словно недоумевая, что это за вещь и каким образом она оказалась на его переносице. Без защиты сильных стекол его глаза приобрели загадочное, невидящее выражение, какое можно увидеть на снимках знаменитых медиумов. - Тебе так хочется скорее вернуться домой?

- На этот раз, признаюсь, да! - прямо ответила Александра.

- И в этом моя вина? Художница покачала головой:

- Все нет. Напротив, ты хотел устроить мне выгодный контракт... Я это ценю. Эльк сощурился и надел очки:

- Значит, моя вина. Саша, не знаю, поверишь ли ты мне, но я всегда желал тебе только добра.

Александра отвернулась, делая вид, что внимательно прислушивается к объявлению по громкой связи. За стеклянными стенами аэропорта виднелось черное небо, вдали подсвеченное городскими огнями, но на миг перед ее внутренним зрением появилась медовая полоса заката над серым морем. Разгоревшегося лица коснулся холодный порыв ветра, словно кто-то хлестнул ее по щеке мокрым платком. Она повернулась к стоявшему рядом мужчине. Эльк смотрел на нее взглядом, который всегда так завораживал ее, одновременно внимательным и отсутствующим.

- Я знаю, - сказала она на удивление мягко. - Я знаю, что ты всегда хотел мне добра. Просто бывают обстоятельства, в которых человеку трудно делать добро...

Наклонившись, она сама поцеловала его - Эльк явно не решался на это. Отстранившись, подхватив с пола сумку, Александра с преувеличенной бодростью помахала рукой:

- Я пошла!

- Постой, секунду... - Схватившись, Эльк протянул ей небольшой пакет из коричневой оберточной бумаги. - Я все-таки сгонял на Маркен, купил тебе копченых угрей. А то будешь потом говорить, что я тебя обманул!

- Ты знаешь, что ты идиот, да, Эльк? - растерянно спросила Александра, беря у него пакет. - А если меня не пустят на борт с этими угрями? Это будет отличная шутка - торговать антиквариатом, а попасться на контрабанде продуктов!

Помахав еще раз, она развернулась и пошла к стойкам регистрации, где уже появились первые пассажиры с ее рейса. Багажа у Александры не было, сумку она брала с собой в ручную кладь.

- Но у меня с собой вот что, - она предъявила таможеннику пакет с угрем, запечатанным в вакуумную упаковку. - Угорь с Маркена. Сдать сумку в багаж?

Служащий заглянул в пакет, принялся и улыбнулся:

- Не надо! - И добавил почему-то по-французски: - Bon voyage![6]

Перед тем как ступить в зону личного досмотра, Александра обернулась. Она отчего-то была уверена, что увидит за стеклянными щитами, отделявшими зал, знакомую фигуру в черном пальто. Но Элька среди немногочисленных провожавших не оказалось. И хотя ничего странного в том, что он уже ушел, не было, Александру что-то укололо.

«Пустяки терзают! - повторила она про себя слова Елены Ниловны, проходя «рамку» и направляясь в «зеленую зону». - Да, верно, терзают только пустяки! Жестокий взгляд, циничное слово. Упущенная минута, которая за миг до этого была тебе совсем не нужна...»

В зале к ней сразу подошел молодой человек со стопкой анкет. С заученной улыбкой осведомившись, говорит ли Александра по-английски, он попросил ее ответить на несколько вопросов.

- Почему бы нет? - философски заметила Александра.

- Какова была цель вашего визита в Амстердам? - радостно поинтересовался молодой человек.
- Отдых! - ответила художница.

Примечания

1

Привет (*нидерландск.*).

2

Благодарю (*нидерландск.*).

3

Mevrouw (*нидерландск.*) - сударыня.

4

Dank (*нидерландск.*) - спасибо.

5

Meneer (*нидерландск.*) - сударь.

6

Счастливого пути! (*франц.*)